

НОМОТНЕТКА:
Философия. Социология. Право
2021. Том 46, № 1

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Адрес редакции: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
 Белгородского государственного института искусств
 и культуры

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ
 «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е.

кандидат юридических наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А.

кандидат социологических наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философии, профессор
 (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор
 (Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
 (МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент
 РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный
 федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
 (Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
 (Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
 (Белгородский государственный институт искусств
 и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
 (Тульский государственный педагогический университет
 им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор
 (Института философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
 (Российская академия народного хозяйства и
 государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор
 (Софийский университет имени Св. Климента Охридского,
 Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Воронежский государственный университет)

Туралин В.Ю., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Шнопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор
 (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор
 (Государственный университет управления)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Коханова. Корректурa, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 17,0. Дата выхода 30.03.2021. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 5 **Дьяков А.В.** Французская философия классической эпохи и наши дни: два образа современности
12 **Мареев С.Н., Барсуков И.С.** Генезис философской системы Гегеля
22 **Тихонов А.В.** Платон об искусстве и разуме

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 27 **Апасова Ю.Н.** К вопросу понятия юридического перевода с точки зрения права

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 36 **Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.** Социодинамика изменений культурно-ценностных ориентаций городского сообщества в контексте проблемы определения социокультурных констант
47 **Лебедева Л.Г.** Отношение поколений к семье, детям и межпоколенческие отношения: проблемы и тенденции
58 **Леонова И.С.** Управление социально-психологическим возрастом персонала при внедрении инноваций: роль организационной культуры

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

- 70 **Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеев Е.В.** Анализ эстетической эмоции
81 **Дмитрийчук А.Ю.** Образ любви в отечественной философии культуры
89 **Опошнянский А.В., Данильченко Т.Ю.** Проблема рационализации общественного сознания в современной России
99 **Гурба В.Н., Римский А.В.** Этнокультурные механизмы формирования терроризма в современном мире
106 **Сулимов С.И., Арапов А.В.** Феномен тайных обществ: типология, особенности и исторические роли

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 115 **Стоянович В.** Феноменологическая трансформация религии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 120 **Гуторова А.Н.** Конституционно-правовой статус депутатов, работающих на постоянной и непостоянной основе
126 **Дегтярев М.В.** Экспериментальное законодательство: вопросы теории
134 **Комнатная Ю.А., Мирошников Е.В., Остапюк В.Г.** К вопросу о существовании торговых обычаев (lex mercatoria) в средневековой Европе до XVII в.
145 **Мархгейм М.В.** Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки
155 **Рыженков А.Я.** О влиянии нравственных ценностей на принципы и нормы семейного права
163 **Тонков Е.Е., Макогон Б.В., Пожарова Л.А.** Государственный суверенитет в период правовой глобализации
170 **Чепунов О.И., Болдырева Е.В.** К вопросу о конституционно-правовом совершенствовании публичной власти

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 179 **Аотгенхуар, Сум Бэр, Калинина Г.Н.** Китайская музыкальная культура в государственной образовательной политике КНР.
185 **Гудова О. С., Липич Т.И.** Философско-антропологический анализ роли женщины в русской культурной традиции

РЕЦЕНЗИИ

- 195 **Кутومانов С.А.** Преступление и наказание. Рецензия на монографию В.Н. Пожималина «Предупреждение преступности несовершеннолетних и молодежи, объединенных спортивным фантизмом»

**NOMOTHETIKA:
Philosophy. Sociology. Law
2021. Volume 46, No. 1**

Previously, the magazine was published under the title "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Address of editorial office: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pochepstov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Candidate of law (Belgorod State National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Candidate of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research Univ Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpopper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (the State University of Management)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ 77-77840 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kokhanova. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pochepstov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 17,0. Date of publishing 30.03.2021. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 5 **Dyakov A.V.** The french philosophy of the classical age and the ourdays: two images of the modernity
12 **Mareev S.N.**, **Barsukov I.S.** The genesis OF Hegel's philosophical system
22 **Tikhonov A. V.** Plato on Art and Reason

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 27 **Apasova J.N.** Revisiting the Concept of legal translation in legal contemplation

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- 36 **Babintsev V.P.**, **Gaidukova G.N.**, **Shapoval Zh.A.** Sociodynamics of changes in the cultural and value orientations of the urban community in the context of the problem of determining socio-cultural constants
47 **Lebedeva L.G.** Generational attitudes to family, children, and intergenerational relationships: challenges and trends
58 **Leonova I.S.** Management of socio-psychological age of personnel while introducing innovations: the role of organizational culture

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- 70 **Chernikov M.V.**, **Perevozchikova L.S.**, **Avdeenko E.V.** Analysis of aesthetic emotion
81 **Dmitriyчук A.Yu.** The image of love in domestic philosophy of culture
89 **Oposhnyansky A.V.**, **Danilchenko T.Y.** The problem of rationalizing public consciousness in contamporery Russia
99 **Gurba V.N.**, **Rimsky A.V.** Ethno-cultural mechanisms of terrorism formation in the modern world
106 **Sulimov S.I.**, **Arapov A.V.** The phenomenon of secret societies: typology, features and historical roles

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

- 115 **Stojanovic V.** The phenomenological transformation of religion

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- 120 **Gutorova A.N.** Constitutional-legal status of the deputies working on a constant and temporary basis
126 **Degtyarev M.V.** Experimental legislation: theoretical questions
134 **Komnatnaya Yu.A.**, **Miroshnikov E.V.**, **Ostapyuk V.G.** More on existence of commercial customs (lex mercatoria) in the medieval Europe up to the XVII century of public law relations in a police state
145 **Markhgeym M.V.** All-Russian voting: the people-power's signs and ghosts
155 **Ryzhenkov A.J.** On the influence of moral values on the principles and norms of family law
163 **Tonkov E.E.**, **Makogon B.V.**, **Pozharova L.A.** State sovereignty in the period of the legal globalization
170 **Chepunov O.I.**, **Boldyreva E.V.** On the issue of constitutional and legal improvement of public power

THESIS

- 179 **Aotgenhuar, Sum Baer, Kalinina G.N.** Chinese music culture in the state educational policy of the people's Republic of China.
185 **Gudova O.S.**, **Lipich T.I.** Philosophical and anthropological analysis of the role of women in the Russian cultural tradition

REVIEWS

- 195 **Kutomanov S.A.** Crime and punishment. Review of the monograph by V.N. Pozhimalin «crime prevention among minors and youth jointed through sports fanaticism»

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 1(09)

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-5-11

Французская философия классической эпохи и наши дни: два образа современности

Дьяков А.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
E-mail: a.diakov@spbu.ru

Аннотация. Работа посвящена проблеме философской современности как концептуальному понятию, фиксирующему ключевые моменты самоосмысления современной философии. Автором предложено типизировать философскую рефлексию о современности таким образом, чтобы можно было говорить о различных ее моделях. С помощью сравнительного анализа современности классической эпохи и современности нашего времени выделены ключевые моменты в обоих случаях философской рефлексии и обозначены черты их сходства и различия. Отталкиваясь от продуктивной мысли М. Фуко, автор предлагает рассматривать классическую модель современности с точки зрения ее опоры на традицию истории и рождающейся в век Просвещения историографии, тогда как сегодняшняя модель, по мысли автора, отличается радикальным разрывом с исторической традицией и опорой на юридическо-философский дискурс. Автор приходит к заключению о невозможности интегрального определения феномена современности как уникального эпистемологического порога, не принимая в то же время крайностей культурологического определения этого явления как периодически повторяющегося и типически воспроизводимого.

Ключевые слова: современность, философия, история философии, Просвещение, модерн, постмодерн, рефлексия.

Благодарности: работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-01189 «Французская философия классической эпохи как национальный проект: история и самосознание»).

Для цитирования: Дьяков А.В. 2021. Французская философия классической эпохи и наши дни: два образа современности. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 46 (1): 5–11. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-5-11

The french philosophy of the classical age and the ourdays: two images of the modernity

Alexander V. Dyakov

Saint-Petersburg State University
7-9 Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: a.diakov@spbu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of philosophical modernity as a conceptual concept that fixes the key moments of self-understanding of modern philosophy. The author proposes to typify

philosophical reflection on modernity in such a way that one can talk about its various models. Conducting a comparative analysis of the modernity of the classical era and the modernity of our time, he proposes to highlight the key points in both cases of philosophical reflection and clearly identify the features of their similarities and differences. Starting from the productive thought of M. Foucault, the author proposes to consider the classical model of modernity from the point of view of its reliance on the tradition of history and the historiography born in the Age of Enlightenment, while the current model, according to the author, is distinguished by a radical break with the historical tradition and reliance on the legal and philosophical discourse. Considering various types of philosophical modernity, the author comes to the conclusion about the impossibility of an integral definition of the phenomenon of modernity as a unique epistemological threshold, without taking at the same time the extremes of a culturological definition of this phenomenon as periodically repeating and typically reproduced.

Keywords: modernity, philosophy, history of philosophy, Enlightenment, modernity, postmodernity, reflection.

Acknowledgements: the work was supported by the RFBR (project No. 18-011-01189 "French philosophy of the classical era as a national project: history and self-consciousness").

For citation: Dyakov A.V. 2021. The french philosophy of the classical age and the ourdays: two images of the modernity. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 5–11 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-5-11

Существует банальность, бесконечно воспроизводимая в исследовательской литературе и не перестающая от этого быть банальностью: любое наличное состояние мысли есть продукт и продолжение мысли прошедших времен, зачастую весьма отдаленных. Поэтому сказать, что современная французская философия органично вырастает из философии классической эпохи, значит сказать то, что и так всем известно, несмотря на манифестации постмодернистов, старавшихся показать, что существует некий эпистемологический разлом, навсегда отделивший философию последних десятилетий от всего бывшего прежде. Обнаружить что-то новое здесь можно разве что существенно расширив те рамки, в которых можно говорить о непосредственной преемственности мыслительных структур, относя истоки нашей современности во времена Средневековья (впрочем, это сделал уже Э. Жильсон [2011]) или еще раньше.

Другой путь ведет к поиску истоков нашей современности в некоем минувшем, уже сделавшимся достоянием истории, но по-прежнему присутствующем в дне сегодняшнем. М. Хайдеггер весьма проникательно заметил: «Не вынуждена ли любая современность видеть и истолковывать прошлое всякий раз из своего горизонта? Разве ее историческое знание не становится тем “жизненное”, чем в более решительном смысле тот или иной горизонт той или иной современности оказывается определяющим?» [Хайдеггер, 1993, с. 103]. Если первый вариант представляет собой следование традиционной истории, то второй можно охарактеризовать как историческую эпистемологию. Мишель Фуко сделал так много для популяризации этого подхода, что почти совершенно затмил своих многочисленных предшественников, и сегодня мы знаем его как фукольдианский, хотя, быть может, куда уместнее было бы называть его ницшеанским. Сам Фуко полагал, что существует эпистемологический «порог нашей современности» [Фуко, 1994, с. 35], который следует располагать в XIX столетии, и современность эта полагает саму себя в качестве таковой. По мысли этого автора, в этот ключевой момент западная цивилизация стала мыслить себя не в рамках оппозиции старое/новое, но в качестве универсального проекта, полагающего себя целиком и полностью исходя из наличной ситуации и исключительно средствами разума. Можно добавить к этому, что Фуко не только нашел ясную формулировку этой позиции у Канта, но сам остался последовательным кантианцем (впрочем, он и сам это охотно признавал).

Мы хотим попытаться совместить оба подхода, рассчитывая получить продукт не эклектичный, но синтетический, а именно: взглянуть на понятие современности как меняющийся и эволюционирующий конструкт, возникший в некоем вполне постижимом моменте прошлого и сохранившийся до нашего времени в сильно изменившемся, но все еще узнаваемом виде. Ведь всякая современность имеет свою историю: в то время как корни ее уходят далеко в прошлое, ее крона устремляется в будущее, тогда как ствол составляет настоящее, чей рост зависит от розы ветров и от погодных превратностей не меньше, чем от места произрастания. С тех пор, как в пространстве философии зашла речь о современности, эта последняя перестала быть чем-то само собой разумеющимся, и именно эта проблематизация современности сделала нашу эпоху столь особенной.

Начнем с того, что современность есть изобретение, а не простая мысленная фиксация настоящего момента. О. Шпенглер однажды заметил, что бывали целые культуры, не знавшие исторического времени. Точно так же можно сказать, что в истории западной цивилизации бывали целые эпохи, не знавшие современности. Или что западное человечество однажды изобрело историю, а вместе с ней и современность. История как наука становится возможна, когда отдельные факты выстраиваются в линейную последовательность, на всем протяжении которой работают причинно-следственные связи, а кроме того, постоянно просматривается если не какой-то финал, то по крайней мере высший смысл происходящего. Такова историческая дисциплина при своем рождении, хотя в дальнейшем она, конечно же, уходит от подобных наивностей. Однако одного лишь хронологического строя, хотя бы и подкрепленного телеологием, недостаточно для рождения современности. Для появления этой последней, собственно, необходим не исторический, а скорее философский дискурс, опирающийся на идею всемирной истории.

М. Фуко очень удачно подметил этот момент у Канта: современность есть Просвещение, а Просвещение есть выход из состояния несовершеннолетия и т.д. «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [Кант, 1994, т. 8, с. 29]. Фуко подчеркивает: «Он просто определяет настоящий момент как “Ausgang”, как исход, выход, движение, в котором освобождаются от чего-то, ничего не говоря о том, к чему приходят» [Фуко, 2011, с. 39]. Так понимаемая современность схватывается просвещенным разумом как момент, в который осуществляется беспрецедентное событие освобождения от груза прошлого, а не как результат какого-то исторического движения. Это момент, в который и изнутри которого просвещенный разум сознает свое время как свое собственное, радикально отличное всякого бывшего прежде именно тем, что впервые сознается как свое собственное. Когда Фуко заявляет, что такое (т.е. что философия изнутри самой себя и пользуясь исключительно собственными средствами задается вопросом о собственной современности) случилось в истории западной цивилизации впервые, он рассуждает с точки зрения той самой стратегии, от которой так стремился уйти. И нельзя не признать правоту Ж. Бодрийера, заявившего, что Фуко только тем и занимается, что воспроизводит дискурсивные стратегии, против которых затеял поход («Дискурс Фуко – зеркало тех стратегий власти, которые он описывает» [Бодрийер, 2000, с. 38]).

Этой фукольдианской позиции, согласно которой порогом и началом нашей современности является уникальный в истории цивилизации эпистемологический разлом, нетрудно противопоставить другую, сводящуюся к тому, что модерн – событие не уникальное, но периодически воспроизводимое. Вовсе не обязательно исповедовать доктрину циклического времени или принимать органическую идею цивилизационного роста в духе Шпенглера [1998]. Достаточно сказать, что та историческая ситуация, которая породила нашу современность, вовсе не была уникальным событием в истории западной цивилизации, но представляет собой определенную, как сказал бы сам Фуко, дискурсивную формацию, которой в принципе ничто не мешает сложиться в другую

эпоху и в другом месте. Таким образом, можно сказать, что в вопросе о современности существует две исторически сложившиеся линии мысли. (Частным и очень ярким случаем является чрезвычайно острая в прошедшем столетии дискуссия о том, является ли капитализм исторической неизбежностью или случайностью. Даже Ф. Бродель, посвятивший этому вопросу фундаментальный труд [1986–1992], кажется, не рискует ответить на него однозначно.)

Первую составляют философы, которых в самом общем смысле можно назвать механицистами, поскольку любое событие в реальном мире они склонны рассматривать с точки зрения строгого детерминизма. К их числу принадлежит и упомянутый нами Фуко, предпочитавший называть свою позицию «счастливым позитивизмом» [Фуко 2004, с. 242], что, впрочем, дела не меняет. Эти философы рассматривают европейскую современность (modern) как точку, в которой рвется дней связующая нить, т.е. как разлом между историческим прошлым, отбрасываемым как ненужный балласт, и гипотетическим будущим, которое должно стать проектом, реализуемым исходя из настоящего. Уникальность такой современности в том и состоит, что она аннулирует историю и производит ее перезапуск.

Другую линию мысли представляют авторы, полагающие современность явлением периодическим, перемежаемым периодами постмодерна, когда современность, исчерпав свой потенциал, теряется в историческом безвременьи. При таком подходе современность видится моментом, положение которого на исторической шкале не имеет значения и который характеризуется возможностью изнутри этого момента задавать вопрос о собственной современности. Древние гностики, например, задавались вопросами «чем мы были и чем стали, где были и куда заброшены, куда идем и откуда явится искупление, что есть рождение и что – возрождение» [Трофимова, 1979, с. 32], и их можно задавать всякий раз, как наступит подходящий для этого момент. Поэтому авторы вроде Г. Йонаса [1998] были склонны считать гностиков кем-то вроде экзистенциалистов эллинистической эпохи. Конечно, этот автор не был структуралистом и объяснял сходство между античным гностицизмом и экзистенциализмом XX века общностью мироощущения: такой взгляд на мир появляется в ситуации утраты ориентиров, когда рушатся устойчивые долгое время системы, а человек оказывается перед лицом надвигающегося хаоса и бессмысленности существования. Здесь самое время ставить подобные вопросы. И здесь, добавим мы, как раз и рождается новая современность.

Обе линии мысли стоят друг друга, ибо обе в равной степени убедительны и в равной степени являются интеллектуальными конструкциями, к которым приходится приспособлять факты интеллектуальной истории. Есть свой резон в том, чтобы считать нашу современность чем-то исключительным, ибо в какой-то момент история мысли двинулась в направлении, которого прежние эпохи никак не могли разглядеть в своем интеллектуальном горизонте. Но не меньше оснований утверждать, что обнуление истории и желание начать с чистого листа, определив настоящий момент времени как свой собственный, из которого только и возможно вопрошание о себе самом, случаются в истории не впервые, а напротив, как естественный и повторяющийся феномен. Конечно, происходит это всякий раз по-новому и с большим количеством рознящихся деталей, но суть от этого не меняется.

Мы не пытаемся выяснить, какая доктрина соответствует исторической действительности, или опровергнуть их обе. Нас интересует современность в качестве интеллектуального феномена, и обе линии мысли нужны нам для того, чтобы учесть различные его аспекты и модусы отношения. А произведя их учет, мы можем сказать о том, какие мутации происходят с современностью в истории той цивилизации, которую мы все еще считаем своей. При этом мы постараемся избежать односторонностей партийного подхода, будь он марксистским или фукольдианским. Другими словами, мы не считаем уместным использовать понятие формации, неважно, рассматривать ли ее с

точки зрения марксизма как общественно-экономическую или в структуралистском духе как дискурсивную.

Прежде всего, классическая современность есть порывание с историческим дискурсом. Фуко как-то заметил, что альтернативой этому последнему служит дискурс юридический [Фуко, 2010, с. 22], и в самом общем смысле с этим стоит согласиться. Ведь современность классической эпохи есть отказ от легитимации собственных действий посредством ссылки на традицию. Вместо этого разум заявляет о собственном праве проектировать историю, источником которого и гарантом он сам же и является. В пределе это означает полный отказ от традиционной истории. Если грандиозные реформистские проекты, и прежде всего Великая Французская революция, предполагали перезапуск истории, то Просвещение готово было пойти на полный с нею разрыв. И тем не менее эта современность была глубоко историчной по сути, ведь речь шла как раз о том, чтобы определить ту историческую точку, из которой исходит дискурс о современности и не-историчности.

Наша сегодняшняя современность есть нечто совершенно иное. Термин «постмодерн» – не просто производное от термина-предшественника, но сознательное указание на полную остановку той истории, изнутри которой постулировалась классическая современность. «Остановка событий», о которой Бодрийяр заявил в 80-х годах прошедшего столетия [Baudrillard, 1997, p. 19], быть может, вовсе не была временной и не сменилась закольцовыванием истории, как он же говорил впоследствии, но стала «концом истории», правда, совсем не в гегельянском смысле этого выражения. «Конец истории» оказался не достижением абсолютного самосознания, а его, самосознания, полной утратой. Отказ от претензий разума на обустройство мира и проектирование истории – не новый эпистемологический разлом, а диалектическая победа неразумия в той бинарной схеме (разум/неразумие), которую Фуко обрисовал еще в 1960-е гг. Школьная диалектика предполагает достижение определенного синтеза и снятия противоположностей, однако наша современность противоположности не снимает, а ликвидирует, оставляя на их месте зияние.

Это зияние зачастую описывают в апокалиптических тонах то как гибель западной цивилизации, то как упадок духовности под пятой технологий, что совершенно не удивительно, ибо речь идет о сворачивании того самого проекта, в рамках которого только и можно говорить о цивилизации или о духовности. Беда лишь в том, что никакого другого перед нами нет. Если классическая современность наделяла западного человека чувством всемогущества, то наша современность внушает ему лишь растерянность – чувство, свойственное носителям «несчастливого сознания», переживающим свой разрыв с традицией как крушение привычной картины мира. Поскольку крушение это не произошло в одночасье, а, продолжаясь уже не первое столетие, стало для человека западной цивилизации чем-то привычным и чуть ли не само собой разумеющимся, можно было бы сказать, что перед нами то самое состояние страха и трепета, что с легкой руки Кьеркегора мы теперь приписываем всему роду человеческому. Однако эти страх и трепет столь эффективно купируются воспетым Слотердайком циническим разумом [Слотердайк, 2009], что столь трагически серьезное восприятие ситуации оказывается неуместным.

На наш взгляд, речь идет о некоей новой экономии истории и субъекта, быть может, и не являющейся чем-то совершенно новым, но оставляющей позади тот диспозитив, что был присущ классической эпохе. Во-первых, здесь устанавливается единая система ценностей с общим эквивалентом, с которым соотносятся как субъект, так и история в целом. Субъект больше не субъект истории, да и история больше не нуждается в субъекте. Вместо этого перед нами однородное пространство, в котором действуют акторы, ни один из которых не имеет привилегий сравнительно с другими. Современность человека есть в то же время современность вируса или национальной валюты. Она определяется не

конкретным типом мировоззрения, не достижением определенного уровня самосознания, а скорее наоборот, исчезновением того и другого. Эта новая современность есть упразднение истории и исторического субъекта. А потому, во-вторых, это упразднение того взгляда на себя и на свое время, который составлял самую суть современности классической. В каком-то смысле наша современность и есть упразднение классической современности.

Здесь, конечно, уместно задаться вопросом о том, насколько правомерно вообще говорить сегодня о современности и не лучше ли согласиться с термином «пост-современность», не пытаясь разобраться в его значении. На наш взгляд, стоит признать, что наша современность, пожалуй, и впрямь является пост-современностью, в том смысле, что оставляет позади современность классическую. Вместе с тем, она также является современностью, поскольку представляет собой разрыв, и куда более радикальный, нежели то было в классическую эпоху, с традицией, и попытку переопределения своего статуса исходя из настоящего момента. Таким образом, мы можем говорить о двух версиях современности, классической и постмодерной, которые различаются как качественно, так и по степени интенсивности напряжения, возникающего из-за упразднения истории. А главное, если первая современность имела своим основанием философский дискурс, то вторая опирается на дискурс правовой (отсюда исполненные мрачного комизма попытки наделять правами животных и зафиксировать правовые основания в отношениях человека с неразумной природой). Предельно упрощая, мы могли бы сказать, что классическая современность была наделянием разума максимальными правами и утверждением его привилегированного положения, тогда как наша современность лишает разум и этих прав, и каких бы то ни было привилегий.

Список источников

1. Жильсон Э. 2011. Дух средневековой философии. Гиффордовские лекции (университет Абердина). М., Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 560 с.
2. Кант И. 1994. Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. М., Чоро, 718 с.
3. Фуко М. 2010. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. Пер. А.В. Дьякова. СПб., Наука, 448 с.
4. Фуко М. 2011. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. Пер. А.В. Дьякова. СПб., Наука, 432 с.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. 2000. Забыть Фуко. Пер. Д. Калугина. СПб., Владимир Даль, 96 с.
2. Бродель Ф. 1986–1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3-х т. М., Прогресс.
3. Йонас Г., 1998. Гностицизм (гностицистская религия). СПб., Лань, 384 с.
4. Слотердаик П. 2009. Критика цинического разума. Пер. А.В. Перцева. Екатеринбург, У-Фактория, 800 с.
5. Трофимова М.К. 1979. Историко-философские вопросы гностицизма. М., Наука, 216 с.
6. Фуко М. 2004. Археология знания. Пер. М.Б. Раковой. СПб., Гуманитарная Академия, 416 с.
7. Фуко М. 1994. Слова и вещи. Пер. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб., А-cad, 408 с.
8. Хайдеггер М. 1993. Время и бытие. Пер. В.В. Бибикина. М., Республика, 448 с.
9. Шпенглер О. 1998. Закат Европы. В 2-х т. Пер. И.И. Маханькова. М., Мысль, 1280 с.
10. Baudrillard J. 1997. Le Paroxyste indifférent. Entretien avec Ph. Petit. P.: Grasset, 1997.

References

1. Bodrijyar Zh. 2000. Zabyt Fuko. [Forget Foucault]. Transl. D. Kalugina. SPb., Publ. Vladimir Dal, 96 p.

2. Brodel F. 1986–1992. Materialnaya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. [Material civilization, economy and capitalism of the XV–XVIII centuries]. In 3 volumes. M., Publ. Progress.
3. Jonas G., 1998. Gnosticizm (gnosticheseskaya religiya). [Gnosticism (the Gnostic religion)]. St. Petersburg, Publ. Lan, 384 p.
4. Sloterdajk P. 2009. Kritika cinicheskogo razuma. [Critique of cynical reason]. Transl. A.V. Perceva. Yekaterinburg, Publ. U-Factoriya, 800 p.
5. Trofimova M.K. 1979. Istoriko-filosofskie voprosy gnosticizma. [Historical and philosophical questions of Gnosticism]. Moscow, Publ. Nauka, 216 p.
6. Fuko M. 2004. Arheologiya znaniya. [Archeology of knowledge]. Transl. M.B. Rakovoj. St. Petersburg, Publ. Humanities Academy, 416 p.
7. Fuko M. 1994. Slova i veshchi. [Words and things]. Transl. V.P. Vizgina, N.S. Avtonomovoi. SPb., Publ. A-cad, 408 p.
8. Hajdegger M. 1993. Vremya i bytie. [Time and being]. Transl. V.V. Bibihina. M., Publ. Respublika, 448 p.
9. Shpengler O. 1998. Zakat Evropy. [The decline of Europe]. In 2 volumes. Transl. I.I. Mahankova. M., Publ. Mysl, 1280 p.
10. Baudrillard J. 1997. Le Paroxyste indifferent. Entretiens avec Ph. Petit. P., Grasset.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дьяков Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Dyakov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

УДК 101

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-12-21

Генезис философской системы Гегеля

¹⁾Мареев С.Н., ²⁾Барсуков И.С.

¹⁾Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС»,
Россия, 109147, Москва, ул. Марксистская, дом 34/7

²⁾Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева
Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

E-mail: bis24310@mail.ru

Аннотация. Авторы считают недостатком современного гегелеведения постановку вопроса о структуре гегелевской философии в отрыве от ее исторического происхождения. Доминирующим феноменологической и герменевтической трактовке ранних работ Гегеля противопоставляется их марксистское понимание, которое позволяет обнаружить уже в «Иенской реальной философии» своеобразную «философию труда». Показано, что тема труда и точка зрения политической экономии не исчезают в «Феноменологии духа» и даже в «Философии истории» и «Философии права». Авторы считают чуждым для опосредствования частей Системы трансцендентальный принцип, когда Система Гегеля рассматривается вне контекста становления предмета – реальной истории развития продуктивных сил индивида и общества.

Ключевые слова: гегелеведение, «Феноменология духа», «Вера и Знание», «Иенская реальная философия», деятельность, труд, гегелевская Система, трансцендентализм, диалектика, исторический подход.

Для цитирования: Мареев С.Н., Барсуков И.С. 2021. Генезис философской системы Гегеля. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (1): 12–21. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-12-21

The genesis of Hegel's philosophical system

¹⁾Sergey N. Mareev, ²⁾Igor S. Barsukov

¹⁾Moscow International Higher Business School MIRBIS (Institute),
34/7 Marksistskaya St, Moscow, 109147, Russian Federation

²⁾V.P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University,
89 Ada Lebedeva St, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

E-mail: bis24310@mail.ru

Abstract. The authors consider that modern Hegelian studies make a mistake when they isolate the issue of structure of Hegel's philosophy from its historical origin. The dominant phenomenological and hermeneutical interpretations of Hegel's early works are contrasted with their Marxist understanding, which makes it possible to find a kind of "philosophy of labour" already in his Jena "Real Philosophy". It is shown that the theme of labour and the political economy stance do not disappear in "Phenomenology of Mind" and even in "Philosophy of History" and "Philosophy of Right". The authors consider to be wrong the transcendental approach to Hegel's system when the context of the formation of its subject matter, that is the real history of the development of productive forces of the individual and society, is ignored.

Keywords: Hegel Studies, "Phenomenology of the Mind", "Faith and Knowledge", "Jena Real Philosophy", activity, labour, Hegelian system, transcendentalism, dialectics, historical approach.

For citation: Mareev S.N., Barsukov I.S. 2021. The genesis of Hegel's philosophical system. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 12–21 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-12-21

Маркс в свое время назвал «Феноменологию» Гегеля «истинным истоком и тайной гегелевской философии» [Маркс, Энгельс, 1974, с. 155]. Но в чем «тайна» и «истинный исток» самой «Феноменологии»? Думается такой вопрос правомерен, во-первых, потому что, согласно известному выражению, никакая философия не является, как Афина Паллада из головы Зевса, сразу во всем вооружении и с законченной абсолютной мудростью. Во-вторых, суть самой «Феноменологии» можно лучше понять, рассматривая ее историческое происхождение. И это соответствует методу самого Гегеля, который, обыгрывая значение немецких слов *Wesen* (сущность) и *gewesen* (глагол «быть» в прошедшем времени), трактует это дело так, что сущность всякого явления открывается только в его прошлом, а в настоящем она скрывается. Так в чем же эта сущность и где она скрывается?

Прежде, чем искать ответ, обратим внимание на то, что в современном гегелеведении этот вопрос часто ставится иначе. В последнее время ведется много споров о соотношении «Феноменологии духа» Гегеля и его «Науки логики» и вообще о структуре гегелевской системы [«Феноменология духа» Гегеля..., 2010]. Но вопрос о структуре гегелевской философии ставится по существу в отрыве от ее исторического происхождения, от ее реального генезиса. Подменяя исторический подход эволюционным, «гегелеведы» анализ содержания систематических произведений Гегеля сводят к специфическому авторскому прочтению с элементами рефлексивного и герменевтического толкования. Можно ли так решать вопрос? Думается, что нет. К тому же в исследованиях философского наследия Гегеля произошло смещение акцентов: постепенно толкование гегелевских текстов сменилось толкованием текстов о философии Гегеля. Выходит толкование текстов о толковании текстов, в чём собственно и выразился так называемый эволюционный подход.

В целом существует три основных трактовки «Феноменологии». Во-первых, феноменологическая трактовка, когда при непонимании сути диалектического метода толкуют данную работу Гегеля как трансцендентальную попытку изобразить становление определений субъективности. Это, к примеру, Г. Шпет и его последователи, А. Кожев и др. [Перов и др., 2000; Кожев, 2003]. Во-вторых, герменевтическая трактовка М. Хайдеггера, Г. Гадамера и их последователей: в начале было Слово [Heidegger, 1980]. И, в-третьих, марксистская: в начале было Дело, труд. Вот это самое «третье», которое «не дано», и игнорируется «гегелеведами». И это понятно. Но понятно, исходя из некоторых идеологических соображений: ведь если Гегелю приписать гётевско-фаустовское «в начале было Дело», то Гегель может оказаться прямым предшественником К. Маркса. Тогда Гегель «к Марксу примыкает», как заметил классик, а эту смычку хотят во что бы то ни стало разрушить. А если отбросить всякую идеологию и просто зафиксировать исторический факт, то надо просто процитировать известное место из Маркса: «Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии. Он рассматривает труд как сущность, как подтверждающую себя сущность человека». [Маркс, Энгельс, 1974, с. 159]

Потом, правда, Маркс продолжает: «Гегель знает и признает только один вид труда, именно абстрактно-духовный труд» [Маркс, Энгельс, 1974, с. 159]. Но это потому, что Гегель, как и политическая экономия, знает только отчужденный труд. «Труд, – как замечает Маркс, – есть для-себя-становление человека в рамках отчуждения, или в качестве отчужденного человека» [Маркс, Энгельс, 1974, с. 159]. Гегель же не видит перспективы снятия отчуждения труда, освобождения труда. Поэтому он и противопоставляет отчужденному труду абстрактно-теоретический труд. А проще говоря, он противопоставляет ему философию, которая должна в конечном счете примирить человека с его отчужденным положением в этом мире. Но Гегель вместе с тем прекрасно сознавал, что при помощи абстрактно-теоретического труда не произведешь на свет даже ребенка. В этом и состоит основное противоречие всей гегелевской философии.

Но даже Маркс не совсем справедлив к Гегелю, когда он пишет о том, что Гегель знает только отчужденный труд. Гегель знает и понимает и неотчужденный труд. И это видно как раз из более ранних, чем «Феноменология духа», работ Гегеля, прежде всего из «Иенской реальной философии». Об этом периоде творчества Гегеля Д. Лукач пишет: «...в литературе о Гегеле за редким исключением экономическая сторона его социальной философии полностью игнорируется даже теми авторами, которые, отлично зная, что Гегель занимался проблемами политэкономии, тем не менее, не замечали значения гегелевских суждений в этой области» [Лукач, 1987, с. 361]. С точки зрения Лукача, эволюция воззрений Гегеля в Йене заключается в том, что внутри целостной концепции нравственности он всё сильнее подчёркивает объективные, экономический и исторический, моменты развития общества, в противовес одной лишь моральности.

В «Иенской реальной философии» Гегель, можно сказать, поет гимн неотчужденному труду. Это труд, который подчиняет природу человеку. «Вообще собственная деятельность природы, эластичность часовой пружины, вода, ветер, – пишет Гегель, – применяются так, чтобы в своем чувственном наличном бытии делать нечто совершенно иное, чем они хотели бы делать, [так что] их слепое делание становится целесообразным, в противоположность им самим: разумное поведение природы, законы – в их внешнем наличном бытии. С самой природой ничего не случается; единичные цели природного бытия [становятся] неким всеобщим. Здесь побуждение вполне выступает из труда. Оно предоставляет природе мучиться, спокойно наблюдает и малым усилием управляет целым: хитрость. На широкую сторону мощи нападают острым концом хитрости» [Гегель, 1970, с. 307].

Мы просим прощения у читателя за эту длинную выписку из Гегеля. Но здесь у него целая «философия труда», которую «гегелеведы» («герменевты» и «феноменологи») просто не замечают. И дело не только в том, что и сам Гегель в окончательном варианте «Феноменологии» постарался сделать «труд» незаметным, хотя он там есть и составляет объяснительный принцип для всех человеческих качеств, а дело в том, что этого не желают замечать, потому что под этим мог бы подписаться и... Маркс. Сравните то определение труда у Маркса, которое он дает в «Капитале»: «Средство труда, – пишет Маркс, – есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействия на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применять их как орудия воздействия на другие вещи» [Маркс, 1963, с. 190].

Если кто-то пожелает «придаться» и скажет, что здесь у Маркса определение не труда, а средства труда, то мы можем это определение переформулировать: труд есть целесообразная деятельность, в которой человек помещает между собой и предметом механические, физические, химические, а в наше время можно еще добавить, биологические и социальные свойства вещей, чтобы сделать их проводником, и т.д. Так что Маркс воспринял у Гегеля отнюдь не только абстрактную диалектику, как это считалось в «диамате» и «истмате», а он воспринимает у него Труд и материальное производство как основу возникновения всех человеческих качеств: сознания, мышления, нравственности и т.п.

Как это конкретно делает Гегель в своей «Феноменологии» – особая тема. Но то, что труд и точка зрения политической экономии не исчезают ни в «Феноменологии», ни в последующей «Науке логики» и даже в самых поздних работах Гегеля «Философия истории» и «Философия права», можно просто подтвердить текстуально без всякой «герменевтики».

Вот что, например, Гегель пишет в «Философии истории»: «Человек с его потребностями практически относится к внешней природе и, удовлетворяя при ее посредстве свои потребности и истощая ее, он играет при этом роль посредника. А

именно предметы, существующие в природе, могучи и оказывают разнообразное сопротивление. Чтобы справиться с предметами, человек вставляет между ними другие предметы, существующие в природе; следовательно, он пользуется природой против самой природы и изобретает орудия для достижения этой цели. Эти человеческие изобретения принадлежат духу, и такое орудие следует ставить выше, чем предмет, существующий в природе» [Гегель, 1993, с. 269].

Мы знаем, что история, по Гегелю, это шествие Духа по Земле. Но чтобы дойти до самосознания, до Абсолютной идеи, этот «дух» должен при помощи человека изобретать орудия и при их помощи продвигаться к высшим формам сознания и человеческого общества. И словечки «дух», «Абсолютная идея», «боженька» и т.п. не помешали Ленину заметить в данном случае «у Гегеля зачатки исторического материализма» [Ленин, 1969, с. 286].

В «Философии права» Гегель пишет о труде и разделении труда вполне в духе Адама Смита: «...разделение труда создает систему взаимозависимости людей, которая превращается в «полную необходимость» [Гегель, 1990, с. 239]. Это тоже «зачаток» исторического материализма. И в «Науке логики» логическая идея доходит до Абсолютной идеи только через практику, через Практическую идею.

Все это и проходит мимо «гегелеведов». Вместо этого Гегелю подсовывают как цель всех его устремлений «спекулятивный идеал», хотя «спекуляция» – всего лишь необходимая форма мышления, использующего диалектический метод для получения выводного знания. И хотя она действительно вполне родственна «интеллектуальной интуиции» Шеллинга и Фихте, все же она является опосредствованием, в отличие от «интеллектуального созерцания» Шеллинга, которое он трактует как форму, как способ непосредственного познания, что и приводит Шеллинга в конечном счете к отождествлению этой способности с христианским откровением. Гегель и к Богу хочет прийти путем Разума, а не путем Веры. И его ранняя работа, которая даже предшествует «Иенской реальной философии», так и называется «Вера и Знание» ("Glauben und Wissen"). Она была напечатана в "Kritisches Journal", издаваемом Гегелем совместно с Шеллингом в 1802 г., когда бывшие студенческие друзья не разошлись идейно и теоретически, но уже там Гегель определенно расходится не только с Кантом, но также с Якоби и даже с Фихте. С Якоби он расходится в связи с тем, что тот ставит веру выше разума, а с Фихте – в связи с непосредственным тождеством Я и не-Я, т.е. в связи с непосредственным тождеством мышления и бытия, которое у Гегеля превращается в тождество, опосредствованное деятельностью. И хотя Фихте возводит деятельность в принцип всей своей философии: действовать, действовать, вот для чего мы существуем! – вся эта «деятельность», как замечает Гегель, есть одно только томление: «Если согласно фихтевскому идеализму Я ощущает и воспринимает не вещи, а только ощущения и созерцает созерцания, и знает только о своем знании, то чистая и пустая деятельность, чисто свободное действие, является первой и единственной определенностью» [Hegel, 1999, p. 389].

Гегель потому и заменяет «деятельность» «трудом», что деятельность может быть совершенно беспредметной, – суетится человек, а что он конкретно делает, непонятно. Но труд по определению предполагает предмет, который так или иначе существует объективно, т.е. независимо от нас и нашей «деятельности». Предмет, Gegenstand, – это по-немецки то, что стоит напротив. И предмет зависит от нас, – труд, как говорит Гегель, есть «судьба отдельного», – и сопротивляется нашему воздействию на него, то есть подтверждает свою независимость от нас только в труде. Труд есть предметная деятельность, деятельность с предметом, и не с воображаемым, а существующим в действительности, с материальным предметом. И материя – не только то, что нами ощущается, «фотографируется» и т.п., а то, что оказывает нам сопротивление.

Интересно, что в советские времена, когда вошел в моду «деятельностный подход», само понятие деятельности претерпело инволюцию, т.е. процесс перемен, обратный тому, который мы наблюдаем в немецкой классике. Там развитие этого понятия шло от абстрактной и беспредметной активности у Канта, которая принимает более определенный и интенсивный характер у Фихте и Шеллинга, к Гегелю, у которого она становится предметной деятельностью, трудом. У нас все шло наоборот: от Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Э.В. Ильенкова откатились к кантианцу С.Л. Рубинштейну и его сторонникам, у которых деятельность перестала быть трудом и превратилась в абстрактную активность. И упреки в адрес сторонников «деятельностного подхода» в том плане, что это «кантианство», «субъективизм» и т.п. имели определенные основания.

Итак, «деятельность» не спасает от субъективизма ни Канта, ни Фихте. И она не спасает их от формального тождества, в котором «снята противоположность» [Hegel, 1999, р. 387]. Тождество и противоположность Я и не-Я обнаруживают себя одновременно только в труде. И не спасает положения *Intellectuelle Anschauung*, потому что интеллект и созерцание соединяются опять же только в труде. Как заметит потом Маркс, наши чувства непосредственно в практике становятся теоретиками, а потому эти чувства не могут быть предпосылкой и началом развития, как это у Шеллинга. В этом и состояло возражение Гегеля Шеллингу в «Феноменологии». Именно это разведет потом Гегеля и с Шеллингом, который увидит это расхождение только тогда, когда выйдет гегелевская «Феноменология» в 1807 г. То тождество мышления и бытия, которое приписывали Гегелю и которым наши антигегельянцы пугали деревенских старух, Гегель приписывает Канту и Фихте. Это формальное тождество, $A = A$. Гегель же сторонник другого тождества, тождества противоположностей, $A = \text{не-}A$. Мышление противоположно Бытию. Так же, как предмет противостоит мышлению. И мышление движется к тождеству с предметом, к истине, путем отрицания и снятия. Это дается, по Гегелю, не при помощи чувства, а долгим и трудным путем работы с понятием. И данный путь противоположен тому пути, которым шли и предлагали идти Якоби, Шеллинг и романтики.

В «Феноменологии» Гегель отчетливо выступает против Якоби и Шеллинга с их прекраснодоушием вместо действительной мудрости. «Прекрасное, священное, вечное, религия и любовь – вот приманка, которая требуется для того, чтобы возбудить желание попасться на удочку; не на понятие, а на экстаз, не на холодно разворачивающуюся необходимость, а на бурное вдохновение должна-де опираться субстанция, чтобы все шире раскрывать свое богатство» [Гегель, 2000, с. 11]

Эту «пророческую риторику» Якоби и «герменевта» Шлейермахера Гегель критикует уже в «Вере и Знании». Но именно от них, а потом от Шеллинга идет традиция превращения философии в то, что Бердяев назовет «эротическим искусством». Именно сюда и пытаются подтянуть Гегеля современные «гегелеведы», хотя тот отчаянно сопротивляется и твердит о том, что он всяческим сентиментальным чувствам противопоставляет Науку. Последняя, собственно, и есть предмет «Феноменологии»: «...Становление науки вообще или знания и излагается в этой Феноменологии духа» [Гегель, 2000, с. 20].

«Наука вообще» – это форма всякой науки, т.е. Логика. Наука – рассуждение и доказательство, вывод. А это функции рассудка. Отсюда знаменитый афоризм Гегеля: «Разум без рассудка ничто, а рассудок и без разума нечто». Феноменология, о предмете которой гадают «гегелеведы», и есть становление Логики, которая Гегелем излагается затем как ставшая в «Науке логики».

Расставание с Шеллингом после выхода «Феноменологии» означало появление собственной философии Гегеля. Прежний Абсолют, общий для них с Шеллингом, превращается у Гегеля в Мышление, в Логiku. И хотя Гегель определяет Логiku как «изображение бога, каков он в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы

то ни было конечного духа» [Гегель, 1970, с. 103.], перед нами уже Бог как обожествленное человеческое Мышление. Это не Бог Якоби, Шеллинга и католиков, а Бог Спинозы. Якоби третировал Спинозу, как мёртвую собаку, именно потому, что Бог Спинозы не требовал слепой веры, а требовал познания, любви к истине. Теперь этого «боженьку» вообще можно вынести за скобки. А сухим остатком, как теперь модно выражаться, остается Логика, она же Диалектика. Гегель впервые после Платона сделал Логика Диалектикой, которую потом советские «диаматчики» превратят в «общую теорию развития». Этот момент в гегелеведении как-то игнорируется. «Феноменология» – начало собственной философии Гегеля. Начало ли Системы? В определенном смысле, безусловно, да! Но это не исключает варианта «Энциклопедии». Ведь главное – это суть, а не формальные вещи.

Вся «Наука логики» по существу уже содержится в Предисловии к «Феноменологии». Здесь, можно сказать, самая содержательная и понятная для восприятия часть «Феноменологии». И, видимо, нет ни одной части «Феноменологии», которая не нашла бы своего более развернутого представления в последующих произведениях Гегеля. Да, «Феноменология» – это «тайна и исток всей гегелевской философии». Да, «Фено-менология» – это история становления гегелевской системы. Но история в гегелевском понимании является той же Логикой, но только развернутой во времени. И история должна резюмироваться в Логике. И есть понятия и темы, которые пронизывают все работы Гегеля. Например, в «Науке логики» становится предметом специального рассмотрения необходимая взаимосвязь мышления как деятельной способности и труда как целесообразного, разумного перевода логического образа (сформированного, опять же, в труде) в действительность.

Но многие современные «гегелеведы» этого в упор не видят. Может быть, потому, что они хотят быть гегелеведами, но не хотят быть гегельянами. В свое время мы узнали, что, кроме марксистов, существуют еще марксоведы. Мы тогда в шутку назвали их «марксоедами». Но можно ли быть «гегелеведом» не будучи гегельянцем? Можно ли заниматься каким-то предметом, не имея к этому пристрастия? Если можно, то это чисто ремесленный труд. А ремесло в науке – это всегда бесстрастное буквоедство, скучное и бесплодное. «Плод» только один – ученая степень и повышение «хирша».

Более того, в современном гегелеведении укоренилась традиция приписывания Гегелю прямо противоположных его философской позиции принципов. Наиболее показательным является стремление «реконструировать систему» [Кричевский, 1993; Коротких, 1999], где Гегеля упорно подгоняют под принципы трансцендентализма. Но «трансцендентальное» Гегель считал «варварским выражением» и связывал его, прежде всего, с кантовской философией [Гегель, 1970, с. 118.], противопоставляя трансцендентализму спекулятивный принцип, ибо без опосредствования (выведения) частей системы, невозможно их связывание во внутренне организованный порядок и последовательное развёртывание.

Характерно, что в текстах о Гегеле категория опосредствования без каких-либо обоснований заменяется на «опосредование» [Кожев, 2003], что существенно деформирует гегелевский принцип систематизирования, ибо «опосредование» буквально означает разделение, разграничение. Опираясь на такое негодное средство как «опосредование», можно получить только агрегат сведений, произвольно поставленных в случайную связь. Совсем не тот идеал систематизирования, к которому стремится Гегель. «Опосредовать» систему, задуманную как органическое единство, невозможно.

Применять чуждый для опосредствования частей Системы трансцендентальный принцип – значит рассматривать Систему Гегеля вне контекста становления предмета, отражающего реальную историю развития продуктивных сил индивида и общества, вне труда. Система, да и вся философия Гегеля, в этом случае становится не более чем источником для упражнений в различного рода толкованиях: панрационализм, панспи-

ритуализм, эстатический пантеизм, панэпистемизм, пансхематизм, теизм и прочие абстрактные схемы, за которыми легко скрыть содержательную пустоту анализа структуры и реальных принципов гегелевского систематизирования.

В пределах трансцендентальной трактовки лежит также получившее широкое распространение сначала в традиции западного, а затем и российского гегелеведения толкование изображённого в «Феноменологии духа» движения в виде соотношения нескольких процессов: соотношение «сознания» (собственно сознания) и «самого сознания» – сознания, следящего за развитием сознания [Heinrichs, 1974; Marx, 1981] (позиция так называемого «мудреца» [Кожев, 1998]). Однако приём, который использует Гегель, отмечая различие между состояниями «в-себе» и «для-себя» субъективности, связан в большей степени с одним из аспектов метода изложения. Посредством диалектического метода теоретик воспроизводит предмет как духовно конкретное, что и позволяет ему рассматривать любой момент в развёртывании определений предмета также и в его соотношении с целым (тотальностью определений). Возникающая для «гегелеведов» проблема удвоения (а у некоторых и утроения) предмета «Феноменологии духа» свидетельствует о смещении акцентов рассмотрения с предмета на проблему восприятия текста «читателем». Подлинный же предмет, никак не связанный с «читателем», остаётся вне рассмотрения.

Критическое отношение Гегеля ко всем проявлениям трансцендентализма связано с тем, что трансцендентализм не может предохранить философию от субъективизма, и приводит в итоге либо к иррационализму, либо к различным сортам позитивизма. Поэтому так трудно вписать Гегеля в контекст трансцендентальной философии. И, например, когда утверждается, что «в XIX веке трансцендентализм классической философии, оказавшийся вследствие исчерпанности логической определённости бытия лицом к лицу с самим бытием, не смог отказаться от претензий на обладание тем, отблеском чего на самом деле только и является всё содержание философии и, как следствие, был замещён абсолютизированной "существование" материалистичной и субъективистской антропологией» [Коротких, 2004, с. 420], то это означает путь, по сути, от Канта прямо к Л. Фейербаху и С. Кьеркегору, исключая Гегеля.

Трансцендентализм – форма тождества бытия и мышления, которая еще не имеет под собой основания, когда еще нет того «третьего», в котором снимается противоположность мышления и бытия. Этого «третьего» по канонам аристотелевской логики и не может быть: «третьего не дано». Но Кант соединяет эти противоположности непосредственно, а потому как раз нарушает основной закон рассудочной логики – закон противоречия. И потому Гегель должен был преобразовать «негативную» диалектику Канта в позитивную. Диалектика полагает границу только рассудку, но не разуму: разум способен разрешать противоречие и потому продвигаться вперед безо всякого ограничения. Гегеля не устраивает кантовский «агностицизм»: истина помещается Кантом «внутри границ», которые его философия «полагает не только для себя, но и для разума вообще» [Hegel, p. 346].

«Истинный» идеализм, согласно Гегелю, есть объективный идеализм. Это означает, что мышление посредством труда достигает объективности, можно сказать, прорывается к объективности. «Форма А, – пишет Гегель, – как таковая налична и в субъекте, и в объекте. Она положена не одновременно некоторым неоднородным способом, т.е. один раз как субъективное, другой раз как объективное, один раз как единство, другой раз как многообразие, как противоположность и явление должны быть признаны. Не так, что один раз как точка, а другой раз как линия, не как $1 = 2$, а так, что если есть субъективная точка, то есть также и объективная точка, если есть субъективная линия, то есть также и объективная линия» [Hegel, 331].

Если я нарисовал карандашом точку на бумаге, эта точка субъективная или объективная? Как она изображена на бумаге, она объективная. Как я ее воспринимаю, она

субъективная. Но это одна и та же точка. Поскольку мое субъективное представление посредством деятельности рисования перешло в объективное существование, то этим самым моя субъективность оказалась снятой. И это снятие происходит посредством деятельности, которая опредмечивает мою субъективность посредством труда. Тем самым моя субъективность переходит в объективность. И, наоборот, посредством распредмечивания, опять же в труде, объективность переходит в субъективность. А общие формы, в которых происходит этот вид деятельности, категории, и субъективны, и объективны. Это и есть тождество мышления и бытия, которое уже в «Иенской реальной философии» Гегель выразит чётко и определенно. Об этом писал Ильенков в своем предисловии к «Науке логики»: «В "логосе" – в "разуме" – выражены в логическом аспекте (в отличие от психологически-феноменологического) одинаково "Sage und Sache" – "вещание и вещь", или, скорее, "былина и быль"» [Философия Гегеля..., 2014, с. 471].

«Быль» становится «былиной» только в человеческой практике. Мы мыслим мир под углом зрения категории причинности. Но объективный характер нашего понимания причинности проявляется только тогда, когда мы практически включаем объективную каузальную цепь и получаем тот практический эффект, на который рассчитываем. И попробуйте после этого разобраться, где тут Sage и где тут Sache. Здесь мы имеем полное тождество, тождество противоположностей в «третьем» – в деятельности. Кант не знает еще предметной деятельности. Поэтому у него, как было сказано, формальное тождество бытия и мышления. У сознания, если оно остается теоретическим сознанием и не становится практическим сознанием, нет критерия различения субъективного и объективного. Поэтому, как замечает Гегель, трансцендентализм, который по сути и есть формальное тождество субъективного и объективного, может в любой момент обернуться субъективизмом. И интеллектуальное созерцание Шеллинга от этого не спасает. Поэтому у него Абсолют есть непосредственно Субъект и непосредственно Объект, по поводу чего прошелся своей иронией Гейне: «Здесь г-н Шеллинг расстается с философским путем и стремится, посредством некоей мистической интуиции, достигнуть созерцания самого абсолюта: он стремится созерцать его в средоточии, в его существе, где нет ничего идеального и где нет ничего реального – ни мысли, ни протяжения, ни субъекта, ни объекта, а есть... кто его знает что!» [Гейне, 1958, с. 131].

Поскольку понятие, как показано в Науке Логике, – есть «восстановленное через сущность бытие», то логика перестает быть трансцендентальной и становится имманентной, присущей самой действительности. И объективным всеобщим содержанием мы овладеваем, по Гегелю, только в практике. «В орудии, – писал Гегель, – или в обработанной, сделанной плодородной пашне, я владею возможностью, содержанием как содержанием всеобщим. Поэтому орудие, средство, превосходящее цели вожделения, цели единичной; орудие охватывает всякую единичность» [Гегель, 1970, с. 307].

«Плоды» исчезают в потреблении. Плуг только изнашивается, но сохраняется. Эту мысль, высказанную в раннем варианте «Феноменологии», Гегель повторяет в «Науке логики», где развивает также мысль о том, что в средстве сохраняет себя разумность. «Поскольку средство выше, чем конечные цели внешней целесообразности, плуг нечто более достойное, нежели непосредственно те выгоды, которые доставляются им и служат целям. Орудие сохраняется, между тем как непосредственные выгоды преходящи и забываются. Посредством своих орудий человек властвует над внешней природой, хотя по своим целям он подчинён ей» [Гегель, 1971, с. 200].

И это в «самом идеалистическом произведении»! Вот та действительная предметность, на которую ориентирована философия Гегеля, а не – «бытие-определённость», или «определённость в качестве бытия», она же ещё и трёхуровневая [Коротких, 2004, с. 33, 40, 115] – абстрактная предметность, наипустейшее создание мысли, основанной на произвольном толковании смысла «Феноменологии духа», а тем

самым и всей философии Гегеля. «Вот Гегель и книжная мудрость, и смысл философии всей». В общем, тоска и томление духа. Вот что хотят вывести из Гегеля «гегелеведы».

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. 1970. Работы разных лет в 2 т., Т. 1, М., Мысль, 668 с.
2. Гегель Г.В.Ф. 1970. Наука логики. Том 1, М., Мысль, 501 с.
3. Гегель Г.В.Ф. 1972. Наука логики. Том 3, М., 371 с.
4. Гегель Г.В.Ф. 2000. Феноменология духа. М., Наука, 495 с.
5. Гегель Г.В.Ф. 1993. Философия истории. СПб. Наука, 480 с.
6. Гегель Г.В. Ф. 1990. Философия права. М., Мысль, 524 с.
7. Гейне Г. 1958. Собр. Соч. в 10 т. Т. 6., М., Худлит, 608 с.
8. Ленин В.И. 1969. Полн. собр. соч. в 55-и т. Изд. 5-е. Т. 29., М., Политиздат, 782 с.
9. Маркс К. 1963. Капитал, Т. 1, М., с. 190.
10. Маркс К., Энгельс Ф. 1974. Соч. Т. 42. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 535 с.
11. Hegel G.W.F. 1999. Hauptwerke, in sechs Bänden. Band 1. Hamburg, p. 389–390

Список литературы

1. Кожев А.В. 2003. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. СПб., Наука, 792 с.
2. Кожев А. 1998. Идея смерти в философии Гегеля. М., Логос, Прогресс-Традиция, с. 208.
3. Коротких В.И. 1999. Очерк исследования структуры системы философии Гегеля. М., Елец, ЕГПИ, 371с.
4. Коротких В.И. 2004. Структура системы философии Гегеля: дис. ... докт. филос. наук, М., 473 с.
5. Кричевский А.В. 1993. Метафизический смысл учения Гегеля об Абсолютном духе. В кн.: М.Ф. Быкова, А.В. Кричевский. Абсолютная идея и абсолютный дух в философии Гегеля. М., Наука, 270 с.
6. Лукач Д. 1987. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., Наука, 614 с.
7. Перов Ю.В., Сергеев К.А., Слинин Я.А. 2000. Очерки истории классического немецкого идеализма. СПб., Наука, 671 с.
8. Философия Гегеля: новые переводы, исследования, комментарии. 2014. Под общ. ред. Мареевой Е.В. М., Изд-во СГУ, 514 с.
9. «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. 2010. Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М., «Канон⁺» РООИ «Реабилитация», 672 с.
10. Heidegger M. 1980. Hegels Phänomenologie des Geistes. Gesamtausgabe, 11. Abteilung. Vorlesungen 1923–1944. Bd. 32. Fr. am Mein: Vittorio Klostermann.
11. Heinrichs J. 1974. Die Logik der «Phänomenologie des Geistes». Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, XIV, 559 p.
12. Marx W. 1981. Hegels Phänomenologie des Geistes. Die Bestimmung ihrer Idee in «Vorrede» und «Einleitung». 2 Ausgabe. Fr. am M., Vittorio Klostermann, 136 p.

References

1. Kozhev A.V. 2003. Vvedenie v chtenie Gegelya. Lekcii po Fenomenologii duha, chitavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vysshej prakticheskoy shkole. [Introduction to the reading of Hegel. Lectures on the Phenomenology of the Spirit, delivered from 1933 to 1939 at the Higher Practical School]. SPb., Publ. Nauka, 792 p.
2. Kozhev A. 1998. Ideya smerti v filosofii Gegelya. [The idea of death in the philosophy of Hegel]. M., Publ. Logos, Progress-Tradiciya, p. 208.
3. Korotkih V.I. 1999. Ocherk issledovaniya struktury sistemy filosofii Gegelya. [Essay on the study of the structure of the Ge-gel philosophy system]. M., Publ. Elec, EGPI, 371 p.
4. Korotkih V.I. 2004. Struktura sistemy filosofii Gegelya [The structure of the system of Hegel's philosophy: dis. ... doctor of Physical Sciences]: dis. ... dokt. filoz. nauk, M., 473 p.

5. Krichevskij A.V. 1993. Metafizicheskiy smysl ucheniya Gegelya ob Absolyutnom duhe. [The Metaphysical meaning of Hegel's teaching about the Absolute Spirit]. In the book: M.F. Bykova, A.V. Krichevskij. Absolyutnaya ideya i absolyutnyj duh v filosofii Gegelya. [Absolute Idea and Absolute Spirit in Hegel's Philosophy]. M., Publ. Nauka, 270 p.
6. Lukach D. 1987. Molodoj Gegel' i problemy kapitalisticheskogo obshchestva. [Young Hegel and the Problems of capitalist society]. M., Publ. Nauka, 614 p.
7. Perov YU.V., Sergeev K.A., Slinin YA.A. 2000. Ocherki istorii klassicheskogo nemeckogo idealizma. [Essays on the history of classical German idealism]. SPb., Publ. Nauka, 671 p.
8. Filosofiya Gegelya: novye perevody, issledovaniya, kommentarii» [Hegel's Philosophy: new translations, studies, and commentaries]. 2014. Under the general ed. Mareeva E.V. M., SSU Publishing House, 514 p.
9. "Fenomenologiya duha" Gegelya v kontekste sovremennogo gegelevedeniya ["The phenomenology of the spirit" of Hegel in the context of modern Hegeliology]. 2010. Ed. N.V. Motroshilov. M., "Canon +" ROOI "Rehabilitation", 672 p.
10. Heidegger M. 1980. Hegels Phänomenologie des Geistes. Gesamtausgabe, 11.Abtteilung. Vorlesungen 1923–1944. Bd. 32. Fr. am Mein: Vittorio Klostermann.
11. Heinrichs J. 1974. Die Logik der "Phänomenologie des Geistes". Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, XIV, 559 p.
12. Marx W. 1981. Hegels Phänomenologie des Geistes. Die Bestimmung ihrer Idee in "Vorrede" und "Einleitung". 2 Ausgabe. Fr. am M., Vittorio Klostermann, 136 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мареев Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС», Москва, Россия

Барсуков Игорь Сергеевич, кандидат философских наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Mareev, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of the General Subjects, Moscow International Higher Business School «MIRBIS», Moscow, Russia

Igor S. Barsoukov, PhD in philosophy, associate professor V.P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia

УДК 1(091)

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-22-26

Платон об искусстве и разуме

Тихонов А.В.

Южный Федеральный Университет,
Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
E-mail: avtihonov@sfedu.ru

Аннотация. Древняя Греция дает начало многим культуuroобразующим факторам западной цивилизации, к числу «греческих чудес» можно отнести и философию, и театр. Но можно ли говорить о культурном альянсе философии и театра в древней Греции? Предлагаемая статья добавляет к имеющемуся объему исследований философии Платона, античной философии и культуры вообще следующий проблемный ракурс: как выглядит философское отношение к театру, к искусству вообще? Цель исследования заключена в фиксации отношения Платона к феномену театра. Сделан вывод в том, что для Платона театр является таким видом искусства, которое должно быть управляемым разумом. Возможная проблема, скрытая в статье: насколько эта идея Платона может считаться актуальной вообще для философского мировоззрения?

Ключевые слова: философия, античный театр, феномен Сократа, Атлантида, гармония, платонизм.

Для цитирования: Тихонов А.В. 2021. Платон об искусстве и разуме. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (1): 22–26. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-22-26

Plato on Art and Reason

Andrey V. Tikhonov

Southern Federal University
105/42 B. Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation
E-mail: avtihonov@sfedu.ru

Abstract. Ancient Greece gives birth to many cultural factors of Western civilization: democracy, philosophy and theater usually are regarded as "great Greek wonders". But can we really count on a cultural symphony between philosophy and theater in ancient Greece? The proposed article rises the next problem: what does the philosophical attitude to theater and art in General look like? Thus, the purpose of the article is to fix Plato's attitude to the phenomenon of theater. The main conclusion of the article is that for Plato, theater is an art form that should be controlled by the mind. A possible problem hidden in the article is: to what extent can this idea of Plato be considered relevant in General for the philosophical worldview?

Key words: philosophy, ancient theater, phenomenon of Socrates, Atlantis, harmony, platonism.

For citation: Tikhonov A.V. 2021. Plato on Art and Reason. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 22–26 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-22-26

По свидетельству Аристотеля, драматическое действие зародилось в Пелопонессе, среди дорийского народа. Однако самостоятельным культурным явлением оно стало только в Греции, не раньше VI в. до Р. Х., когда обрело содержание, форму и наименование – «трагедия». Слово «трагедия» буквально означает «песнь козла», и вначале это были праздничные обряды, посвященные богу Дионису (Бахус, Вакх), культ

которого со временем стал государственным в Афинах. Козел, как и Бык, связан с именем Диониса из-за его окружения: это были сатиры – демоны в человеческом облике и с козлиными рогами или копытами.

Первобытные коллективные ритуальные действия, поначалу чисто практические, постепенно перешли в представления сатирической драмы, например, Элевсинские мистерии, изображавшие в лицах похищение у Деметры ее дочери Персефоны Плутоном. В Аттике Дионису были посвящены Великие, или Городские, Дионисии, включавшие торжественные процессии в честь бога, состязания трагиков и комедиографов, а также хоров, поющих дифирамбы; также Ленеи с исполнением новых комедий; Малые или Сельские, Дионисии, сохранявшие остатки аграрной магии.

Культе Диониса стал необходимым для полиса в связи с разложением архаичной традиционной культуры. К этому времени Дионис как восточное божество уже стал популярным у многих народов героем, способным вытеснить древних богов. Кроме того, он был богом плодородия земли, виноградарства и виноделия, что было привлекательным для античных земледельцев. Конфликт с прежними богами закончился победой Диониса, он был помещен народом на Олимп и даже считался сыном Зевса. Произошла таким образом сакральная реформа олимпийской культуры и замена ее дионисийской, а в античной Греции появился дионисийский театр.

Театральные представления в античную эпоху оставались в пределах требований, предъявляемых народом к зрелищным мероприятиям, то есть близкими к гладиаторским, спортивным, поэтическим, и не поднимались на уровень философских, идеологических и политических проблем. Возможно, поэтому авторы соревновались, подобно атлетам, в своем искусстве, и имена победителей заносились на мраморную доску.

Переживание – катарсис сюжетных катаклизмов, ужаса неизбежности Мойры – судьбы и радости ее преодоления также в немалой степени способствовали общенародному интересу к театру. Зрители получали специальные зрелищные деньги, их обменивали на номерки с цифрой места. Театральный праздник шел три дня, представления начинались с раннего утра и продолжались в течение всего дня, подряд ставились по три трагедии и одна комедия. В конце праздника выбирались судьи и утверждался победитель.

Платон в «Апологии Сократа» пишет о том, что Сократ во время своей защитительной речи в суде говорил об Аристофане и его комедии следующие: «ведь из-за таких явлений, как такие комедии, да и театр вообще, люди и думают о философии превратно». И в том факте, что Сократ стал осужденным, есть большая заслуга и театра. Платон считает, что существенная степень вины в обвинении и в приговоре Сократу лежит на «Облаках» Аристофана. Действительно, в своей самой известной комедии Аристофан высмеивает философов-софистов, пользуясь их же методом диалога. Он распределяет актеров на две группы – «Правда» и «Кривда», между которыми происходит спор ни о чем. Но более всех достается Сократу за всю греческую натурфилософию с ее стихиями, которые, по мнению Аристофана, философы проповедовали в качестве божеств. Аристофана, по-видимому, беспокоил характер религиозности Сократа, уже не принимавшего прежних богов, причем, беспокоил настолько, что он вывел имя группы «сократовских богов» в название комедии «облака».

Об Аристофане как об одном из обвинителей Сократа, Платон пишет: «Вот эти-то люди, о мужи афиняне, пустившие эту молву, и суть страшные мои обвинители, потому что слушающие их думают, что тот, кто исследует подобные вещи, тот и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много и обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами в том возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами, словом – обвиняли заочно, в отсутствие обвиняемого. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь, разве вот только

сочинителей комедий» (Apol. 18e–d). Ведь действительно, Аристофан в итоге остается на стороне обвинителей Сократа, и в том, что в 399 году Сократа привели в Афинский суд по обвинению в развращении молодежи и призыву к поклонению новым богам, есть и его участие и вина.

Но может быть отношение Платона к театру не было ограничено лишь чувством несправедливости, вызванным судом над Сократом, а включало в себя еще что-то? Ведь известно же, что сам Платон в молодости сочинял трагедии для театра, которые, правда, после уничтожил. В диалоге «Горгий» он приводит фрагмент из трагедии Еврипида «Антиопа», в которой представлены два брата: один – практик, а второй – созерцатель по имени Амфион, похожий своей незаинтересованностью в повседневной хозяйственной деятельности на философа. В этой трагедии Амфион воздвигает город звуками одной лишь флейты. Казалось бы, тем самым Платон подтверждает значимость занятия философией, прибегая для этого за помощью к фрагментам известного афинского трагика. Однако на самом деле эту речь, эту ссылку на Еврипида Платон вкладывает в речь противника главного участника диалога. Главный герой диалога – Сократ, в его речи Платон выражает суть своего учения. А Калликл, обращающийся к Еврипиду, есть оппонент Сократа, и нападая на философа, он ставит под критическое сомнение его необходимость и даже существование. Калликл высказывает таким образом свою симпатию философу, как бы говоря: но может быть, Сократ, ты и не такой уж и бесполезный, как Амфион Еврипида, ведь описан же Еврипидом случай, когда и непрактичный человек на что-то сгодился. То есть Калликл не понимает значимости и пользы занятия философией да еще и ссылается на трагедию Еврипида, углубляя свое непонимание.

Таким образом, античный театр в учении Платона был представлен в качестве удобного материала, на котором можно показать роль и значение философии. Театральные сюжеты выступают у Платона в качестве наглядных примеров, имеющих такую художественную форму, что обычному человеку, не философу, становится более ясным то, чему учит Платон. Сами же по себе театральные действия как собственный культурный феномен если и присутствуют в платоновском государстве, показанном в диалоге «Законы», то они не имеют самостоятельного собственного значения. В театре нет творческой свободы, нет специфических свойств, присущих только всему «театральному». Театры призваны только для того, чтобы исполнять «мироустроительную функцию» [Тульпе, 1998, с. 82], способствовать функционированию идеального государства.

А как же тогда Платон, его учение, и вообще – вся его Академия были представлены в античном театре? Мы имеем несколько комических фрагментов, в которых упоминаются Платон, его учение и его ученики. У Алексиса голодный человек говорит о том, что он ест любую пищу и при любых условиях, и сравнивает свое отношение к еде с сутью учения Платона – благом, которое, как и еда, полезно всегда и при любых условиях. Так же есть фрагмент, в котором ученики Платона говорят с ним «бессмыслицу». У Амфиса раб отговаривает своего хозяина от женитьбы на некоей девушке, поскольку пользы и блага от нее будет даже меньше, чем от блага, о котором учит Платон. Для Филиппида платоновское Благо является синонимом человеческого счастья, правда, показанного в комическом свете. Оно заключено в том, чтобы не жениться, и тем самым не рисковать своей удачей. Аристофан написал целую комедию под названием «Платон». Платон и его ученики как в поэме Эфиппа «Потерпевшие кораблекрушение», так и у Антифана упрекались в высокомерии.

Диоген Лаэртский пишет о Платоне, «что в юности он был так стыдлив и вел себя так сдержанно, что никто не видел, чтобы он смеялся в голос» (Diog. Laert. 3, 26). И далее у Диогена идет перечисление насмешек над этой чертой Платона, встречающихся в комедиях. Тут же есть и отрывок из «Дексидемиды» Амфиса (Amphis, fr. 13): «–Ах,

Платон, Платон, Ведь только ты и знаешь, что угрюмиться, И брови гнуть, улитки наподобие» (Diog. Laert. 3, 28). Так что можно смело утверждать, что в античной комедии Платона не жаловали или даже высмеивали.

Несмотря на все это, в философии Платона искусства играют огромную роль. Достаточно вспомнить роль занятия музыкой в диалоге «Государство» или роль архитектуры в диалоге «Критий». Философское мировоззрение Платона находится над обычными эстетическими чувствами, возникающими при соприкосновении с объектами искусства. Его оценка искусств, их значения – особенная, не имеющая оснований в искусстве, взятом самом по себе, без философской рефлексии.

Мы знаем, что в учении Платона скульптура приобретает «эстетико-символическое значение» [Киссиль, 2002, с. 243], которое заключается в том, что она представляет собой мини копию Вселенной, являясь одновременно «моделью» человека. Такой вывод основан на описании храма Посейдона в Атлантиде, которое мы находим в «Критии». Совершенно ясно, что определенная структура самой Атлантиды и храма Посейдона выражает их подобие как элементов сотворенного сущего самой Вселенной. Описание статуй, описание храма Посейдона и описание самого острова Атлантиды принадлежат единому смысловому полю. Все это есть наличествующие в сотворенном сущем части высшего бытия, и иницированы они высшим бытием, поэтому эти части не случайны, их вид и само их присутствие не случайно. Видимый космос уподобляется своему началу, космосу умозрительному, и данные части видимого космоса являются наилучшими примерами такого уподобления. Об этом говорят нам приводимые Платоном описания жизни и функционирования «идеального государства», или Атлантиды, или древнего афинского государства. Сама архитектура подтверждает бытийный порядок на уровне сотворенного сущего.

Эти части бытия, к которым относится и скульптура, являются, на мой взгляд, проявлением или даже физической внешностью принципиальной онтологической позиции Платона, которая выражается в словах: «...в продолжении многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом» (Criti, 120e). Справедливо сказать, что «мышление философа Платона, конечно, отличается от эпического мировидения и, уже поэтому, он может посмотреть на него "со стороны", отделить от себя» [Тульпе, 1998, с. 75].

Гораздо позднее Плутарх продолжает платоновскую философскую линию оценки театра. В своей беседе «Как юноше слушать поэтические произведения» он называет поэзию, в том числе и ту, как я полагаю, которая может быть показана в театре, подражательным искусством. Плутарх учит тому, что зрителю или слушателю следует восхищаться не дурными, злыми, порочными образами, показанными в театре, а самим фактом их точной передачи зрителю. Не сам представленный образ должен волновать зрителя, а именно то мастерство, которое позволяет этот образ создать и передать. По Плутарху, нельзя в театре видеть утверждение хоть какой-нибудь позитивной черты в представляемом там порочном, злом человеке. Зрительская активность в театре и читательская – в поэзии должны быть заключены в том, чтобы выбирать для подражания только моральное. Театр и поэзия должны учить нравственному, и в этой позиции Плутарх, продолжая Платона, предвосхищает «Критику способности суждения» И. Канта.

Отношение античных философов к феномену театра, какой он есть в целом, со своими правилами, было всегда настороженным. Такая настороженность не позволяла считать театр полностью независимым культурным образованием, способным существовать самостоятельно, и поэтому предложение Плутарха обрабатывать театральные материалы разумными средствами, ориентированными на добродетель, вполне объяснимо.

Список источников

1. Аристотель. 1983. Поэтика. В кн.: Аристотель. Сочинения в четырех томах, Том 4. Москва, Мысль: 645–680.
2. Диоген Лаэртский. 1979. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Москва, Мысль, 620 с.
3. История греческой литературы. 1946. Том 1. Эпос, лирика, драма классического периода. Москва, Ленинград, Изд. АН СССР, 486 с.
4. Кант И. 1994. Критика способности суждения. Москва, Искусство, 367 с.
5. Платон. 1994. Собрание сочинений в четырех томах, Том 1. Москва, Мысль, 860 с.
6. Платон. 1994. Собрание сочинений в четырех томах, Том 3. Москва, Мысль, 655 с.
7. Плутарх. 2012. Как юноше слушать поэтические произведения. В кн.: Плутарх. Застольные беседы. Москва, Эксмо: 360–411.

Список литературы

1. Кисиль В.Я. 2002. Эстетико-символическое значение скульптуры в учении Платона. В кн.: Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16–20 сентября 2002 г.). В 3 т. Том 2. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ: 242–243.
2. Тульпе И.А. 1998. Был ли древний грек художником или Жизнь мифа в античности. Метафизические исследования, 5 (5): 60–84

References

1. Kisił V. 2002. Estetiko-simvolichesкое znachenie skulptury v uchenii Platona [Aesthetic and Symbolical Significance of Sculpture in Plato's Teaching]. In: Ratsionalizm i kultura na poroge tretego tysjacheletija [Rationalism and Culture on the Threshold of the Third Millennium]. Proceedings of the Third Russian Philosophical Congress (September 16–20, 2002) in 3 vols., vol. 2. Rostov-on-Don, Publ. SKNC VSH: p. 242–243.
2. Tulpe I.A. 1998. Was the Ancient Greek a Person or the Live of Myth in Antiquity. Metaphysical Investigations, 5 (5): 60–84 (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихонов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной и отечественной философии Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Tikhonov, PhD philosophy, associate professor of the Chair of Foreign and Native Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 651.926; 34:8; 80/81;
DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-27-35

К вопросу понятия юридического перевода с точки зрения права

Апасова Ю.Н.

Институт государственной службы и управления РАНХ
и государственной службы при Президенте РФ
119606, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84
E-mail: suertuda@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрено понятие юридического перевода как одного из видов перевода на основании признака, которым является сфера применения перевода, то есть правовая сфера. Понятие юридического перевода в большей степени основывается на понимании феномена перевода в целом. Рассмотрено место юридического перевода как объекта исследования в поле гуманитарных наук. Обозначена особая важность междисциплинарности в понимании сущности юридического перевода. Пояснены основные характеристики, приведено определение понятия юридического перевода. Предложен авторский концепт определения и объяснения природы и специфики юридического перевода. Особое внимание уделено необходимости расширенной языковой компетентности, юридической компетентности в целом и в рамках узкого профиля и модальности подготовки переводчика при осуществлении юридического перевода.

Ключевые слова: юридический перевод, перевод, классификация, юрислингвистика, конвенциональность.

Для цитирования: Апасова Ю.Н. 2021. К вопросу понятия юридического перевода с точки зрения права. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 46 (1): 27–35.
DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-27-35

Revisiting the Concept of Legal Translation in Legal Contemplation

Yulia N. Apasova

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
84 Vernadsky Ave., Moscow, 119606, Russian Federation
E-mail: suertuda@inbox.ru

Abstract. In this article, the author considers the concept of legal translation, highlighting it as one of types of translation based on the feature that is the application field of translation. In the case of legal translation, the scope of application is legal field. The concept of legal translation is mainly based on understanding the phenomenon of translation as a whole. The place of legal translation is considered as an object of the research in the field of humanities. The author emphasizes the importance of interdisciplinarity in understanding the essence of legal translation. The main characteristics are explained and the definition of legal translation is provided. The author's concept of the definition and explanation

of the nature and specifics of legal translation is offered. There is special emphasis on the need for advanced language competence, legal competence, in general and in a specific field, and modality of the translator's training in legal translation.

Keywords: legal translation, translation, classification, legal linguistics, conventionality.

For citation: Apasova J.N. 2021. Revisiting the Concept of Legal Translation in Legal Contemplation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 27–35 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-27-35

Введение

Значение реализации языковых прав [Маркаров, 2014] сильно варьируется в жизни человека, достигая пиковых значений при его столкновении с судебной системой (и в целом правоохранительной и правозащитной системами), кристаллизуясь в праве на юридико-переводческое обеспечение.

Социальное поле, в котором реализуется понятие «перевод», обширно: научные издания, художественная литература, процессуальные документы, аудиосообщения, интернет-газеты – перечисление не может носить характер закрытого списка, который пополняется с развитием социума так быстро, что терминология зачастую не успевает утвердиться в вербальном обиходе. Используемый в сфере судопроизводства юридический перевод – это перевод письменных и устных текстов из правовой сферы в обеспечение информационного обмена между двумя или более сторонами – носителями языков, недоступных для понимания каждой из сторон. То есть речь идёт о письменном/устном переводе документов материального и процессуального права различного типа (постановлений, определений, приговоров, протоколов, рапортов, ходатайств, заключений), материалов дела (личных документов, характеристик, договоров, доверенностей), материалов международных запросов о правовой помощи, а также об устном переводе устных коммуникаций участников процесса судопроизводства (адвоката, специалиста, дознавателя, следователя, судьи, свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, подсудимого).

Как указывает Маркус Гальдия, юридический перевод как сфера профессиональной деятельности в настоящее время развивается в больших, чем когда-либо, объемах [Galdia, 2013, p. 78], в силу чего актуальным является научное осмысление его понятия, целей и отличительных особенностей. Однако все эти вопросы не нашли надлежащего научного осмысления и объяснения, тем более в рамках направлений теории судебного права, правового регулирования правоохранительной и правозащитной деятельности.

Настоящий материал направлен на восполнение таких пробелов.

Понятие юридического перевода: обзор представленных в литературе интерпретационно-объяснительных подходов

Для глубокого понимания юридического перевода необходимо иметь четкое представление о переводе в широком смысле. Из множества определений выделим следующее: «Перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [Гарбовский, 2007, с. 22].

Перевод (письменный) в целом можно рассматривать как акт коммуникации между создателями текста и его адресатами, а переводчик при этом выступает в качестве посредника между ними [Murıci, 2016, p. 285].

Юридический перевод – это вид специализированного или технического перевода, переводческая деятельность, включающая в себя использование языка для специальных целей в контексте права или использование языка в юридических целях [Сао, 2012, р. 1]. Маркус Гальдия определяет профессиональный юридический перевод как поиск юрико-лингвистической эквивалентности [Galdia, 2013, p. 92]. Миртеза Муричи отмечает, что юридический язык является техническим языком, а юридический перевод – это технический перевод текстов на специальном языке [Murıci, 2016, p. 283].

Как и иные области перевода, юридический перевод ориентирован на адресата [Šarcevic S., p. 1].

Значение и цели юридического перевода

Использование переводов юридических документов, в частности текстов нормативно-правовых актов, в настоящее время применяется повсеместно. Так, исследователи отмечают, что вследствие глобализации многие тексты, используемые в настоящее время, являются результатом перевода более общих документов, составленных на международном уровне [Gotti, 2016, p. 6]. И это лишь один из множества примеров.

Юридический перевод может осуществляться для достижения различных целей. Отметим некоторые из них:

- научные, ознакомительные или образовательные цели;
- практические цели, связанные с необходимостью разрешения споров с участием иностранных лиц или споров, осложненным иным иностранным элементом;
- практические цели, связанные с составлением и заключением договоров на двух или более языках;
- практические цели, связанные с имплементацией международно-правовых норм в национальное законодательство.

Радегундис Штольце выделяет некоторые типовые ситуации, когда может понадобиться юридический перевод:

- перевод личных документов, используемых для защиты или подтверждения права в другой стране (например, свидетельства о расторжении или заключении брака). Особенностью такого перевода может являться необходимость проверки различных ключевых понятий и того, насколько эквивалентными являются те или иные термины, используемые в документах на разных языках;
- перевод документов в рамках уголовного процесса;
- перевод решений иностранных судов;
- перевод текстов заключаемых договоров;
- перевод текстов нормативно-правовых актов с одного государственного языка на другой;
- перевод текстов международных договоров на национальный язык [Stolze, 2013, p. 5].

Миртеза Муричи выделяет следующие категории юридического перевода в зависимости от его целей:

- юридический перевод, выполняемый для целей нормативно-правового регулирования;
- юридический перевод, выполняемый для информационных целей [Murıci, 2016, p. 285–286].

Также отметим, что, имея основанием классификации способ перевода, юридический перевод подразделяется на устный и письменный, в рамках устного – на последовательный, синхронный, перевод с листа и т.д.

Отличительные особенности юридического перевода

Выделение юридического перевода среди аналогичных произошло на основании классификации по сферам применения. Изначально в зависимости от целей выделяют виды переводов, среди которых нам интересен так называемый коммунальный перевод (перевод для удовлетворения социальных нужд человека), который, по нашему мнению, включает и юридический перевод, в части юрико-переводческого сопровождения в судопроизводстве, например.

Юридический перевод как очень специфическая форма переводческой деятельности (синтектически объединяющей лингвистический и правовой подходы) требует особой мультимодальной подготовки такого переводчика, а порою и его допуска к такого рода деятельности и связывание его в этой деятельности определёнными правилами, рамками. Перевод юридических текстов, будь то письменные источники или устные коммуникации, должен осуществляться профессиональными переводчиками с соответствующей узкопрофильной специализацией. Зачастую лингвистическому профилю образования переводчика сопутствует юридическое или большой опыт работы в юриспруденции. Неслучайно во многих странах судам рекомендуется привлекать только тех переводчиков, которые сдали соответствующие экзамены. Так в Великобритании, например, переводчики должны соответствовать требованиям, установленным Национальным реестром государственных переводчиков.

По мнению Малькольма Харви, сложно выделить специфические особенности юридического перевода, на практике существенно отличающие его от других видов специализированного перевода, поскольку многие сложности, возникающие в процессе такого перевода, могут быть связаны не только с особенностями такой области, как право [Harvey, 2002, p. 182]. Однако большинство исследователей все же придерживаются позиции, что юридический перевод обладает уникальными специфическими характеристиками, обусловленными его природой и целями.

Так, юридический язык зачастую сильно отличается от разговорного или литературного языка в силу своеобразности структуры предложений, пунктуации, терминологии, используемых конструкций. Юридический язык обладает лексическими, синтаксическими и прагматическими особенностями для того, чтобы соответствовать требованиям закона. Эти характеристики юридического языка имеют важное значение для юридического перевода [Mugići, 2016, p. 280].

Сложность межъязыкового перевода юридического текста может быть обусловлена, в частности, различиями в исходной и целевой правовой и лингвистической системах. По этой причине юридический перевод в основном оценивается с точки зрения его соответствия коммуникативной цели в рамках целевой культуры (то есть, культуры страны, на язык которой осуществляется перевод). Это же соображение релевантно и для стран с несколькими государственными языками, в которых все переводы нормативно-правовых актов имеют одинаковый статус и являются параллельными друг другу текстами, имеющими одинаковую юридическую силу [Gotti, 2016, p. 6].

Развитие особенностей юридического языка зависит от потребностей соответствующей правовой системы. Юридический язык является продуктом соответствующей истории и культуры [Mugići, 2016, p. 280]. Хотя в юридических текстах на разных языках могут затрагиваться схожие вопросы, это может быть сделано по-разному из-за культурных различий соответствующих обществ и различий правовых систем [Gotti, 2016, p. 6]. При этом, несмотря на кажущуюся непреодолимую концептуальную и лингвистическую пропасть между разными языками и законами, как мнимую, так и реально существующую, перевод нормативно-правовых актов возможен, и может быть реализовано межкультурное понимание права, хотя такое понимание и будет зачастую субъективным [Cao, 2012, p. 5].

Также важное значение для особенностей юридического перевода имеют функция переводимого текста и предназначение конечного перевода [Stolze R., 2013, p. 5].

Требования, предъявляемые к юридическому переводу и компетенциям переводчика

Юридический перевод – это сложный процесс, требующий от переводчика специальных навыков, знаний и опыта [Muriçi, 2016, p. 285]. От переводчика юридического текста требуется провести процесс концептуального анализа, с помощью которого он сможет определить и оценить наиболее важные различия между правовой системой, из которой исходит соответствующий нормативно-правовой акт, и целевой правовой системой, и то, как эти различия выражены в переводимом тексте [Gotti, 2016, p. 7].

Переводчик, осуществляющий юридический перевод, должен владеть не только основными концепциями и понятиями в области права, но и терминологией и концепциями в соответствующих его областях [Harvey, 2002, p. 182].

Несмотря на то, что некоторые исследователи говорят о необходимости адаптации переводимого текста с учетом культурных и правовых особенностей государства, на язык которого переводится документ, это не во всех ситуациях является целесообразным и даже возможным, поскольку юридический перевод требует особой тщательности для того, чтобы переводимый текст остался неискаженным. Искажение смысла текста в результате перевода может приводить к существенным последствиям, затрагивающим интересы различных лиц.

Марта Хрома отмечает, что один из основных постулатов теории юридического перевода заключается в том, что переводчики юридических текстов способны переводить на другой язык только то, что видят, исходя из текста, который является источником. Юристы толкуют закон, чтобы применять его, переводчики же интерпретируют юридический текст только для того, чтобы изложить информацию на другом языке [Chromá, 2016, p. 83]. Сьюзен Сарчевич отмечает, что в целях обеспечения соблюдения буквы закона переводчики юридических текстов традиционного соблюдают принцип точности исходного текста. Задача переводчика – как можно точнее восстановить форму и содержание исходного текста. Таким образом, дословный перевод был золотым стандартом для юридического перевода и до сих пор отстаивается некоторыми юристами [Šarčević, p. 3].

Различия в интерпретации юридического текста переводчиками и юристами вызваны, в первую очередь, степенью их знания права. Кроме того, использование права юристами предусматривает необходимость глубокого понимания законодательства и соответствующей среды, в то время как переложение юридической информации с одного языка на другой строится на сравнительном юридико-лингвистическом анализе [Chromá, 2016, p. 83].

При выполнении переводов международных договоров и конвенций переводчики должны проявлять крайнюю осторожность при принятии решений. В частности, переводчик не должен рисковать нарушить тонкий баланс в рамках международно-правового инструмента, пытаясь прояснить размытые моменты, неясности и двусмысленности, поскольку внешне безобидные лингвистические различия могут привести к серьезным различиям в толковании разных переводов текста одного и того же документа [Šarčević, p. 8]. Приоритетным при выполнении таких переводов является достижение максимально возможной лингвистической согласованности, чтобы избежать споров, ненужных судебных разбирательств или правовой неопределенности [Šarčević, p. 8].

То же справедливо и для составления текстов гражданско-правовых и трудовых договоров, заключаемых на двух языках.

Сложности, сопряженные с выполнением юридического перевода

Специфика и сложность права и специальной терминологии обуславливает сложность и юридического перевода, которая усугубляется дополнительными сложностями, возникающими при работе с двумя языками или правовыми системами при

переводе [Сао, 2012, р. 2]. Несоответствие конкретных характеристик различных языковых систем может создавать значительные проблемы при формулировании и толковании юридических текстов [Сао, 2012, р. 2]. Основными источниками сложностей, возникающих при юридическом переводе, являются системные различия в праве, лингвистические и культурные различия [Сао, 2012, р. 2].

Применяемая юридическая терминология и ее значение настолько связаны с культурой, а также с историческими, социологическими, политическими и правовыми традициями, что удовлетворительный перевод всех используемых в тексте юридических терминов из одного контекста в другой порой невозможен [Gotti, 2016, р. 11]. Также в разных странах могут различаться подходы и особенности юридической техники, и это также должно учитываться при осуществлении юридического перевода.

Радегундис Штольце определяет следующие пути решения переводчиком проблемы перевода специальной терминологии:

- дословный перевод;
- использование заимствованного слова;
- замена термином из целевой правовой системы;
- использование гиперонима, который является более общим;
- перевод с разъяснительным расширением текста;
- замена термином из целевой правовой системы с указанием исходного термина в скобках;
- использование исходного термина со скобкой;
- использование исходного термина в качестве неологизма;
- принятие наиболее подходящего решения осуществляется на основании специальных знаний [Stolze, 2013, р. 9].

Авторский концепт определения и объяснения природы и специфики юридического перевода

Согласно нашему концепту, *правовая и юридико-лингвистическая природа профессионального юридического перевода*, определяющая его специфические отличия от всех других видов перевода (разве что есть некоторые пересечения по значимости последствий с профессиональным медицинским переводом или переводом инструкций на сложные технические промышленные или транспортные объекты) – художественно-литературного, научно-технического и т.д. – определяется следующими детерминантами (и одновременно может быть выражена через следующие аспекты):

1. Юридический перевод судьбоносен, значим для реальных последствий, порою в высшей степени существенных. И поэтому, коль скоро юридический перевод является одним из видов технического перевода, основанного на формально-логическом стиле, такие характеристики, как достоверность, высокий уровень точности, максимальная и стремящаяся к однозначности ясность (для понимания аудиторией адресатов) являются очень существенными.

2. Искажение исходного смысла именно при юридическом переводе (в отличие от прочих видов) с несопоставимо большей вероятностью может повлечь крайне нежелательные последствия.

Одним из самых трагичных примеров некорректного перевода явилась, как известно из истории, не понятая другой стороной реакция премьер-министра Японии Кантаро Судзуки на пресс-конференции после публикации Потсдамской декларации (в отношении условий капитуляции Японии). Его высказывание на японском языке могло быть переведено и как «Без комментариев. Мы продолжаем это обдумывать», и как «Мы это в полной мере отвергаем».

3. Юридический перевод не приемлет творческого подхода, эмоциональности, и таких переводческих приемов, как генерализация, опущение, языковая догадка, адаптация для аудитории адресатов-реципиентов и подобное.

4. Юридический перевод безлик, в нем не прослеживается почерка переводчика, он полон пассивных конструкций и безличных структур. Безусловно, невозможно достичь полной эквивалентности текста-оригинала и текста-перевода, но в шкале приоритетности в выборе языковых форм переводчик при юридическом переводе всегда должен стремиться к таковой. Помимо отсутствия терминов, возможно отсутствие юридических реалий в языке перевода, и текстовая конвенциональность в таких случаях труднодостижима. Если не получается найти эквивалентную форму передачи юридической информации в силу социальных, культурных, политических различий между социумами-носителями того или иного языка, поиск аналога как единственный оперативный инструмент должен быть разумным, основанным на глубоких знаниях в сфере юриспруденции, результат должен быть проверенным, однозначным и непроблемным.

Как следствие вышесказанного, ***профессиональный юридический перевод требует следующих специфических профессиональных компетентностей:***

– расширенной компетентности в области устного и письменного перевода, в том числе способности свободно выполнять последовательный и синхронный перевод сложных текстов, эффективно работать в команде, состоящей не только из коллег-переводчиков, но и из других участников процесса; в силу этого необходимо наличие у переводчика комплексного юридическо-лингвистического образования («заточенного» именно под эти цели, в том числе в разрезе специальной аналитической подготовки [Понкин, 2020]), высокого уровня интеллекта, многопрофильных знаний и разнопланового опыта;

– профессиональный юридический перевод требует надлежащей профессиональной компетентности в юриспруденции в целом и, более того, в данном конкретном направлении правового регулирования и по данному конкретному кругу правоотношений, в привязке к которым даётся (планируется) профессиональный юридический перевод, требует глубокого понимания деятельности правоохранительных органов и правовой системы;

– профессиональный юридический перевод требует определенной модальности подготовки: существуют уникальные параметры работы переводчиков в условиях юридического перевода, которые являются результатом интерференции (сложного взаимодействующего пересечения) прецедентного права, юридических и доказательственных процедур, что детерминирует приобретение знаний и навыков, требуемых от переводчиков для работы в таких условиях, как правило, после получения профессионального образования в области устного перевода в сочетании с многолетней практикой, после чего следует специальная подготовка по юридическому устному переводу и опыт работы под надзором курирующего специалиста, а затем (во всяком случае, если мы берём зарубежный опыт) – сертификация посредством занесения в Реестр переводчиков после прохождения определённого количества часов обучения и приобретения опыта работы под кураторством до подачи заявления о включении в Реестр (сам процесс сертификации включает в себя сложный письменный и устный экзамены).

Заключение

Юридический перевод специфичен в части пограничного нахождения в поле лингвистики и права и науки о переводе, переводоведения.

Юридический перевод выделяется как отдельный вид на основании сферы применения, реализующийся с помощью других видов перевода, которые классифицируются на основании способа осуществления переводческих действий, а именно: как говорилось ранее, устного и письменного; в рамках устного – синхронного и последовательного; перевода с листа.

В рамках юридического перевода документы и живые коммуникации в процессе судопроизводства должны обрабатываться на высоком уровне, исключая пробельность и несоответствие реалиям сферы юриспруденции на языке аудитории. Такой подход обусловлен крайней важностью значения юридических текстов, как письменных, так и устных. Для исполнения переводческой функции на должном уровне требуются знания, профессионализм и опыт переводческого сектора.

В настоящее время в России имеет место существенный дефицит профессионально подготовленных переводчиков, способных на высоком уровне давать юридический перевод документов и живых коммуникаций в процессе судопроизводства. А это усугубляет проблему перегруженности судов и правоохранительных органов: сроки рассмотрения дел систематически переносятся, затягиваются, рассмотрение дел отменяется, дела возвращаются на доследование, обвиняемых отпускают из зала суда не вследствие их невиновности, а по причине отсутствия надлежащих возможностей обеспечения суда должным юридико-переводческим сопровождением.

Но в основе этой проблемы – недооценка роли и значения профессионального юридического перевода в законодательстве Российской Федерации и еще ранее – на уровне научного понимания. Именно поэтому столь важно научное обсуждение всех этих вопросов. Следует обсуждать вопросы подготовки и отбора специалистов юридического перевода в разрезе проактивного видения ситуации.

В законодательстве Российской Федерации требования к переводчикам, осуществляющим юридический перевод, сводятся к свободному владению парой языков, языком оригинала и языком перевода, что может документационно быть доказано наличием диплома о лингвистическом образовании или фактом носительства языка по рождению. Но указанное не является гарантией качественного оперирования узкоспециальным юридическим вокабуляром. Соответственно, при возникновении несоответствий и некорректностей в результате переводческого процесса возможно говорить о незнании реалий, а не об умышленном искажении текста перевода. Это и объясняет минимальное количество упоминаний фактов привлечения переводчика к ответственности за заведомо ложный перевод, осуществляемый в процессе судопроизводства. Совершение ошибки, описки, словесной оговорки и преступный умысел – разные, непересекающиеся понятия. Именно для уменьшения случаев событий из первой группы необходима очень жесткая, тщательно проработанная система отбора переводчиков на основе их теоритической и практической подготовки.

Список литературы

1. Гарбовский Н.К. 2007. Теория перевода. М., Издательство МГУ, 543 с.
2. Маркаров А.Н. 2014. Язык как объект конституционно-правовой охраны и защиты. Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия: Юридические науки, 2: 187–196.
3. Понкин И.В. 2013. Закон Республики Польша о защите языка. Национальные интересы. № 3: 30–34.
4. Понкин И.В. 2013а. «Закон Тубона». Национальные интересы, 1–2: 48–52.
5. Понкин И.В. 2012. Законы Франции и Польши о защите языков. Нравственные императивы в праве, 3: 54–69.
6. Понкин И.В. 2020. К вопросу о способах и методиках подготовки аналитиков. Аналитика на службе Отечеству. Под ред. Ю.В. Курносова. Серия «Русская аналитическая школа». М., Ритм, 384 с.
7. Понкин И.В., Редькина А.И. 2020. Методология научных исследований и прикладной аналитики. Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М., Буки Веди: 365 с.
8. Cao D. 2012. Legal Translation. Electronic article. URL: <https://doi.org/10.1002/9781405198431.wbeal0679> (дата обращения 11.11.2020)
9. Chromá M. 2016. Traps of English as a target language in legal translation. Comparative Legilinguistics. Vol. 26: 71–97.

10. Galdia M. 2013. Strategies and tools for legal translation. *Comparative Legilinguistics*. Vol. 16: 77–94.
11. Gotti M. 2016. The translation of legal texts: interlinguistic and intralinguistic perspectives. *ESP Today*. Vol. 4. № 1: 5–21.
12. Harvey M. 2002. What's so Special about Legal Translation? *Meta*. Vol. 47. № 2: 177–185.
13. Muriçi M. 2016. Legal Language and Legal Translation. *International Conference on Linguistics, Literature and Culture 2016 – Book of Proceedings*: 279–291.
14. Šarcevic S. Legal Translation and Translation Theory: a Receiver-oriented Approach. Electronic article. URL: <https://www.tradulex.com/Actes2000/sarcevic.pdf> (дата обращения 11.11.2020)
15. Stolze R. 2013. Translation and Law. *SYNAPS*. Vol. 23: 3–13.

References

1. Garbovskij N.K. 2007. *Teoriya perevoda [Theory of translation]*. M., Publ. MGU: 543 p.
2. Markarov A.N. 2014. YAzyk kak ob"ekt konstitucionno-pravovoj ohrany i zashchity [Language as an object of constitutional and legal protection and protection]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta družby narodov*. Ser.: YUridicheskie nauki, 2: 187–196.
3. Ponkin I.V. 2013. Zakon Respubliki Pol'shi o zashchite yazyka [Law of the Republic of Poland on the Protection of the Language]. *Nacional'nye interesy*, 3: 30–34.
4. Ponkin I.V. 2013a. Zakon Tubona [Toubon's Law]. *Nacional'nye interesy*, 1–2: 48–52.
5. Ponkin I.V. 2012. Zakony Francii i Pol'shi o zashchite yazykov [Laws of France and Poland on the protection of languages.]. *Nravstvennye imperativy v prave*, 3: 54–69.
6. Ponkin I.V. 2020. K voprosu o sposobah i metodikah podgotovki analitikov. *Analitika na sluzhbe Otechestvu [To the question of methods and methods of training analysts. Analytics in the service of the Fatherland]*. Ed. Kurnosova, YU.V. Ser. Russkaya analiticheskaya shkola. M., Publ. Ritm: 384 p.
7. Ponkin I.V., Red'kina A.I. 2020. *Metodologiya nauchnyh issledovanij i prikladnoj analitiki: Uchebnik [Methodology of scientific research and applied analytics]*. Institut gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij i prava. M., Publ. Buki Vedi: 365 p.
8. Cao D. 2012. Legal Translation. Electronic article. URL: <https://doi.org/10.1002/9781405198431.wbeal0679> (data obrashcheniya 11.11.2020)
9. Chromá M. 2016. Traps of English as a target language in legal translation. *Comparative Legilinguistics*. Vol. 26: 71–97.
10. Galdia M. 2013. Strategies and tools for legal translation. *Comparative Legilinguistics*. Vol. 16: 77–94.
11. Gotti M. 2016. The translation of legal texts: interlinguistic and intralinguistic perspectives. *ESP Today*. Vol. 4. No. 1: 5–21.
12. Harvey M. 2002. What's so Special about Legal Translation? *Meta*. Vol. 47. No. 2: 177–185.
13. Muriçi M. 2016. Legal Language and Legal Translation. *International Conference on Linguistics, Literature and Culture 2016 – Book of Proceedings*: 279–291.
14. Šarcevic S. Legal Translation and Translation Theory: a Receiver-oriented Approach. Electronic article. URL: <https://www.tradulex.com/Actes2000/sarcevic.pdf> (data obrashcheniya 11.11.2020)
15. Stolze R. 2013. Translation and Law. *SYNAPS*. Vol. 23: 3–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Апасова Юлия Николаевна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia N. Apasova, Post-Graduate Student of the Department of State and Municipal Administration of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.47

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-36-46

Социодинамика изменений культурно-ценностных ориентаций городского сообщества в контексте проблемы определения социокультурных констант

Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Аннотация. На основе результатов социологического исследования показано, что выбор культурных предпочтений населения в существенной степени обусловлен его ценностными ориентирами (семейное счастье, здоровье, безопасность, свобода). Однако для жителей современных городов характерно отсутствие ценностного консенсуса, что негативно сказывается на перспективах определения социокультурных констант. Эмпирически подтверждено, что в настоящее время при оценке культурных феноменов сохраняют значение этические и эстетические критерии. При определении культурных предпочтений значительная часть людей исходит из ресурсной доступности и новизны. Прагматизация восприятия городской культуры наиболее наглядно проявляется в повседневных культурных практиках и во многом стимулируется все более массовым применением интернет-технологий и использованием гаджетов. Все это переводит проблему определения социокультурных констант преимущественно в технологическую плоскость, лишает ценностного содержания и объективно «деактуализирует» ее.

Ключевые слова: социокультурные константы, ценностные ориентиры, городское сообщество, реновация, культурные потребности, социокультурная динамика.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Реновация социокультурных констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ» (№ 20-011-00482).

Для цитирования: Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. 2021. Социодинамика изменений культурно-ценностных ориентаций городского сообщества в контексте проблемы определения социокультурных констант. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (1): 36–46. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-36-46

Sociodynamics of changes in the cultural and value orientations of the urban community in the context of the problem of determining socio-cultural constants

Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A.

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Abstract. The problem of the role of cultural and value orientations of the urban community in determining the socio-cultural constants of its life activity is considered. It is emphasized that the

presence of such constants is the most important determinant of the use of socio-cultural constants, which act as a system of "certainties", which can be used both in building life strategies and in everyday actions, and is necessary for the consolidation and reproduction of urban communities. Based on the results of the author's sociological research, it is shown that the choice of cultural preferences of the population is largely determined by its value orientations, such as family happiness, health, personal safety and the safety of their loved ones, freedom and independence. However, it is noted that the residents of modern cities are characterized by a lack of value consensus, which negatively affects the prospects for determining socio-cultural constants. It is empirically confirmed that at present, despite all the socio-cultural changes, ethical and aesthetic criteria remain important in the assessment of cultural phenomena. However, along with them, when determining cultural preferences, a significant part of people proceed from purely pragmatic considerations – resource availability and novelty. The pragmatization of the perception of urban culture is most clearly manifested in everyday cultural practices and is largely stimulated by the increasingly widespread use of Internet technologies and the use of gadgets. All this translates the problem of determining sociocultural constants mainly into the technological plane, deprives it of value content and objectively "deactualizes" it.

Keywords: sociocultural constants, value orientations, urban community, renovation, cultural needs, sociocultural dynamics.

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project "Renovation of socio-cultural constants as a factor of reproduction and development of regional communities" (No. 20-011-00482).

For citation: Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A. 2021. Sociodynamics of changes in the cultural and value orientations of the urban community in the context of the problem of determining socio-cultural constants. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46(1): 36–46 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-36-46

Введение

Любой российский город, являясь частью регионального сообщества, может рассматриваться как специфическое, более или менее обособленное, субкультурное образование, отличающееся от других присущими большинству населения стереотипами и стилями поведения, а также их репрезентаций в знаково-символических формах. При этом современный этап развития, как правило, характеризуется отсутствием в элитарном и массовом сознании городских жителей системы «определенностей», на которые можно ориентироваться как при выстраивании жизненных стратегий, так и в повседневных действиях. Эти «определенности» составляют комплекс социокультурных констант, без которых люди либо утрачивают смысл своего существования, либо подменяют естественные, адекватные человеческой сущности практики их симулятивными формами, нередко обладающими деструктивным для человека и общества потенциалом. Социокультурные константы определяются нами как «однозначно установленные на основе общественной конвенции, не подвергаемые сомнению последователями комплексы идей ценностно-нормативного характера, определяющие поведение людей во взаимоотношениях с окружающими. В качестве социокультурных констант могут выступать ценностные паттерны, социальные нормы, знаковые системы, поведенческие модели» [Бабинцев и др., 2020, с. 439].

Отсутствие таких констант существенно затрудняет процесс консолидации и воспроизводства городских сообществ, стимулируя внутренние (чаще всего в современных условиях латентные) конфликты. Однако признание данного обстоятельства специалистами и частью конструктивно мыслящей элиты не снимает вопроса о том, какие из констант объективно и субъективно востребованы региональными сообществами.

В условиях глубокой социальной и политической дифференциации основным источником формирования констант является городская культура, социодинамика которой требует постоянного, теоретически обоснованного анализа, базирующегося на репрезентативной диагностике.

Методология и методика исследования

Исследование опирается на сформулированный в области культурной антропологии закон трансгуманитарного баланса, согласно которому чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурно-психологической регуляции необходимы для сохранения общества.

Социокультурный анализ позволяет выявить и изучить важнейшие детерминанты использования социокультурных констант, которыми выступают общество и культура в их органическом взаимодействии. Под социокультурным подходом в исследовании понимается методология на базе системного анализа, сущность которой состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Это единство, согласно принципам системного подхода, образует целое, свойства которого не выводимы из характеристик частей.

Концепция исследования основывается также на теории социальной аномии. Понятие «социальная аномия» представляет дезинтеграционный феномен, размещенный на краю одной стороны своеобразного интеграционного континуума, тогда как на другой стороне расположено состояние социальной солидарности. В социологической теории принято считать, что социальная солидарность, хоть и имеет естественное происхождение, однако поддерживается в обществе посредством репрессивных институтов [Конт, 2011; Дюркгейм, 1990]. Реализуясь в общественно-культурной нормативной системе [Вебер, 1994], социальная солидарность делается значимой для его представителей посредством интернализации ими экспрессивно-символических комплексов [Парсонс, 2000]. То есть правопорядок в обществе базируется на формальном и неформальном социальном контроле, нарушение его эффективности и приводит в конечном счете к наиболее тяжелым последствиям социальной аномии.

Социальная аномия современного российского общества связана с интеграционным ослаблением социетальных культурно-символических структур. Социокультурные трансформации влияют на состояние системы ценностно-смысловых ориентиров, вырабатываемых на протяжении веков многими поколениями профессиональных ученых. Проблема управления социокультурными процессами отражена в ряде новейших отечественных публикаций, посвященных анализу происходящего в современной России. Это работы О. Астафьевой [2009], О.И. Гуденковой [Гуденкова, Садыкова, 2016], А.В. Гусевой [2012], Н.С. Данакина [2013], М.В. Ершовой [2016], В.А. Есакова [2007], И.А. Игошиной [2004], В.В. Комлевой [2018], С.В. Копыловой [2016], К.Х. Момджяна [2016], Г.А. Опариной [2016], А.С. Панарина [2005], С.Т. Сагитова [2017], З.Х. Саралиевой [2013], В.А. Сердюковой [2017], С.В. Туманова [2016], В.Г. Федотовой [2018] и др.

Эмпирической базой материалов публикации выступает проведенное авторским коллективом в городских округах Белгородской области в феврале – марте 2020 года социологическое исследование, включающее анкетный опрос населения ($n = 500$, выборка многоступенчатая, квотная, квотные признаки – место жительства, пол, возраст), экспертное интервью ($n = 30$) и три фокус-групповых интервью, участниками которых были работники сферы культуры, СМИ и студенты ($n = 36$).

Результаты исследования и обсуждение

В условиях тотального распространения в глобальном мире унифицированных социальных практик, субкультурная идентичность начинает играть в жизни локальных

урбанизированных сообществ роль единственного надежного основания для их воспроизводства и развития. Это, по нашему мнению, вполне может быть объяснено двумя основными причинами. Во-первых, представление о наличии характеристик собственной культуры, отличающих ее от окружающих (в данном случае речь не идет о декларации ее превосходства над другими), повышает самооценку принадлежащих к ней личностей и групп. А это, в свою очередь, выступает существенным стимулом для социального творчества. Во-вторых, представление о культурном своеобразии создает предпосылку для восприятия межличностных и межгрупповых связей как по-своему уникальных, и поэтому обязывающих социальных акторов не просто констатировать их наличие, но и дорожить ими. Тем более, что выбор социокультурных ориентиров практически всегда ценностно детерминирован. Однако проблема заключается в том, что для современных горожан типично отсутствие ценностного единства.

Проведенное социологическое исследование показало, что для более половины опрошенных (56,20 %) главным в жизни является семейное счастье. Среди ключевых жизненных ценностей респондентами были также отмечены здоровье (25,40 %), собственная безопасность и безопасность своих близких (24,60 %), свобода и независимость (20,60 %).

Примечательно, однако, то, что представители интеллектуальной элиты (и ее будущей смены – студенты) города предпочитают не замечать данного обстоятельства. Так, рассматривая динамику изменения ценностных ориентиров горожан, участники фокус-групп сошлись во мнении, что базовые ценности (любовь, семья, здоровье) остаются неизменными. Вместе с тем они признают, что «ценности потребления возрастают с развитием технологий и упрощением коммуникаций с миром, городом и т.д.» (Никита, работник СМИ). Использование современных технологий «сокращается расстояние между культурными ценностями разных поколений» (Татьяна, работник СМИ). Представители студенческой среды акцентировали внимание на том, что «материальные ценности перевешивают, все остальные ценности, которые раньше были у людей, они утрачивают свое значение и люди становятся какими-то злыми» (Диана, студент)

Подобная одномерность оценок, на наш взгляд, объясняется доминированием в элитарном сознании стереотипа города как субкультурной целостности, что не адекватно ситуации общества так называемого постмодерна, но отражает своего рода ностальгию по стабильности и позитивной динамике. Последнее обстоятельство приобретает особенно важное значение в контексте изменений, характеризующих городскую повседневность.

Достаточно часто участники фокус-групп говорили о том, что досуговые предпочтения горожан меняются в лучшую сторону, а все остальное в худшую. Наиболее распространенными стали следующие мнения: «отношение между людьми изменилось в худшую сторону» (Ольга, работник сферы культуры); «более потребительские отношения между людьми, каждый ищет выгоду» (Диана, студент); «ценности общества потребления с местной постсоветской спецификой» (Елена, работник сферы культуры); «стало очень сложно и общаться, и вести дела с людьми, да и, в целом, доверять людям» (Валентин, студент).

Как и любое другое социальное явление, современная городская культура имеет характерные черты, привлекающие и отталкивающие массового потребителя. К положительным сторонам городской субкультуры население относит (таблица 1) доступность (31,80 % респондентов), ориентацию на интересы «простого» человека (28,60 %) и многообразие форм (27,80 %).

Больше всего в современной культуре жителям городов Белгородской области не нравится (таблица 2) ее коммерциализация (27,00 %), также отмеченную экспертами как один из основных факторов развития городской субкультуры, низкий эстетический уровень (25,40 %), засилье попсы (23,40 %).

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос: «Что Вас особенно привлекает в современной городской культуре? (укажите не более 3 вариантов ответа)», абс., %
 Distribution of answers to the question: «What do you find particularly attractive about modern urban culture? (specify no more than 3 possible answers)», abs., %

Варианты ответов	Количество выборов варианта	Доля опрошенных, %
Многообразие форм	139	27,80
Демократичность	112	22,40
Использование технических средств	88	17,60
Внимание к экологическим проблемам	104	20,80
Патриотическая ориентация	86	17,20
Ориентация на интересы «простого» человека	143	28,60
Доступность	159	31,80
Связь с национальными традициями	73	14,60
Затрудняюсь ответить	56	11,20
Всего	500	100,00

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов на вопрос: «Что Вам больше всего не нравится в современной городской культуре?», абс., %
 Distribution of answers to the question: «What do you dislike most about modern urban culture?», abs., %

Варианты ответов	Количество выборов варианта	Доля опрошенных, %
Засилье попсы	117	23,40
Низкий эстетический уровень	127	25,40
Коммерциализация	135	27,00
Групповщина, клановость	112	22,40
Элитарный характер	65	13,00
Пропаганда насилия	94	18,80
Использование ненормативной лексики	105	21,00
Оторванность от национальных традиций	37	7,40
Затрудняюсь ответить	70	14,00
Всего	500	100,00

Взаимодействие современных технологий и развития культурного процесса в регионе в настоящее время остается дискуссионным вопросом. Оценивая влияние на культурный процесс широкого применения информационных технологий и гаджетов, респонденты не пришли к единому мнению. Так, 36,60 % респондентов – жителей городов Белгородской области отмечают, что их применение сделало культуру более востребованной; противоположной точки зрения придерживаются 43,40 %. Оптимистичнее всего настроены молодые люди, среди которых 51,72 % полагают, что широкое применение ИКТ сделало культуру более востребованной. Наибольшее

количество людей, придерживающихся противоположной точки зрения, относятся к возрастной группе старше 60 лет, что вполне объяснимо, так как люди пожилого возраста, как правило, редко пользуются современными технологиями.

При проведении фокус-групп участникам было предложено высказать мнение о том, как меняют культурный процесс в городе современные информационные и цифровые технологии, гаджеты, виртуальные социальные сети. Студенты говорили о положительных и отрицательных сторонах такого влияния. К позитивным тенденциям были отнесены активизация культурного процесса, облегчение получения информации о культурных событиях, увеличение освещенности и привлекательности определенных мероприятий; к негативным – взаимное отчуждение между людьми, дефицит «живых» коммуникаций. *«Главным минусом является то, что мы переходим в виртуальный мир, меньше становится живого общения. Мнение свое высказывается в комментариях в социальных сетях. В реальной жизни люди становятся более закрытыми, меньше дружеских отношений между людьми»* (Диана, студентка).

Большинство из опрошенных представителей СМИ убеждены, что *«применение гаджетов и цифровых технологий делают этот (культурный – авт.) процесс более массовым, более доступным, но и более индивидуальным»* (Никита, работник СМИ). Участники опроса считают, что новые технологии скорее дополняют, чем заменяют традиционные культурные продукты. Достаточно типичными стали следующие мнения: *«мне кажется, что это стереотип, что из-за соцсетей стали меньше общаться лично. Просто у людей такое огромное количество средств коммуникаций, они очень разноплановые, и не факт, что такое общение хуже, чем в реальности»* (Ольга, работник СМИ); *«в провинциальных городках очень велика потребность на других посмотреть и себя показать, и плюс общение, конечно»* (Татьяна, работник СМИ); *«у многих людей очень велика потребность быть в тусовке, это тоже необходимость, это социальное взаимодействие. Даже если мы максимально все цифровизируем, люди не перестанут выходить на реальные мероприятия, так как есть еще потребность именно в живом общении»* (Настя, работник СМИ).

Показательно, что участники фокус-группы работников сферы культуры отмечали лишь положительные следствия внедрения современных технологий и гаджетов в культурный процесс: *«во время пандемии новые технологии дали возможность проводить онлайн-концерты, виртуальные экскурсии»* (Светлана, работник сферы культуры); *«они упрощают информирование потенциальной аудитории о предстоящих культурных событиях, анонсы знакомят публику с содержанием событий, появилась возможность купить билеты на культурные мероприятия онлайн»* (Наталия Владимировна, работник сферы культуры); *«происходит интеграция информационных технологий в общественную жизнь, когда основные общественные места и работа в них автоматизирована, что улучшает качество жизни граждан, оптимизирует городскую среду»* (Виктория, работник сферы культуры),

Результаты исследования показали, что большинство участников считают, что культура в информационном обществе становится более доступной, особенно подчеркивая возможности онлайн-технологий в период ограничений, связанных с пандемией, удовлетворить культурные потребности населения. В тоже время доступность «онлайн-культуры», по мнению участников фокус-групп, не делает ее автоматически более востребованной. В частности, работники сферы культуры подчеркивают, что культура остается востребованной именно в «живом» виде:

«Сколько бы онлайн не продвигать, он останется лишь эрзацем, суррогатом. Человек приходит на спектакль, концерт, в выставочный зал за живыми эмоциями, чтобы здесь и сейчас пережить встречу с произведением искусства. Никакая, даже самая качественная трансляция не способна дать этих эмоций, особенно, если речь идет о спектакле или концерте, где каждый чувствует дыхание своего соседа по зрительному

залу, воспринимает энергию, которую транслируют исполнители» (Наталья Владимировна, работник сферы культуры);

«С внедрением информационных технологий во все сферы жизнедеятельности, в том числе и культуру, многое стало доступнее. Но разве заменит посещение музея и просмотр шедевров художников экскурсия онлайн? Или работа в библиотеке с научными трудами беглому их просмотру в интернете даже при условии их открытости и доступности? Для образованного и развивающегося человека учреждения культуры всегда будут востребованы» (Виктория, работник сферы культуры).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о неоднозначном влиянии цифровых технологий, виртуальных социальных сетей на культурный процесс. Современные информационные технологии, с одной стороны, расширяют возможности человека приобщиться к культурным ценностям, позволяют вовлекать все большее количество людей в социально-культурные мероприятия (онлайн трансляции), но в то же время «затягивают» жителей, в большей степени молодежь, в виртуальное пространство и виртуальную жизнь, заменяют собой человеческое общение, реальное посещение культурных объектов. Массовые культурные практики постепенно лишаются ценностного содержания и начинают рассматриваться преимущественно как технологические процедуры потребления и производства продукта, имеющего утилитарное значение (повышение престижа, демонстрации приобщения к корпорации, следование моде). Данный процесс не может оцениваться однозначно негативно. Мы полагаем, что его надо принять как реальность, границы которой, несомненно, еще более расширит цифровизация городского пространства.

Основным критерием определения людьми своих приоритетов в сфере культуры является соответствие продуктов городской культуры нормам морали. И хотя им руководствуется менее половины респондентов (45,60 %), он значительно опережает по числу выборов все остальные критерии. Так, 32,00 % участников опроса ориентируются в ходе данного выбора на ресурсную доступность; по 29,80 % – на соответствие эстетическим нормам и соответствие традиции; 22,20 % – на развлекательность; 20,80 % – новизну, необычность и даже провокационность; 21 % – на соответствие традиции. Все другие критерии выбора имеют заметно меньшее значение. Так, на рекомендации авторитетных людей обращают внимание 15,20 % горожан; на соответствие культурных предпочтений моде – 12,60 %; на официальное одобрение – 6,60 %.

Распределение ответов выявило, что диспозиции респондентов различных возрастных групп почти не различаются. Значимые расхождения прослеживаются в отношении критерия «соответствие эстетическим нормам». В общей массе населения города им руководствуются 29,80 % респондентов, но среди молодежи таких оказалось только 13,79 %. На наш взгляд, это вполне объяснимо, поскольку представители старших поколений гораздо более, чем молодые люди, привержены «классическим» эстетическим нормам и, как правило, более консервативны в своих взглядах.

Выбирая способ удовлетворения своих культурных потребностей, каждый третий респондент (33,20 %) ориентируется исключительно на себя, 30,40 % интересуются отзывами в СМИ, а 29,20 % советуются с друзьями и родственниками, каждый пятый респондент (19,20 %) ищет предварительно информацию в социальных сетях и на интернет-сайтах, 18,80 % знакомятся с мнением специалистов.

Структура культурных потребностей белгородцев разнообразна: просмотр телепрограмм (34,60 %), чтение художественной литературы (34,00 %), посещение концертов (28,40 %), а также музеев, галерей и выставок (26,80 %). Наименее популярными среди респондентов стали посещение спортивных мероприятий (18,60 %), театров (17,40 %) и занятия техническим и художественным творчеством (16,60 %). Такое разнообразие, несомненно, отражает существенную субкультурную дифференциацию городской среды.

Участникам фокус-групп было предложено определить понятие «культурный человек». В результате получился следующий обобщенный портрет культурного человека: *«это человек образованный, уважительно относящийся к истории и культуре своего народа и других народов, заботящийся о сохранении природных богатств Родины, стремящийся к саморазвитию, к усвоению новых знаний, умений и навыков»* (Наталья Владимировна, работник сферы культуры); *«человек, имеющий достаточный уровень образования, знающий и соблюдающий нормы и правила поведения в обществе, ответственно и бережно относящийся к окружающей его среде и людям, интегрированный в социально-культурную жизнь общества»* (Наташа, работник сферы культуры); *«который уважает личное пространство других, культурен в общении, способность коммуницировать и уважать интересы другого»* (Татьяна, работник СМИ). Некоторые респонденты также высказывались о сложности и неоднозначности такого понятия: *«Вообще сложно измерить количественно культурный человек или нет, например, можно иметь 3 высших образования и материться как сапожник, вести аморальный уровень жизни, но при этом ходить на все культурные мероприятия города»* (Наташа, работник сферы культуры).

Необходимость для культурного человека владения современными информационными технологиями в представлениях респондентов варьировали в достаточно широких пределах. Это и безусловная согласие с высказанной точкой зрения: *«Владение современными информационными технологиями для культурного человека, идущего в ногу со временем, на мой взгляд, является обязательным. Мы живем в эпоху цифровизации и диджитализации»* (Наташа, работник сферы культуры), и отсутствие такой необходимости: *«Нет, никак не связано. Если это как-то ему помогает, то на здоровье – пользуйся, развивайся. Но напрямую с культурой никак не связано»* (Александр, студент), и множество промежуточных позиций, которые наиболее полно можно выразить следующими высказываниями: *«культурным человеком можно быть как владея такими технологиями, так и не владея. Справедлива и обратная ситуация»* (Мария, студент); *«я работаю в Институте культуры, и к нам приходят очень много заслуженных деятелей культуры и искусства, людей, которые много добились в своем культурном творчестве – они, в основном, не владеют гаджетами. Но все же они культурные люди»* (Виктория, работник СМИ).

Заключение

Таким образом, диспозиции горожан в сфере культуры характеризуются высоким уровнем дифференциации, неоднозначностью восприятия таких черт, как «технизация» и технологизация; индивидуализацией потребностей и, как правило, противоречивостью интересов и способов их удовлетворения. Главными трансляторами культурных ценностей для городских жителей становятся Интернет и социальные сети, выступающие наиболее значимым инструментом организации культурного процесса. Именно они задают основные установки в отношении культурных потребностей, ценностей и образцов поведения, которые все более детерминируются не содержательными, но формальными мотивами.

Однако (в противовес этому) для людей становится все более важным коммуникативное качество городской культуры, ее способность наладить общение как в своей среде, так и с внешними контрагентами, что косвенно свидетельствует о нарастании установки на достижение общественной конъюнкции в городском сообществе (при сохранении высокого уровня пассивности, препятствующей реализации коммуникативных практик). Несмотря на все социокультурные изменения, для большей части горожан при оценке культурных феноменов сохраняют значение этические и эстетические критерии. Однако наряду с ними при определении культурных

предпочтений значительная часть людей все чаще исходит из чисто прагматических соображений – ресурсной доступности и новизны.

Прагматизация восприятия культуры создает, по нашему мнению, значимые барьеры для определения социокультурных констант. По меньшей мере, это характерно для городских сообществ. Существенным барьером становится несовпадение ценностей и социально-групповых интересов жителей, обусловленных, с одной стороны, их неодинаковым статусом в социально-экономической стратификации и – особенно – в политической системе; с другой стороны, спецификой группового сознания, одной из наиболее типичных среди которых является склонность к иррациональному восприятию реальности, опирающемуся в значительной степени на предрассудки. Исследователи отмечают, что одним из «открытий» XX века стало следующее: «современный человек и современное общество гораздо менее рациональны и гораздо более архаичны, нежели утверждали позитивисты и политики-либералы».

Список литературы

1. Астафьева О. 2009. Управление нелинейными социокультурными процессами: синергетический подход. Управление мегаполисом, 5: 7–26.
2. Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. 2020. Реновация идеи социальной солидарности: опыт Белгородской области. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 45 (3): 437–446.
4. Вебер М. 1994. Избранное. Образ общества. М., Юрист, 704 с.
5. Гуденкова О.И., Садыкова Х.Н. 2016. Современные социокультурные процессы в оценках социологов. Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика, 4: 137–139.
6. Гусева А.В. 2012. Управление социокультурными процессами (социологический анализ). Дис. ... к.с.н. М., 116 с.
7. Данакин Н.С. 2013. Рефлексивные технологии преодоления деструктивных стереотипов. Социально-гуманитарные знания, 12: 39–50.
8. Дюркгейм Э. 1990. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., Наука, 575 с.
9. Ершова М.В. 2017. Формирование организационно-экономического механизма управления социокультурным процессом повышения качества жизни населения. Вопросы современной науки и практики, 1 (63): 49–54.
10. Есаков В.А. 2007. Стратегия управления социокультурными процессами. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 3: 183–187.
11. Игошина И.А., Мишина И.С. 2004. Управление социокультурными процессами региона. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы, 2: 198–204.
12. Комлева В.В. 2018. Критическое значение социального иммунитета в обеспечении общественно-политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влияний: опыт моделирования. Вопросы политологии, 11 (39): 881–890.
13. Конт О. 2011. Общий обзор позитивизма. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 296 с.
14. Копылова С.В. 2016. Глобализация как социокультурный процесс. Вестник Калмыцкого университета, 2 (30): 143–148.
15. Момджян К.Х. 2016. Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории. Вопросы философии, 10: 36–46.
16. Опарина Г.А. 2016. Современные социокультурные процессы. Новая наука: современное состояние и пути развития, 11–3: 228–231.
17. Панарин А.С. 2005. Россия в социокультурном пространстве Евразии. Русское зарубежье, 1: 3–19.
18. Парсонс Т. 2000. О структуре социального действия. М., Академический проект, 880 с.
19. Сагитов С.Т. 2017. Управление социокультурными процессами. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа), 33 с.
20. Саралиева З.Х. 2013. Инновационные социальные макро-, мезо и микротехнологии. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 3-3: 229–234.

21. Сердюкова В.А. 2017. Социокультурное пространство региона как деятельностный процесс социализации молодежи. Научный альманах, 3-2 (29): 309–312.
22. Туманов С.В. 2016. Ценности и идеалы в контексте современной политической культуры. Философия политики и права, 7: 99–116.
23. Федотова В.Г. 2018. Социокультурные образы модернизации конца XX – начала XXI века: Россия и мир. Знание. Понимание. Умение, 2: 59–73.

References

1. Astaf'eva O. 2009. Upravlenie nelineynymi sotsiokul'turnymi protsessami: sinergeticheskiy podkhod. [Management of nonlinear socio-cultural processes: a synergetic approach]. Upravlenie megopolisom, 5: 7–26.
2. Babintsev V.P., Gaydukova G.N., Shapoval Zh.A. 2020. Renovatsiya idei sotsial'noy solidarnosti: opyt Belgorodskoy oblasti. [Renovation of the idea of social solidarity: the experience of the Belgorod region]. NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo, 45 (3): 437–446.
3. Veber M. 1994. Selected works. The image of society. M., Publ. Yurist, 704 p. (In Russian)
4. Gudenkova O.I., Sadykova Kh.N. 2016. Sovremennye sotsiokul'turnye protsessy v otsenkakh sotsiologov. [Modern sociocultural processes in the assessments of sociologists. News of higher educational institutions]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sociology. Economy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika, 4: 137–139.
5. Guseva A.V. 2012. Management of socio-cultural processes (sociological analysis). Dissertation of the candidate of Social Sciences. M., 116 p. (In Russian)
6. Danakin N.S. 2013. Refleksivnye tekhnologii preodoleniya destruktivnykh stereotipov. [Reflexive technologies for overcoming destructive stereotypes]. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 12: 39–50.
7. Dyurkgeym E. 1990. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. [On the division of social labor. Method of sociology]. M., Publ. Nauka, 575 p.
8. Ershova M.V. 2017. Formirovanie organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma upravleniya sotsiokul'turnym protsessom povysheniya kachestva zhizni naseleniya. [Formation of an organizational and economic mechanism for managing the socio-cultural process of improving the quality of life of the population]. Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo, 1 (63): 49–54.
9. Esakov V.A. 2007. Strategiya upravleniya sotsiokul'turnymi protsessami. [Strategy for managing socio-cultural processes]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 3: 183–187.
10. Igoshina I.A., Mishina I.S. 2004. Upravlenie sotsiokul'turnymi protsessami regiona. [Management of socio-cultural processes in the region]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Ekonomika i finansy, 2: 198–204.
11. Komleva V.V. 2018. Kriticheskoe znachenie sotsial'nogo immuniteta v obespechenii obshchestvenno-politicheskoy stabil'nosti v usloviyakh vneshnikh destabiliziruyushchikh vliyaniy: opyt modelirovaniya. [The critical importance of social immunity in ensuring socio-political stability in the conditions of external destabilizing influences: modeling experience]. Voprosy politologii, 11 (39): 881–890.
12. Kont O. 2011. General review of positivism. M., Book House «LIBROKOM», 296 p. (In Russian)
13. Kopylova S.V. 2016. Globalizatsiya kak sotsiokul'turnyy protsess. [Globalization as a socio-cultural process]. Vestnik Kalmytskogo universiteta, 2 (30): 143–148.
14. Momdzhyan K.Kh. 2016. Gipoteza obshchestvennogo progressa v sovremennoy sotsial'noy teorii. [The hypothesis of social progress in modern social theory]. Voprosy filosofii, 10: 36–46.
15. Oparina G.A. 2016. Sovremennye sotsiokul'turnye protsessy. [Modern socio-cultural processes]. Novaya nauka: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya, 11–3: 228–231.
16. Panarin A.S. 2005. Rossiya v sotsiokul'turnom prostranstve Evrazii. [Russia in the socio-cultural space of Eurasia]. Russkoe zarubezh'e, 1: 3–19.
17. Parsons T. 2000. O strukture sotsial'nogo deystviya. [On the structure of social action]. M., Publ. Akademicheskiiy proekt, 880 p.
18. Sagitov S.T. 2017. Upravlenie sotsiokul'turnymi protsessami. [Management of socio-cultural processes]. Ufa, Bashkirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. M. Akmully (Ufa), 33 p.

19. Saralieva Z.Kh. 2013. Innovatsionnye sotsial'nye makro-, mezo- i mikrotekhnologii. [Innovative social macro -, meso -, and microtechnologies]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 3–3: 229–234.

20. Serdyukova V.A. 2017. Sotsiokul'turnoe prostranstvo regiona kak deyatel'nostnyy protsess sotsializatsii molodezhi. [Socio-cultural space of the region as an active process of socialization of young people]. Nauchnyy al'manakh. 3–2 (29): 309–312.

21. Fedotova V.G. 2018. Sotsiokul'turnye obrazy modernizatsii kontsa XX – nachala XXI veka: Rossiya i mir. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2: 59–73. (In Russian)

22. Tumanov S.V. 2016. Tsennosti i idealy v kontekste sovremennoy politicheskoy kul'tury. [Values and ideals in the context of modern political culture]. Filosofiya politiki i prava. 7: 99–116.

23. Fedotova V.G. 2018. Sotsiokul'turnye obrazy modernizatsii kontsa XX – nachala XXI ve-ka: Rossiya i mir. [Socio-cultural images of modernization of the late XX-early XXI century: Russia and the world]. Znanie. Ponimanie. Umenie, 2: 59–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Dr. Philosophy, Professor of the Department of Social Technologies and Civil Service Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Galina N. Gaidukova, Ph.D. in sociology, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Civil Service Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Zhanna A. Shapoval, Ph.D. in sociology, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Civil Service Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 316.3/4

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-47-57

Отношение поколений к семье, детям и межпоколенческие отношения: проблемы и тенденции

Лебедева Л.Г.

Самарский государственный экономический университет,
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141, оф. 412
E-mail: ludleb@mail.ru

Аннотация. Сложные и противоречивые межпоколенческие отношения с помощью комплексного анализа оцениваются более глубоко и всесторонне, многомерно и объемно. Социологические материалы показывают сложную «мозаичную» картину, в которой, с одной стороны, преобладают позитивные оценки семьи как «надежды и опоры», а семья и дети ассоциируются с понятием «счастье», с другой стороны, преобладают негативные оценки отношений между современными родителями и детьми. Проблема противоречия между родителями и детьми, по мнению большинства опрошенных, не самая острая, но достаточно актуальная. Алармизм в отношении современной семьи излишен, но определённые проблемы требуют к себе серьёзного внимания. Соответственно, социологические исследования призваны выявлять конкретику противоречий «отцов и детей» для поиска путей гармонизации взаимоотношений между поколениями в русле социального управления, социализации младших поколений и ресоциализации старших поколений.

Ключевые слова: поколения, преемственность поколений, «отцы и дети», отношение к семье и детям, межпоколенческие отношения.

Для цитирования: Лебедева Л.Г. 2021. Отношение поколений к семье, детям и межпоколенческие отношения: проблемы и тенденции. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 46 (1): 47–57. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-47-57

Generational attitudes to family, children and intergenerational relationships: challenges and trends

Lyudmila G. Lebedeva

Samara State University of Economics,
141 Sovetskoi Armii St, Samara, 443090, Russia
E-mail: ludleb@mail.ru

Abstract. Complex and contradictory intergenerational relationships are evaluated more deeply and comprehensively, multidimensional and voluminous with the help of complex analysis. Sociological materials show a complex "mosaic" picture, in which, on the one hand, positive assessments of the family as "hope and support" predominate, and the family and children are associated with the concept of "happiness", on the other hand, negative assessments of the relationship between modern parents and children predominate. The problem of the contradiction between parents and children, according to the majority of respondents, is not the most acute, but it is quite relevant. Alarmism in relation to the modern family is unnecessary, but certain problems require serious attention. Accordingly, sociological research is designed to identify the specifics of the contradictions of "fathers and children" in order to find ways to harmonize the relationships between generations in the context of social management, socialization of younger generations and re-socialization of older generations.

Key words: generations, continuity of generations, «fathers and children», attitude to family and children, intergenerational relations.

For citation: Lebedeva L.G. 2021. Generational attitudes to family, children and intergenerational relationships: challenges and trends. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 47–57 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-47-57

Введение

Различные аспекты развития семьи как социального института и внутрисемейных отношений, в особенности межпоколенческих отношений внутри семьи, а также взаимоотношения разных поколений («отцов и детей») в целом находятся в центре внимания учёных и общественности, общественно-политических дискуссий в различных странах. Семья как социальный институт подвержена тем или иным изменениям. Вопрос, однако, в том, какие именно изменения семьи и отношения поколений к семье происходят в конкретный (текущий) социально-исторический период и как на них реагировать обществу и государству, а также обычным гражданам и учёным?

Общественные системы и структуры, общество в целом меняются порой кардинально, революционно. Так произошло, в частности, в России дважды на протяжении XX века. Эти изменения касались не только политической и экономической сфер, но также культуры и идеологии, социальной сферы, в том числе семьи и отношения поколений к семье. Таким образом, закономерно обсуждение обществом и наукой проблем трансформации семьи (трансформации сексуальности, интимности, семейных отношений, преемственности поколений) [Гидденс 2004; Голод 2017; Дмитрийчук 2018; Лебедева 2019]. Русско-американский социолог П.А. Сорокин ещё в середине XX в. обратил внимание на взаимосвязанные проблемы «сексуальной революции» (Sorokin P. The American Sexual Revolution. Boston: P. Sargent, 1956) и «кризиса современной семьи», которым (проблемам) посвятил и специальные работы [Сорокин 1997; 2006].

Свидетельством кризиса семьи, например, считается распространение внебрачного сожительства (неофициальных браков) и однополых браков [Lichter et al., 2014; Lichter & Qian 2019; Егорова, Шорыгин 2020], добровольный отказ от деторождения [Ломакин 2019]. Широкое распространение получила проституция, из-за которой сокращается доля женщин, способных к деторождению (да и к традиционному браку); значительны масштабы профессионализации проституционной деятельности [Gris, Lebedeva, 2020]. Многие явления в русле «кризиса современной семьи» существуют не только в западных странах, но и в России [Artamonova, Mitrofanova 2016; Lebedeva 2019].

Сопоставление и комплексный анализ двух относительно самостоятельных аспектов и проблем социологии – межпоколенческих отношений и отношения различных возрастно-поколенческих групп к семье и детям – на основе комплексного подхода к анализу сложных социальных проблем и отношений являются как актуальным, так и вечно новым. Сложные и противоречивые отношения внутри семей и межпоколенческие отношения в целом с помощью комплексного анализа можно оценить более глубоко и всесторонне, многомерно и объемно.

Объекты и методы исследования

Эмпирической основой данной работы послужили материалы социологического опроса «Отцы и дети: конфликт и сотрудничество, преемственность поколений 2020», проведенного в начале 2020 года под руководством автора статьи в Самарской области. Число респондентов (N) составило 620 человек в возрасте 16–69 лет. Ошибка выборки находится в пределах 5 %. Выборочная совокупность респондентов была определена с учётом социальных особенностей возрастно-поколенческих групп, пола и территориально-поселенческой структуры населения.

Для анализа выделены три возрастно-поколенческие группы респондентов, примерно одинаковые по численности (n). Основные социальные характеристики выделенных возрастно-поколенческих групп:

- 16–24 лет (младшая группа, n = 202) – в этот период представления о семье связаны преимущественно с родительской семьёй и её заботой о детях;
- 25–44 лет (средняя группа, n = 205) – в данный период представления о семье связаны не только с родительской семьёй, но и со своей собственной;
- 45–69 лет (старшая группа, n = 213) – в этом возрасте взгляды на семью связаны с опытом многих семей (своего семейного опыта и опыта родственников, друзей, знакомых).

Результаты и обсуждение

В рамках социологического исследования респондентам был задан ряд вопросов, связанных прямо или косвенно с темой данной статьи. Эти вопросы положены в основу эмпирической части статьи. Один из вопросов посвящён общему восприятию проблемы противоречия «отцов и детей» (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, является ли проблема противоречия "отцов и детей" одной из самых острых в нашем обществе?» по возрастно-поколенческим группам, % от числа респондентов

Distribution of answers to the question: «In your opinion, is the problem of the contradiction of «fathers and children» one of the most acute in our society?» by age-generational groups, percentage of the number of respondents

Ответы	Группы по возрасту, полных лет			
	16–24, n = 202	25–44, n = 205	45–69, n = 213	16–69, n = 620
Да, является одной из самых острых	18,8	16,1	15,0	16,6
Является не самой острой, но достаточно актуальной	67,3	62,0	61,0	63,4
Нет, вообще не является характерной	9,9	17,6	16,4	14,7
Затрудняюсь ответить	4,0	4,4	7,5	5,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Весьма высока степень единодушия в оценках респондентами поставленной проблемы. Разброс мнений (доли ответов в процентах от числа респондентов) во всех возрастно-поколенческих группах оказался сравнительно небольшим, непринципиальным. Почти две трети респондентов по всей выборочной совокупности признали, что проблема противоречия «отцов и детей» «является не самой острой, но достаточно актуальной». Чуть больше доля ответов в пользу данного утверждения в младшей группе, чуть меньше – в других группах. То есть, с одной стороны, нет слишком большого различия между разными возрастно-поколенческими группами в восприятии проблемы противоречия «отцов и детей»; с другой стороны, представители младшей группы в большей мере, чем представители других групп, считают актуальной данную проблему.

В современных условиях многие люди уклоняются от традиционных семейно-брачных отношений и от семейно-детного образа жизни, появился и термин «чайлдфри» – добровольно бездетные [Ломакин 2019]. В какой мере респонденты готовы связывать понятие «счастье» с семьёй и детьми (табл. 2)?

Таблица 2
 Table 2

Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, верно ли связывать понятие “счастье” с семьёй и детьми?» по возрастно-поколенческим группам, % от числа респондентов
 Distribution of answers to the question: «In your opinion, is it correct to associate the concept of «happiness» with family and children?» by age-generational groups, percentage of the number of respondents

Ответы	Группы по возрасту, полных лет			
	16–24, n = 202	25–44, n = 205	45–69, n = 213	16–69, n = 620
Да, полностью верно	55,4	65,4	69,5	63,6
В чём-то да, в чём-то нет	34,2	27,8	22,1	27,9
Нет, совсем неверно	5,9	3,9	5,2	5,0
Затрудняюсь ответить	4,5	2,9	3,3	3,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

В целом по выборочной совокупности респондентов на вопрос: «На Ваш взгляд, верно ли связывать понятие “счастье” с семьёй и детьми?» положительный ответ («Да, полностью верно») дали почти две трети респондентов. При этом отрицательный ответ («Нет, совсем неверно») дали очень немногие (один из каждых 20 респондентов) и затруднились с ответом ещё меньшее количество респондентов (примерно один из каждых 28). Промежуточный ответ «В чём-то да, в чём-то нет» дали немногим более одной четверти респондентов. Распределение ответов по возрастным группам показывает весьма определённые тенденции: по мере увеличения возраста увеличивается доля положительных ответов («Да, полностью верно») и уменьшается доля промежуточных ответов «В чём-то да, в чём-то нет».

Как на фоне весьма положительного отношения к семье и детям выглядят оценки отношений между современными родителями и детьми? (табл. 3)

Таблица 3
 Table 3

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, каковы в большинстве случаев отношения между современными отцами и детьми? (1–2 варианта)»
 по возрастно-поколенческим группам, % от числа респондентов

Distribution of answers to the question: «What do you think is the relationship between modern fathers and children in most cases? (1–2 options)» by age-generational groups, percentage of the number of respondents

Ответы	Группы по возрасту, полных лет			
	16–24, n = 202	25–44, n = 205	45–69, n = 213	16–69, n = 620
Они друг друга не могут понять из-за разного жизненного опыта (как люди из разных эпох)	66,3	44,4	40,8	50,3
Они друг друга понимают хорошо, у них нет оснований для противоречий (родные души)	16,8	16,6	23,5	19,0
Они могут понять друг друга, как жители одной страны (люди общей истории и культуры)	13,4	17,6	19,2	16,8
Им практически нет дела друг до друга, все заняты своими делами (как чужие)	15,3	16,1	15,5	15,6
Проблемы отцов и детей нет (есть взаимопонимание и преемственность поколений)	9,4	12,7	9,9	10,7
Затрудняюсь ответить	6,4	5,4	6,6	6,1
Итого	127,7	112,7	115,5	118,5

Все возрастные группы оказались единодушны в выборе варианта ответа: «Они друг друга не могут понять из-за разного жизненного опыта (как люди из разных эпох)» – чуть более половины от всей выборочной совокупности респондентов – и этот ответ вышел на 1-е место у всех групп респондентов. Но при этом более категоричны молодые респонденты (66,3 %), а наименее категоричны самые старшие респонденты (40,8 %).

Лишь очень небольшая часть респондентов считает, что «проблемы отцов и детей нет (есть взаимопонимание и преемственность поколений)» – и такой ответ оказался лишь на 5-м месте у всех групп респондентов. В общем-то это согласуется с тем, как отвечали респонденты на вопрос «На Ваш взгляд, является ли проблема противоречия родителей и детей одной из самых острых в нашем обществе?» (см. табл. 1). Доля респондентов, ответивших «нет, вообще не является характерной» – 14,7 %, оказалась меньше доли тех, кто дал ответ «да, является одной из самых острых» – 16,6 % и «является не самой острой, но достаточно актуальной» – 63,4 % (см. табл. 1).

Если сгруппировать ответы положительного характера и ответы отрицательного характера об отношениях между современными родителями и детьми, то картина получится более наглядной, контрастной (табл. 4).

Таблица 4
Table 4

Группировка ответов положительного и отрицательного характера на вопрос: «Как вы считаете, каковы в большинстве случаев отношения между современными отцами и детьми?

(1–2 варианта)» по возрастно-поколенческим группам, % от числа респондентов

Grouping responses of positive and negative disposition to a question: «What do you think is the relationship between modern fathers and children in most cases? (1–2 options)» by age-generational groups, percentage of the number of respondents

Ответы	Группы по возрасту, полных лет			
	16–24, n = 202	25–44, n = 205	45–69, n = 213	16–69, n = 620
Они друг друга не могут понять из-за разного жизненного опыта (как люди из разных эпох)	81,6	60,5	56,3	65,9
Им практически нет дела друг до друга, все заняты своими делами (как чужие)				
Они друг друга понимают хорошо, у них нет оснований для противоречий (родные души)	39,6	46,9	52,6	46,5
Они могут понять друг друга, как жители одной страны (люди общей истории и культуры)				
Проблемы родителей и детей нет (есть взаимопонимание и преемственность поколений)	6,4	5,4	6,6	6,1
Затрудняюсь ответить				
Итого	127,7	112,7	115,5	118,5

Прежде всего видно, что ответы отрицательного характера – «Они друг друга не могут понять из-за разного жизненного опыта (как люди из разных эпох)» и «Им практически нет дела друг до друга, все заняты своими делами (как чужие)» – выбрали в сумме две трети от всех респондентов. При этом у младшей группы такие ответы в целом дали более 80 % респондентов, а у старшей группы – более половины респондентов.

Подтверждается ли высокая оценка важности семьи и детей при сопряжении двух вопросов – об оценке семьи и детей как критериев счастья и об отношениях между родителями и детьми (табл. 5)?

Таблица 5
 Table 5

Распределение ответов при сопряжении вопросов об оценке семьи и детей и отношениях между отцами и детьми, % от числа респондентов (n = 620)
 Distribution of answers when combining the question of the assessment of the family and children, and the question of the relationship between fathers and children, percentage of the number of respondents (n = 620)

Как вы считаете, каковы в большинстве случаев отношения между современными родителями и детьми? (1-2 варианта)	На Ваш взгляд, верно ли связывать понятие «счастье» с семьёй и детьми?				
	Всего	1. Да, полностью верно	2. В чём-то да, в чём-то нет	3. Нет, совсем неверно	4. Затрудняюсь ответить
2. Они друг друга не могут понять из-за разного жизненного опыта (как люди из разных эпох)	50,32	30,65	14,83	3,06	1,77
4. Они друг друга понимают хорошо, у них нет оснований для противоречий (родные души)	19,03	14,52	3,71	0,48	0,32
3. Они могут понять друг друга, как жители одной страны (люди общей истории и культуры)	16,77	10,81	5,00	0,48	0,48
1. Им практически нет дела друг до друга, все заняты своими делами (как чужие)	15,64	8,87	5,16	0,81	0,81
5. Проблемы «отцов» и «детей» нет (есть взаимопонимание и преемственность поколений)	10,65	7,26	2,74	0,32	0,32
6. Затрудняюсь ответить	6,13	3,87	1,77	0,32	0,16
Итого, n = 620	118,5	75,97	33,22	5,48	3,87

При любом варианте оценок существующих отношений между современными родителями и детьми преобладают ответы, признающие связь понятия «счастье» с семьёй и детьми. Таким образом, получается, что позиция респондентов по вопросу об отношениях между современными родителями и детьми не отвергает их же позицию по вопросу о связи понятия «счастье» с семьёй и детьми.

В целом же заметно определённое расхождение и противоречие между весьма высокой оценкой семьи и детей в качестве основы счастья (см. табл. 2 и 5) и сравнительно отрицательной (у большинства респондентов) характеристикой существующих отношений между современными родителями и детьми (см. табл. 3, 4 и 5).

Можно сказать, что существует большое расхождение и противоречие между идеалом (идеальным представлением о семье и её роли в жизни) и гораздо более прозаичной реальностью, где очень многим людям свойственно непонимание друг друга и практически нет дела друг до друга, все заняты своими делами (как чужие).

Подтверждается, что проблема противоречия «отцов и детей», по оценке большинства респондентов, «является не самой острой, но достаточно актуальной».

Обсуждение результатов

Любой член общества проходит различные этапы и формы социализации – прежде всего благодаря семье. Не случайно Т. Парсонс (Т. Parsons) образно сравнил семьи с «фабриками» по производству человеческих личностей [Парсонс 2006, с. 98]. В свою

очередь, социализация предполагает не только пассивную роль младших (как объекта социализации), но и активную, в той или иной мере, роль (как субъекта социализации). В этой двойственности ролей (объекта и субъекта социализации) заложены многие противоречия всех процессов социализации личности и преемственности поколений [Лебедева 2018, с. 118]. В том числе благодаря именно своей активной роли младшие поколения в том или ином «пункте» отходят от проторённого старшими поколениями жизненного пути и пытаются проложить собственный путь в будущее. Это относится и к решению вопросов о семейно-брачных отношениях и детях. И при решении этих вопросов, конечно, существенную роль играет общее отношение молодежи к семье и детям.

И в этой связи ещё вопрос: могут ли семейные ценности быть приоритетными для молодого поколения? Ответ на подобный вопрос получен нами в исследовании «Социокультурные потребности молодежи в семье как ценности российского общества». Авторы при этом обнаружили, что наиболее значительная часть респондентов потребности в создании семьи, воспитании детей рассматривает лишь применительно к будущему, как некую вероятность в перспективе [Strunkina et al., 2019, p. 919]. То есть, хотя семейные ценности не актуальны «здесь и сейчас», они всё же имеются ввиду – «на будущее». Но при этом справедливой, хотя бы отчасти, оказывается и такая позиция: «что понимают респонденты под семейными ценностями – открытый вопрос» [Егорова, Шорыгин 2020, с. 240] (это относится, конечно, не только к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией, о которых идёт речь в этой статье).

В целом же семья и видение семьи испытывает противоречивое воздействие, с одной стороны, сдерживающей силы традиций и, с другой стороны, сил модернизации [Shaidenko et al., 2019, p. 555]. Иногда в связи с трансформацией семьи делается алармистский по характеру вывод: «Трансформация института семьи ведет к разрушению нравственных и моральных критериев в обществе, что в дальнейшем может привести к разрушению общества» [Дмитрийчук 2018, с. 337]. Появляются и тревожные прогнозы, например, в том духе, что Европе к 2050 году грозит «демографический суицид» [Boussemart 2018].

Но в любом ли случае трансформация института семьи должна означать только разрушительные последствия для общества? Если обратиться к истории, то были (и неоднократно) трансформации одних типов и форм семьи в другие – как следствие кризиса предыдущей семьи. Например, вслед за российским социологом С.И. Голодом можно выделить такие («идеальные» в духе М. Вебера) типы семьи: 1) патриархальный, или традиционный, 2) детоцентристский, или современный, 3) супружеский, или постсовременный [Голод 1996, с. 100]. В исследованиях, например, Мерседес Камареро (Mercedes Camarero) говорится о таких моделях: альянс, слияние и ассоциация [Camarero 2014]. Все эти (и другие) типы и модели семьи в наше время функционируют параллельно, но в каких вариантах и пропорциях? Иначе говоря, алармизм в отношении современной семьи излишен, но определённые проблемы (и исследовательские задачи) существуют, они требуют к себе серьёзного внимания.

Анализ, проведённый российскими исследователями, показал некоторые новые тенденции, например, в когнитивном содержании понятия «семья» в молодежной среде. Так, в восприятии молодежи семья не связана с определениями общности, группы и групповых процессов (единство, происхождение, генезис и т. д.), что можно объяснить преобладанием идеологии индивидуализма, декларирующей проявление индивидуальности и самосто-ятельности личности. Вместе с этим наиболее часто встречающимися (проявляющимися) семейными показателями являются позитивные и эмпатические чувства, объединяющие семью, благоприятные межличностные отношения, проявляющиеся на фоне

материального благополучия и экономической стабильности [Kibal'chenko et al., 2019]. Поэтому забота о материальном благополучии семей необходима не только в интересах, например, благоприятных условий для решения демографической (репродуктивной) проблемы, но и для подкрепления позитивных и эмпатических чувств, объединяющих семью, и укрепляющих благоприятную основу семейной социализации и ресоциализации в рамках семейно-родственных групп.

Заслуживает также внимания и поддержки предложение о том, чтобы через систему образования (на всех её уровнях) целенаправленно формировались представления о семье и воспитании детей, ориентированные на репродуктивные намерения и поведение [Bagirova et al. 2019]. Это же относится к семейно-брачным отношениям вообще, к взаимоотношению поколений – необходимо формировать именно целенаправленно социально адекватные субъективные представления о семье и родительстве, о важности сохранения традиций и преемственной связи поколений.

Выводы

Социологические исследования призваны выявлять конкретику противоречий «отцов и детей» в интересах поиска путей гармонизации взаимоотношений между поколениями в русле социального управления и социализации младших поколений и ресоциализации старших поколений. Важно глубоко разобраться в сложной мозаичной картине, в которой переплетаются, с одной стороны, положительные оценки семьи как «надежды и опоры», а семья и дети связываются с понятием «счастье», с другой стороны, оценки отрицательного характера по поводу отношений между современными родителями и детьми.

Семья и дети, уважительные взаимоотношения между разными поколениями в семье в духе преемственности поколений остаются традиционными ценностями россиян разной этнонациональной принадлежности. Однако в последние десятилетия в российском обществе заметны определённые изменения и противоречивые явления в семейно-брачных отношениях и во взаимоотношениях разных поколений в семьях. Эта ситуация требует к себе внимания со стороны научного сообщества и различных общественно-политических сил.

Список литературы

1. Артамонова А.В. Митрофанова Е.С. 2016. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1: 126–145. DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.04 URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/131/2016_131_04_Artamonova.pdf
2. Гидденс Э. 2004. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. Пер. с англ. СПб., Питер, 2004. 208 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/sociology/giddens-transformation.htm>
3. Голод С. И. 1996. Современная семья: плюрализм моделей. Социологический журнал, 3-4: 99–108. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=291
4. Дмитрийчук А.Ю. 2018. К вопросу о трансформации семьи в современном российском обществе. НОМОТНЕТІКА: Серия Філософія. Соціологія. Право, 43 (2): 332–339. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-332-339
5. Егорова Н.Ю., Шорыгин Е.А. 2020. Партнерство, семья и родительство в нарративах незарегистрированных пар. Журнал исследований социальной политики, 18 (2): 239–254. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-2-239-254 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43058095>

6. Лебедева Л.Г. 2018. Социализация личности в дискурсе преемственности поколений. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 4 (52): 116–125. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2018_-_4\(52\)_unicode/14.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2018_-_4(52)_unicode/14.pdf)
7. Лебедева Л.Г. 2019. Трансформация семьи и преемственность поколений. Социодинамика, 9: 1–8. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.29437 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29437
8. Ломакин И.В. 2019. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 6: 394–436. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>
9. Парсонс Т. 2006. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой. Перевод с англ. И.Н. Тартаковской. Человек. Сообщество. Управление, 2: 95–103. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2006_2/2006-2_Parsons.pdf
10. Сорокин П.А. 1997. Кризис современной семьи. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 3: 65–79.
11. Сорокин П.А. 2006. Американская сексуальная революция. Перевод Г.Ф. Войтенковой; Под редакцией Н.Е. Марковой. М., 2006. 151 с. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/amerikanskaya_sexualnaya_revolyutsia_p_sorokin.pdf
12. Bagirova A, Shubat O., Abdygapparova S., and Karaeva A. 2019. Female University Students' Views on Family and Parenthood: Cross-Country Analysis. In: EpSBS, Volume 20. icCSBs 2017. Future Academy: 26–35. DOI: 10.15405/epsbs.2017.01.02.4 URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.01.02.4> (дата обращения: 07.10.2020).
13. Boussemart J., Godet M. 2018. Europe 2050: Demographic Suicide. In: European Issue, 462, 12.02.2018. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0462-europe-2050-demographic-suicide> (accessed 09.10.2020).
14. Camarero M. 2014. Marriage in Europe. In: European Societies, 16 (3): 443–461. DOI: 10.1080/14616696.2013.878097 (accessed 09.10.2020).
15. Gris O.A., Lebedeva L.G. 2020. Prostitution in Russia: Discriminatory Practices and Trends in Professionalization. In: EpSBS, Volume 82. PEDTR 2019, European Publisher: 840–849. DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.106 URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.106>
16. Kibal'chenko I.A., Eksakusto T.V., Volkova E.V. 2019. Cognitive Content of the “Family” Concept in Youth. In: EpSBS, Volume 72. ICEEPSY 2019, Future Academy: 427–437. DOI: 10.15405/epsbs.2019.11.41. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.11.41> (accessed 07.10.2020).
17. Lichter D. T. & Qian Z. 2019. The Study of Assortative Mating: Theory, Data, and Analysis. In: Schoen R. (Ed.), Analytical Family Demography. The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis, PSDE-series. Springer, Cham, 47: 303–337. DOI: 10.1007/978-3-319-93227-9_13
18. Lichter D. T., Sassler S., & Turner R. 2014. Cohabitation, post-conception unions, and the rise in nonmarital fertility. In: Social Science Research, 47: 134–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2014.04.002> (accessed 05.10.2020).
19. Shaidenko N.A., Danilova I.S., Orekhova E.Y. 2019. Contemporary Family in Sociocultural Environment. In: EpSBS, Volume 46. EEIA 2018, Future Academy: 554–562. DOI: 10.15405/epsbs.2018.09.02.64. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.09.02.64> (accessed 16.10.2020).
20. Strunkina T.S., Shmeleva E.A., Luneva L.F., Belov M.S., Belyakova N.V. 2019. Socio-Cultural Needs of Young People in Family as Russian Society Values. In: EpSBS, Volume 26. RRI 2016, Future Academy: 914–920. DOI: 10.15405/epsbs.2017.07.02.118 URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.07.02.118> (accessed 07.10.2020).

References

1. Artamonova A. V., Mitrofanova E. S. 2016. Sozhitel'stva v Rossii: promezhutochnoe zveno ili legitimnyj institut. [Cohabitation in Russia: “Trial” Union or an Independent Social Institution]. Monitoring

- obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny, 1: 126–145. DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.04 URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/131/2016_131_04_Artamonova.pdf
2. Giddens Je. 2004. Transformacija intimnosti. Seksual'nost', ljubov' i jerotizm v sovremennyh obshhestvah [Transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies]. The translation from English. SPb., Publ. Peter, 208. URL: <http://yanko.lib.ru/books/sociology/giddens-transformation.htm>
3. Golod S.I. 1996. Sovremennaja sem'ja: pljuralizm modelej [Modern family: the pluralism of models]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal], 3-4: 99–108. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=291
4. Dmitrijchuk A.Ju. 2018. On the question of family transformation in modern Russian society. NOMOTHETIKA: Philosophy Series. Sociology. Right, 43 (2): 332–339. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-332-339. (In Russ.)
5. Egorova N.Yu., Shorygin E.A. 2020. Partnerstvo, sem'ja i roditel'stvo v narrativah nezaregistrovannyh par [Partnership, family, parenthood in the narratives of unregistered couples]. Zhurnal issledovanij social'noj politiki, 18 (2): 239–254. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-2-239-254 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43058095>
6. Lebedeva L.G. 2018. Socializacija lichnosti v diskurse preemstvennosti pokolenij [Socialization of personality in the discourse of continuity of generations]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki, 4 (52): 116–125. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2018_-4\(52\)_unicode/14.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2018_-4(52)_unicode/14.pdf)
7. Lebedeva L.G. 2019. Transformacija sem'i i preemstvennost' pokolenij [The transformation of the family and continuity of generations]. Sociodinamika, 9: 1–8. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.29437 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29437
8. Lomakin I.V. 2019. Chajldfri ili dobrovol'no bezdetnye? K pereopredeleniju konceptual'nogo polja issledovanij ne-roditel'stva v Rossii [Voluntarily childfree or the childless? To redefine the conceptual field of non-parenting research in Russia]. Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny, 6: 394–436. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>
9. Parsons T. 2006. Amerikanskaja sem'ja: ee otnoshenija s lichnost'ju i social'noj strukturoj / Perevod s angl. I.N. Tartakovskoj [The American family: its relations with personality and social structure / Translated from the English by I. N. Tartakovskaya]. Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie, 2: 95–103. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2006_2/2006-2_Parsons.pdf (in Russian)
10. Sorokin P.A. 1997. Krizis sovremennoj sem'i [The crisis of the modern family]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologija i politologija, 3: 65–79. (in Russian)
11. Sorokin P.A. 2006. Amerikanskaja seksual'naja revoljucija. [The American Sexual Revolution]. Translated by G.F. Voitenkova; Edited by N.E. Markova. Moscow: 151 p. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/amerikanskaya_sexualnaya_revoljutsia_p_sorokin.pdf (in Russian)
12. Bagirova A, Shubat O., Abdygapparova S., Karaeva A. 2019. Female University Students' Views on Family and Parenthood: Cross-Country Analysis. In: EpSBS - Volume 20 - icCSBs 2017, Future Academy: 26–35. DOI: 10.15405/epsbs.2017.01.02.4 URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.01.02.4> (accessed 07.10.2020).
13. Boussemart J., Godet M. 2018. Europe 2050: Demographic Suicide. In: European Issue, 462, 12.02.2018. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0462-europe-2050-demographic-suicide> (accessed 09.10.2020).
14. Camarero M. 2014. Marriage in Europe. In: European Societies, 16 (3): 443–461. DOI: 10.1080/14616696.2013.878097 (accessed 09.10.2020).
15. Gris O.A., Lebedeva L.G. 2020. Prostitution in Russia: Discriminatory Practices and Trends in Professionalization. In: EpSBS, Volume 82. PEDTR 2019, European Publisher: 840–849. DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.106 URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.106>

16. Kibal'chenko I.A., Eksakusto T.V., Volkova E.V. 2019. Cognitive Content of the “Family” Concept in Youth. In: EpSBS, Volume 72. ICEEPSY 2019, Future Academy: 427–437. DOI: 10.15405/epsbs.2019.11.41. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.11.41> (accessed 07.10.2020).
17. Lichter D. T. & Qian Z. 2019. The Study of Assortative Mating: Theory, Data, and Analysis. In: Schoen R. (Ed.), Analytical Family Demography. The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis, PSDE-series. Springer, Cham, 47: 303-337. DOI: 10.1007/978-3-319-93227-9_13
18. Lichter D. T., Sassler S., & Turner R. 2014. Cohabitation, post-conception unions, and the rise in nonmarital fertility. In: Social Science Research, 47: 134–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2014.04.002> (accessed 05.10.2020).
19. Shaidenko N.A., Danilova I.S., Orekhova E.Y. 2019. Contemporary Family in Sociocultural Environment. In: EpSBS, Volume 46. EEIA 2018, Future Academy: 554–562. DOI: 10.15405/epsbs.2018.09.02.64. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.09.02.64> (accessed 16.10.2020).
20. Strunkina T.S., Shmeleva E.A., Luneva L.F., Belov M.S., Belyakova N.V. 2019. Socio-Cultural Needs of Young People in Family as Russian Society Values. In: EpSBS, Volume 26. RRI 2016, Future Academy: 914–920. DOI: 10.15405/epsbs.2017.07.02.118 URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.07.02.118> (accessed 07.10.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Людмила Геннадьевна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета, Самара, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila G. Lebedeva, Senior Lecturer, Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics, Samara, Russia

УДК 316.354:351/354, 316.4
DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-58-69

Управление социально-психологическим возрастом персонала при внедрении инноваций: роль организационной культуры

Леонова И.С.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: irina.leonova@unn.ru

Аннотация. Дан анализ факторов, влияющих на жизнеспособность персонала современных предприятий в условиях изменений технологического уклада и действия возрастных стереотипов. Базируясь на разработанной и апробированной в авторских исследованиях модели социально-психологического старения персонала, показано, что социально-психологический возраст персонала зависит от специфики организационно-культурных условий и особенностей управления персоналом при внедрении инноваций. Таким образом, организационная культура предприятия определена в качестве ключевого звена процесса социально-психологического старения персонала компаний с разной вовлеченностью в инновационные процессы. Раскрыты основные управленческие принципы, направленные на позитивное воздействие в отношении процесса социально-психологического старения персонала. Определен алгоритм действий менеджмента для обеспечения движения компании в инновационном развитии и ценностной готовности персонала к принятию инноваций и, как следствие, сдерживающих процесс социально-психологического старения.

Ключевые слова: Индустрия 4.0, инновации, персонал, социально-психологический возраст, социально-психологическое старение, организационная культура, корпоративная культура, стресс, управление.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00910

Для цитирования: Леонова И.С. 2021. Управление социально-психологическим возрастом персонала при внедрении инноваций: роль организационной культуры. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (1): 58–69. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-58-69

Management of socio-psychological age of personnel while introducing innovations: the role of organizational culture

Leonova S. Irina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
E-mail: irina.leonova@unn.ru

Abstract. The analysis of the factors influencing the viability of the personnel of modern enterprises in the conditions of changes in the technological structure and the action of age stereotypes is given. Based on the model of socio-psychological senior personnel developed and tested in the author's research, it is shown that the socio-psychological age of personnel depends on the specifics of organizational and cultural conditions and personnel management when introducing innovations. Thus, the organizational

culture of the enterprise is defined as a key link in the process of social and psychological development of the personnel of companies with different involvement in innovative processes. The main management principles aimed at positive impact on the process of social and psychological aging of personnel are revealed. The key sequence of management actions in ensuring the company's movement in innovative development and in order to ensure the value readiness of personnel to accept innovations and, as a consequence, restraining the process of social and psychological aging, has been determined.

Keywords: Industry 4.0, innovations, personnel, socio-psychological age, socio-psychological ageing, organizational culture, corporate culture, stress, management.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-013-00910.

For citation: Leonova S.I. 2021. Management of socio-psychological age of personnel while introducing innovations: the role of organizational culture. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 58–69 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-58-69

Введение

Изменение технологического уклада и стремительное развитие Индустрии 4.0 меняет рынок труда и требования к персоналу организаций [Гимпельсон и др., 2017; Швабб, 2016]. Персонал современных инновационных компаний должен быть готов к постоянным технологическим, организационным, управленческим изменениям, развиваться вместе с компанией, принимать на себя ответственность за обучение и самообучение [Кергоуч, 2017; Fossen, Sorgner, 2019]. Такие характеристики персонала, как правило, ассоциируются с молодым возрастом, создавая препятствия для получения и даже удержания рабочего места представителями сотрудников старших возрастов. Под старением понимают биологические трансформационные процессы в организме, наступающие после преодоления точки оптимальной зрелости [Крайг, 2000]. Целый ряд внешних и внутренних детерминант разной природы оказывает влияние на сложный процесс старения человека [Staudinger, 2015; Lasker, 1969]. Социально-психологическое старение в общем феномене старения занимает особое место применительно к трудовой деятельности. Его можно определить как утрату человеком в ходе жизненного пути целого комплекса важных адаптационных характеристик, необходимых ему как субъекту труда для выполнения развивающейся трудовой деятельности во всей ее полноте. Эти утраты фиксируются в характеристиках социально-психологических возрастных стереотипов старости. Вместе с тем траектория социально-психологического старения в трудовой деятельности характеризуется относительной независимостью от его биологической и даже психологической траекторий [Staudinger et al., 2016].

Интерактивная сущность социально-психологического старения и его сложная детерминация позволяет вполне обоснованно ставить вопросы о самоуправлении и управлении этим феноменом. Мы можем видеть молодых сотрудников компании, мыслящих и действующих, как люди, подпадающие под стереотипы старости: всем недовольные, брюзжащие, усталые, стремящиеся ускользнуть от повышения квалификации, боящиеся нового и пр. При этом мы видим людей солидного возраста, динамичных, стремящихся к новому, осваивающих новые технологии, нежелающих останавливаться в росте своих компетенций. Какие факторы обуславливают ту или иную траекторию личностного развития, проявляющуюся как социально-психологический возраст, явно несовпадающий с хронологическим? Откуда берутся молодые старые и старые молодые? Это вопрос раскрытия детерминант социально-психологического старения.

Применение фундаментальной теории социального действия Т. Парсонса открывает возможности наиболее полного исследования системно связанных детерминант

социально-психологического старения на уровнях культуры общества, культуры социального контекста, в котором наблюдается тот или иной феномен, рассматриваемый как социальное действие, на уровне личности людей, в действиях которых проявляется феномен, и, наконец, на уровне организма в полноте значимых психофизиологических и физиологических характеристик [Парсонс, 2018] (рис. 1).

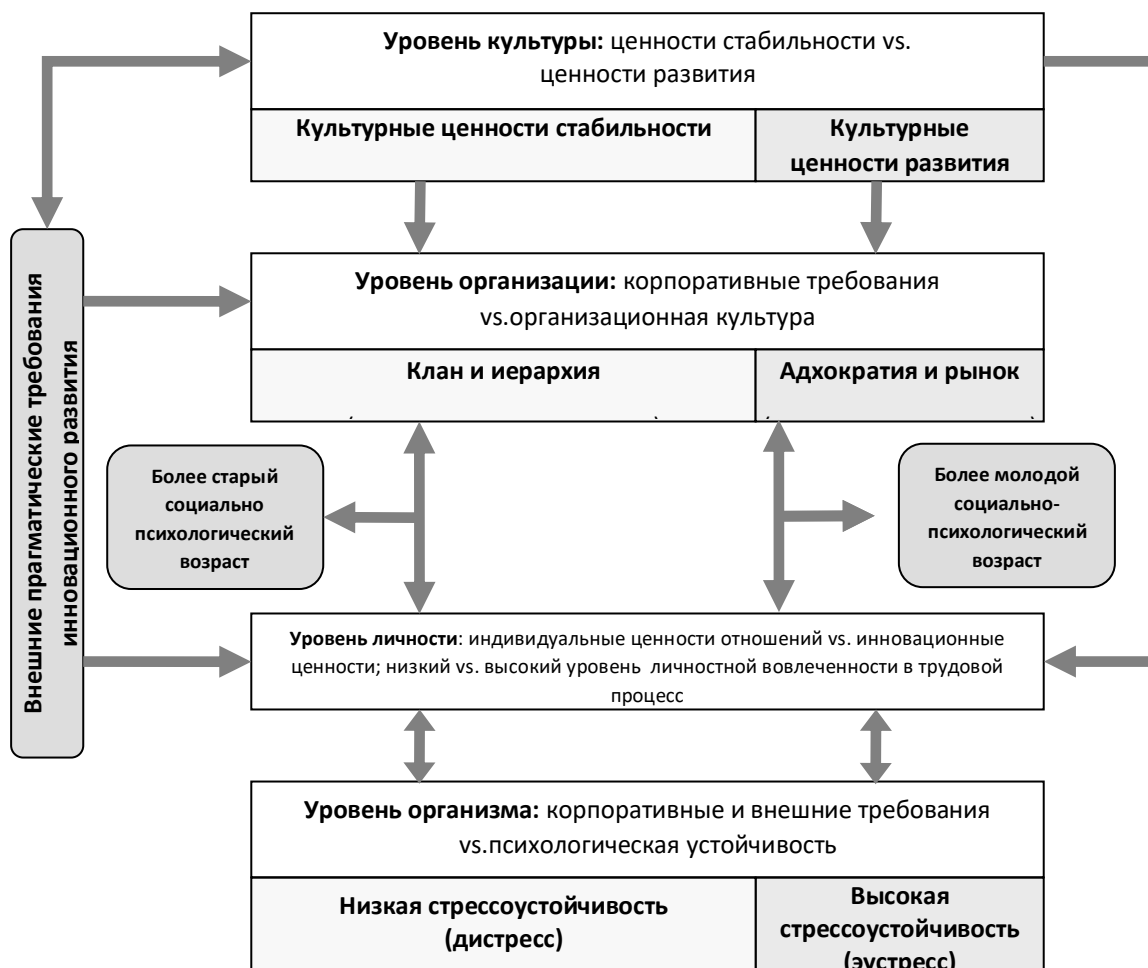

Рис. 1. Теоретическая модель системной детерминации социально-психологического старения персонала
 Fig. 1. Theoretical model of determination of socio-psychological ageing

С управленческой точки зрения наибольший интерес вызывает роль организационной культуры (далее – ОК) как социально-психологического контекста внедрения инноваций [Brettel et al., 2015; Desmidt, Prinzie, 2019]. В этом ценностном контексте независимо от хронологического возраста персонал сохраняет, приобретает или утрачивает черты, представленные в возрастных стереотипах. А проблема влияния симулякров на общественное сознание как никогда актуальна [Бабинцев, Ушамирский, 2018]. Этот интерес объясняется тем, что активный менеджмент не может просто смириться с возрастными и гендерными стереотипами и снижать жизнеспособность своей компании из-за отсутствия персонала с необходимыми качествами. Задача менеджмента – искать возможности управления социально-психологическим возрастом персонала, тем

более что персонал с молодым хронологическим возрастом не гарантирует процветания компании.

Проведенные исследования показали справедливость теоретической модели социально-психологического старения персонала как социального действия с ключевой ролью ОК компании [Захарова, Леонова, Махалин 2019; Захарова, Саралиева, Леонова, Заладина, 2019; Leonova, Zakharova, Bretones 2018; Захарова, Леонова, Мартьянова, 2018]. Так, при сравнении характеристик разновозрастного персонала в условиях иерархически-клановой и рыночно-иерархической с выраженным инновационным компонентом моделей ОК установлено, что сотрудники (врачи и инженеры) независимо от типа профессий, гендерной принадлежности и возраста обнаруживают статистически значимые различия в характеристиках, востребованных Индустрией 4.0. Сотрудники компаний с ОК с выраженным инновационным компонентом чувствуют себя значительно более бодрыми, здоровыми в целом и по состоянию нервной и сердечно-сосудистой систем, меньше испытывают стресс организационной природы, позитивно оценивают свое психологическое самочувствие в трудовом коллективе, чувствуют себя моложе своего хронологического возраста, ценят сложившийся тип ОК и в результате в значительно большей мере лично вовлечены в трудовой процесс и организационную жизнь компании, чем их коллеги в традиционной для России ОК иерархически-кланового типа. Они большее внимание уделяют повышению квалификации и самообразованию, регулярно читают материалы, актуальные для поддержания уровня профессиональной подготовки на профессиональных сайтах.

Результаты исследования показали, что ОК компании является той важнейшей детерминантой организационных изменений и соответственно сдерживает социально-психологическое старение или способствует ему. Эти результаты помогают понять новые аспекты в функциях ОК как детерминанты организационного развития и социально-психологического возраста персонала.

Первая важнейшая функция ОК – внутренняя интеграция. Становится понятно, как она реализуется или не реализуется в российских социально-экономических условиях. В условиях перехода к новому технологическому укладу ОК должна смягчить действие ценностных этнокультурных установок. Например, типичная ценностная этнокультурная установка россиян состоит в сопротивлении переменам, в уверенности в том, что все хорошее было раньше и лучшее будущее может быть связано в основном с возрождением былых традиций и порядков. Люди продолжают желать своим недоброжелателям жить в эпоху перемен. Политики, желая позитивного восприятия электоратом, эксплуатируют понятие стабильности. Многие поколения россиян привыкли жить в условиях административного, иерархического управления. Хотя традиционно люди не довольны засильем бюрократии, жить и работать в таких условиях значительно удобнее, чем в рыночно-инновационных моделях.

Не нужно принимать самостоятельных решений, нести за них ответственность. Достаточно выполнять распоряжения, какими бы абсурдными они не казались. Исследования показывают, что к настоящему времени надежды персонала компаний на демократизацию организационной жизни и на позитивные перемены вследствие изменения экономической и управленческой парадигм на рыночную существенно уменьшились, и персонал стал ценностно ориентироваться на иерархические организационные условия как предпочтительные [Захарова, Леонова, Коробейникова, 2017]. Неприятно, но меньше личной ответственности и, следовательно, стресса. Так, ошибки в управлении ведут к разочарованию и переориентации персонала на более консервативные ценности. И это могло бы быть не так плохо, если бы не вторая функция организационной культуры –

внешняя адаптация. Компания не сможет остаться конкурентоспособной и жизнеспособной, если в своем развитии не будет соответствовать вызовам внешнего контекста.

Анализируя изменения в ОК западных компаний в условиях цифровизации И.В. Грошев показывает, как и почему рушатся в успешных компаниях отношения иерархии. Участниками принятия решений становятся большое количество людей как с разных уровней управления и сотрудников исполнительского звена самой компании, так и клиенты, в том числе потенциальные. В центре такого взаимодействия, которое только и может обеспечить верные решения, находятся цифровые социальные и корпоративные инструменты, которые, с одной стороны, расширяют зону информированности участников взаимодействия, а с другой, детерминируют динамичность взаимодействия, определяя открытость, искренность, человеческое общение [Грошев, 2019]. Одно или несколько критичных мнений, появившихся в социальных сетях, могут свести на нет усилия менеджмента, сделать напрасными немалые затраты на рекламу, продвижение товара или услуги.

Для более содержательного анализа роли ОК в совершенствовании управления представляется целесообразным условно разграничить понятия организационной и корпоративной культуры. ОК является подлинной организационной реальностью, проявляющейся в моделях поведения, характерных для ценностей большей части персонала, большей настолько, чтобы определять облик компании в глазах заинтересованных представителей социума. Корпоративная культура имеет в своей основе корпоративную философию, в которой ценности менеджмента и их представления об эффективном управлении не всегда отражаются с высокой степенью адекватности. О едином понятии стоит говорить в том случае, если ценности персонала совпадают с корпоративными ценностями, разделяемыми и продвигаемыми менеджерами в управленческом взаимодействии. Практически во всех рекомендациях по изменению корпоративной (организационной) культуры заложена ее диагностика как точка отсчета для дальнейшего движения, однако далеко не всегда ясно, что имеется в виду: изучение корпоративной документации и знание персоналом ее требований или ценности и модели поведения персонала в сравнении с требованиями и ценностями корпоративной культуры.

ОК не станет сама собой такой, какой она нужна менеджменту или станет через много лет, являясь достаточно инертной организационной реальностью. Кстати, менеджмент может быть и не прав в определении эффективной ОК. Более того, с одной стороны, консервативные модели организационной культуры подпитываются ценностями новых сотрудников, часто несущих этнокультурные ценности сопротивления инновациям, а с другой, нередко поддерживается усилением иерархического компонента самими менеджерами как способом решения всех проблем, что бы не писалось в корпоративных документах. Корпоративная культура как теоретическая конструкция, создаваемая менеджментом, даже там, где она создается, нередко существует сама по себе в корпоративной документации, а организационная культура живет сама по себе, во-многом определяя положение дел в компании и ее жизнеспособность. Важно понимать, что в корпоративной и организационной культуре значимы не только и не столько те ценности, которые на данный момент детерминируют поведение персонала, но те организационные предпочтения, которые характерны для большей его части. Если они не совпадают, это означает, что ситуация не стабильна, и как только менеджмент ослабит контроль, ценностная организационно-культурная ситуация будет изменяться в направлении, неконтролируемом менеджментом.

Типичным способом контроля организационной ситуации для российского менеджмента является усиление иерархической (бюрократической) составляющей управленческого взаимодействия. Это не случайно. Психологически доминантная позиция

понятна и приятна менеджеру. Не нужно беспокоиться об освоении сложных современных управленческих компетенций, адекватных новому времени, ожиданиям образованного персонала. Приказание и ответственное подчинение – альфа и омега управления, пытающегося старыми способами решать новые задачи.

Тем не менее, только новая управленческая компетенция, состоящая в умении разработать и внедрить в жизнь компании корпоративную культуру с доминирующими ценностями инновационности, способную преобразовать существующую ОК до характеристик, заложенных в корпоративной культуре, может обеспечить переход компании в формат инновационного развития и сдерживать социально-психологическое старение персонала.

Для этого нужно организовать трудовую жизнь персонала компании так, чтобы заработали эмоциональные регуляторы принятия организационных изменений и инноваций, чтобы менеджмент не только искал и находил эффективные управленческие решения, но и решал важнейшую задачу обеспечения субъективного благополучия персонала в условиях проводимых изменений.

Именно ОК как системный метод управления может обеспечить трансформацию установок персонала. Безусловно, можно и нужно включать в процедуру отбора критерии и методы определения приверженности оптантов инновационным ценностям. Но если методы управления персоналом остаются непоследовательно директивными, как это имеет место в ОК иерархически-кланового типа, то разочарование персонала с инновационными ценностями, предполагающего трудиться в компании, где ценятся компетенции и мнения сотрудников, не замедлит себя ждать. Парадигма управления, которой соответствует ОК – это целостная система, в которой отдельные элементы связаны между собой. Известно, что в иерархических моделях ОК и в XXI веке преобладают менеджеры с X-установками, по Д. Мак Грегору, в отношении персонала [Mac Gregor, 1960] (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Представления менеджеров об установках работников
Management's vision over the personnel attitudes

Теория X	Теория Y
1. Большинство сотрудников не любит работу и старается по возможности её избегать	1. При определенных условиях работа является желанной для большинства сотрудников
2. Большинство сотрудников необходимо заставлять выполнять работу, оказывая административное, экономическое и психологическое давление	2. Сотрудники способны к целеустремленности и самоконтролю, способны самостоятельно определять стратегии достижения целей
3. Большинство сотрудников заинтересовано только в безопасности	3. Заинтересованность работников зависит от системы вознаграждений по окончательному результату
4. Большинство сотрудников предпочитает быть исполнителями и избегает ответственности	4. Сотрудник стремится к ответственности и самостоятельно принимает управленческие функции
5. Почти все сотрудники не имеют творческих способностей и инициативы	5. Многие сотрудники имеют развитое воображение, творческие способности, изобретательность

Образованная часть персонала чувствует это, не доверяет менеджерам, даже если они пытаются внедрять инновации, ценность которых отражена в корпоративных документах. Много лет известно, что иерархичность и инновационность, творчество не совместимы, но с неиссякаемым упорством немало менеджеров пытается внедрять инновации административными методами. Если перед менеджментом стоит цель перевести компанию в инновационный формат развития, придется разрабатывать корпоративную культуру, построенную на инновационных ценностях, которые, будучи предикторами поведения, обеспечат инновационное поведение персонала. Более того, инновационные ценности, содержащиеся в корпоративной и организационной культуре компаний, могут оказать благотворное действие и на культуру общества в целом, ориентируя его на позитивное инновационное будущее.

Ответ на второй вопрос связан с работой менеджмента по снижению или даже снятию психологических издержек принятия инноваций. Административное давление депривирует множество потребностей (табл. 2), естественно присущих персоналу, порождая страх не справиться с новыми задачами, утратить расположение менеджера, потерять рабочее место.

Таблица 2
 Table 2

Примеры психологических издержек внедрения инноваций
 Examples of psychological challenges when introducing the innovations

Потребности (по А. Маслоу)	Издержки внедрения инноваций	Социально-психологические эффекты
Гомеостатические	Изменение динамических стереотипов, увеличение напряжения (обучение, повышение квалификации, освоение новых технологий), и пр.	Утомление, плохое самочувствие
Безопасности	Беспокойство о сохранности рабочего места, стресс перемен, возможного понижения статуса и пр.	Недоверие менеджменту, снижение организационной лояльности, скрытые конфликты
Принятия и общения	Сокращение межличностного общения, принятие менеджментом в зависимости от производственной эффективности в условиях инноваций	Снижение трудовой мотивации, приоритет социальных ролей семейной и частной жизни, укрепление клановых ценностей, сдерживающих организационное развитие
Самоуважения	Сомнения в своей компетентности	
Самореализации	Недостаток компетенций	

Стресс, порождаемый управленческим давлением и этими страхами, является тем мощным негативным фактором, который ассоциативно связывает организационные изменения и сильные негативные эмоции. Сотрудники компаний попадают в сложную психологическую ситуацию внутреннего ценностного конфликта: они понимают необходимость инноваций, но не чувствуют сил идти по этому пути. Они не могут обсудить возникшие трудности с менеджерами, не доверяя им, не чувствуя понимания и поддержки. Приходится искать поддержки друг у друга, растет потребность в клановых организационных условиях, позволяющих договориться и между собой и, если постараться, то и с менеджментом.

Решением проблемы является работа менеджмента по снижению психологических издержек. Это работа по профилактике организационного стресса, использование психологических методов управления с достижением необходимого баланса между ними и административными методами, обучение персонала. Не любой менеджер может выполнить такую работу. Это менеджеры с Y-установкой (по Мак Грегору) в отношении персонала. Перед кадровыми службами встает интересный вызов: найти новых менеджеров или переучить тех, что есть. Однозначных рекомендаций нет. Но есть возможности последовательной работы в системе корпоративного обучения по ценностной переориентации менеджеров.

Изменение ОК, ее развитие в заданном менеджментом направлении, достаточно сложный процесс, который сам по себе является стрессогенным. Рекомендации по изменению организационной (корпоративной) культуры достаточно широко представлены в практике консалтинговых компаний. Большой частью разработка новой (обновленной) концепции корпоративной культуры предстает как очень творческий, но строго пошаговый процесс, часто оторванный от теоретических моделей и результатов научных исследований, базирующийся на аналитике существующего положения, внешних вызовов, постановке целей, поиске индикаторов конкретных стадий, управленческих механизмов, разработке дорожных карт проводимых изменений, преобразованию моделей поведения персонала. Все разработки, ведущие к требуемому результату, бесспорно имеют право на существование и дальнейшее развитие.

Представляется, что выбор той или иной проверенной временем модели является сильным фактором, способствующим успеху задуманных организационных преобразований. Результаты проведенного исследования показали, что фактором, сдерживающим социально-психологическое старение персонала, является инновационная составляющая организационной культуры. Поэтому вполне оправдано при разработке корпоративной культуры использовать ценностную типологию К. Камерона и Р. Куинна [Cameron, Quinn, 2011], тем более что в ней есть все необходимые критерии, которые позволяют осуществлять планирование необходимых преобразований и осуществлять контроль достигаемой эффективности.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, видится перспективным обозначить ключевые управленческие принципы, способные воздействовать на социально-психологическое старение персонала в условиях внедрения инноваций:

1. Отказ менеджмента от возрастных и гендерных стереотипов.
2. Разработка корпоративной культуры на основе приоритета инновационных ценностей.
3. Опережающий характера социально-психологической подготовки персонала к проводимым преобразованиям в системах внутренних коммуникаций, отбора, формирования управленческого резерва, корпоративного обучения и управления на рабочих местах.
4. Системность организационных изменений, обоснованно затрагивающих техническое ядро, служб технической поддержки, административной поддержки и менеджмент всех уровней: линейного, среднего высшего, во всех подсистемах компании: производственной, формальной, неформальной и внеформальной).
5. Необходимость социологически обоснованной системности изменений.
6. Корпоративного обучения на основе динамичной компетентностной, возрастной и гендерной дифференциации персонала.
7. Изменения ОК на основе приоритета инновационных ценностей и сближения ее характеристик с корпоративными требованиями.

Разработанный алгоритм управления изменениями ОК в условиях инновационных изменений организаций представлен в таблице 3.

Таблица 3
 Table 3

Управление изменениями ОК в условиях инновационных изменений
 Management of organizational culture changes in the conditions of innovative transformations

Типичные характеристики настоящего	Принципы	Управленческие решения и подходы к реализации	
Кланово-иерархическая модель ОК: жесткая иерархичность, сочетающаяся с возможностью межличностных договоренностей; лидерство, ориентированное на поддержание отношений со слабой зависимостью от производительности и качества труда; стиль управления, ориентированный на демонстрацию единодушия, предсказуемости и стабильности в отношениях; связующей сущностью организации в формальных правилах, официальной политике и поощрении доверия; социальная ориентированность, неизменность и стабильность в стратегических целях; критериях успеха определяющихся заботой о людях, рентабельностью за счет снижения затрат	1	Философия компании, базирующаяся на приоритете инновационных и деловых ценностей с безусловной точностью соблюдения персоналом регламентов работы и опосредованием отношений менеджмента и исполнителей производительностью и качеством труда работников, участием в значимых проектах, независимо от гендерной принадлежности и хронологического возраста работников. Разработка для подповерхностного уровня (по Э.Шейну) кодекса поведения и норм взаимоотношений, этических правил, миссии и девизов, адекватных по содержанию и эмоциональной привлекательности для мужского и женского персонала разного хронологического, но молодого и зрелого социально-психологического возрастов	
	2		
	3		
	4		Ценностная переориентация персонала в корпоративном обучении, поддержка новых поведенческих моделей, отбор на вакантные рабочие места и в управленческий резерв разновозрастных оптантов с выраженными инновационными ценностями (для менеджеров, управленческого резерва – с ценностной предрасположенностью к управленческому взаимодействию в поддерживающей модели, Y-установки по Д.Макгрегору)
	5		Системность изменений во всех подсистемах компании
	6		Обучение разновозрастного персонала моделям ответственного поведения, участию в кружках качества, проектной работе, внутренней конкуренции с сохранением хороших личных и трудовых отношений, взаимодействию с менеджментом в рамках поддерживающей модели
	7		Выдвижение и поддержка корпоративными лидерами поведенческих моделей из числа сотрудников мужчин и женщин всех возрастных групп, соответствующих по своим ценностям, моделям производственного и организационного поведения положениям корпоративной культуры (ключевая характеристика поверхностного уровня ОК, по Э.Шейну).
Результаты			
Выраженный инновационный компонент в сбалансированной ОК: поощрение предложений сотрудников по повышению конкурентоспособности и жизнеспособности компании, лидерство новаторов, ориентированных на результат и помощь в его достижении, создание условий для персонала и поощрение стремлений к апробации новых технологий и достижению наивысших результатов в условиях внешней и внутренней конкуренции			

Выводы

Проанализирована детерминирующая социально-психологическое старение как функция организационной культуры. Это означает, что, если менеджмент заинтересован в сдерживании социально-психологического старения персонала, следует формировать корпоративную культуру, преобразующую сложившуюся организационную культуру в инновационном направлении. Предложены рекомендации по разработке корпоративной культуры с выраженным инновационным компонентом. В их основе лежат концептуальное самоопределение менеджмента в отношении необходимости инновационного развития и готовность к изменению сложившейся корпоративной культуры, выявление персонала с инновационными ценностями молодого и зрелого социально-психологических возрастов, который будет являться основной движущей силой проводимых преобразований, модернизация систем корпоративного обучения и профессионального отбора, привлечение сотрудников к участию в инновационных процессах, начиная с тех процессов, которые касаются качества их трудовой жизни. Модернизацию корпоративной культуры необходимо проводить, обеспечивая действие эмоциональных регуляторов, содержащихся как в ценностных характеристиках корпоративной культуры, форме лидерства, критериях успеха, отсутствии любой дискриминации по хронологическому возрасту и гендерной принадлежности, так и в моделях управленческого взаимодействия менеджеров и исполнительской части персонала.

Список литературы

1. Бабинцев В.П., Ушамирский А.Э. 2018. Концепция субъектности молодежи как симулякр социологической науки. Научные ведомости БелГУ. 3(43): 414–419.
2. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л., Шарунина А.В. 2017. Профессии на российском рынке труда. Аналит. докл. НИУ ВШЭ, М., Изд. дом Высшей школы экономики, 159 с.
3. Грошев И. В., Жерегеля А. В., Школьный Д. В. 2019. Менеджмент организационной культуры в условиях цифровизации предприятий. Управление. 7 (2): 33–38.
Groshev I.V., Cheregelya A.V., Shkolny D.V. 2019. Management of organizational culture in the conditions of company's digitalization. Management, 7(2): 33–38. (in Russian)
4. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Коробейникова Е.В. 2017. Ценностный конфликт и психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий. Н. Новгород, ННГУ, 412 с.
5. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Мартыанова Т.В. 2018. Гендерные проявления социально-психологического возраста персонала предприятий с организационной культурой разного типа. Проблемы теории и практики управления, 7: 107–117.
6. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Махалин А.И. 2019. Социально-психологический возраст в трудовой деятельности. Вестник ННГУ. Серия «Социальные науки», 56(4): 77–86.
7. Захарова Л.Н., Саралиева З.М., Леонова И.С., Заладина А.С. 2019. Усталость как показатель социально-психологического возраста персонала. Системная психология и социология, 2: 36–52.
8. Кергроуч С. 2017. Индустрия 4.0: новые вызовы и возможности для рынка труда. Форсайт, 11(4): 6–8.
9. Крайг Г. 2000. Психология развития. СПб., Питер, 992 с.
10. Швабб К. 2016. Четвертая промышленная революция. М., ЭКСМО, 192 с.
11. Парсонс Т. 2018. О структуре социального действия. М., Академический проект, 879 с.
12. Brettel M., Chomik C., Flatten T.C. 2015. How organizational culture influences innovativeness, proactiveness, and risk taking: fostering entrepreneurial orientation in SMEs. Small Business Management, 4(53): 868–885.
13. Cameron K.S, Quinn R.E. 2011. Diagnosing and changing organizational culture. Based on the competing values framework. Third ed. San Francisco: Jossey-Bass, 209.
14. Desmidt S., Prinzie A. 2019. Establishing a mission-based culture: analyzing the relation between intra-organizational socialization agents, mission valence, public service motivation, goal clarity and work impact. International Public Management Journal, 4(22): 664–690.

15. Fossen F., Sorgner A. 2019. Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs. *Foresight and STI Governance*, 2(13): 10–18.
16. Lasker, G. W. 1969. Human biological adaptability. The ecological approach in physical anthropology. *Science*, 166: 1480–1486. <http://dx.doi.org/10.1126/science.166.3912.1480>
17. Leonova I., Zakharova L., Bretones F.D. 2018. Stress, health self-assessment, social and psychological age of women's staff in organizational cultures of different types. *Journal of Talent Development and Excellence*, 10(2): 112–131.
18. MacGregor, D. The Human Side of Enterprise URL: <http://msbmonline.org.uk/campus/onlinelibrary/books/humansideofenterprise.pdf> 06.12.2020.
19. Staudinger U.M. 2015. Images of aging: outside and inside perspectives. *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*, 35(1): 187–210.
20. Staudinger U.M., Finkelstein, R., Calvo E., Sivaramakrishnan K.A. 2016. Global View on the Effects of Work on Health in Later Life. *The Gerontologist*, 56(2): 281–292.

References

1. Babintsev V.P., Ushamirsky A.E. 2018. The concept of youth subjectivity as simulacrum of sociological science. *Belgorod State University Scientific Bulletin*, 3(43): 414–419 (in Russian).
2. Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapelushnikova R.I., Lukyanova A.L., Sharunina A.V. 2017. *Professii na rossiiskom rinke truda. Analit. Dokl. NIU VSHE [Professions at Russian labour market. Analytical report by NRU HSE]*, M., Publishing house of Higher School of Economics, 159 p. (in Russian).
3. Groshev I.V., Cheregelya A.V., Shkolny D.V. 2019. Management of organizational culture in the conditions of company's digitalization. *Management*, 7(2): 33–38. (in Russian)
4. Zakharova L., Leonova I., Korobeynikova E. 2017. Tsennostnyi konflikt i psikhologicheskaya zhiznesposobnost' personala ros-siiskikh predpriyatii. [Value conflict and psychological viability of the personnel of Russian enterprises.]. *Nizhny Novgorod, NSU*, 2017, 412 p.
5. Zakharova L.N., Leonova I.S., Martyanova T.V. 2018. Gender manifestations of socio-psychological age of the personnel in companies with organizational culture of different types. *Theoretical and Practical Aspects of Management*, 7: 107–117 (in Russian).
6. Zakharova L.N., Leonova I.S., Makhalin A.I. 2019. Socio-psychological age in labour activity. *Lobachevsky University Bulletin. Series «Social sciences»*, 56 (4): 77–86. (in Russian).
7. Zakharova L.N., Saralieva Z.M., Leonova O.S., Zaladina A.S. 2019. Fatigue as an indicator of the socio-psychological age of personnel. *System Psychology and Sociology*, 2: 36-52. (in Russian).
8. Kergouch S. 2017. Industry 4.0: new challenges and opportunities for the labour market. *Foresight*. 11 (4): 6–8 (in Russian).
9. Craig G. 2000. *Psikhologiya razvitiya [Psychology of development]*. Spb., Piter, 992 p.
10. Schwab K. 2016. *Fourth industrial revolution*. M., EKSMO, 192 p.
11. Parsons T. 2000. *O structure sozialnogo deistviya [Social action structure]* M.: Academic project, 879 p.
12. Brettel M., Chomik C., Flatten T.C. 2015. How organizational culture influences innovativeness, proactiveness, and risk taking: fostering entrepreneurial orientation in SMEs. *Small Business Management*, 4(53): 868–885.
13. Cameron K.S, Quinn R.E. 2011. *Diagnosing and changing organizational culture. Based on the competing values framework*. Third ed. San Francisco: Jossey-Bass, 209 p.
14. Desmidt S., Prinzie A. 2019. Establishing a mission-based culture: analyzing the relation between intra-organizational socialization agents, mission valence, public service motivation, goal clarity and work impact. *International Public Management Journal*, 4(22): 664–690.
15. Fossen F., Sorgner A. 2019. Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs. *Foresight and STI Governance*, 2(13): 10–18.
16. Lasker, G. W. 1969. Human biological adaptability. The ecological approach in physical anthropology. *Science*, 166: 1480–1486. <http://dx.doi.org/10.1126/science.166.3912.1480>
17. Leonova I., Zakharova L., Bretones F.D. 2018. Stress, health self-assessment, social and psychological age of women's staff in organizational cultures of different types. *Journal of Talent Development and Excellence*, 10(2): 112–131.

18. MacGregor, D. The Human Side of Enterprise URL: <http://msbmonline.org.uk/campus/onlinelibrary/books/humansideofenterprise.pdf> 06.12.2020.

19. Staudinger U.M. 2015. Images of aging: outside and inside perspectives. *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*, 35(1): 187–210.

20. Staudinger U.M., Finkelstein, R., Calvo E., Sivaramakrishnan K.A. 2016. Global View on the Effects of Work on Health in Later Life. *The Gerontologist*, 56(2): 281–292.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, заместитель декана, факультет социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonova S. Irina, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sectoral and Applied Sociology, Deputy Dean, Faculty of Social Sciences N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 7.01:7.049.1

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-70-80

Анализ эстетической эмоции

Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В.

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

E-mail: mv.chernikov@gmail.com, perevozch@vgasu.vrn.ru, jjaane@yandex.ru

Аннотация. Авторы исследуют «проблему эстетического» и анализируют условия возникновения и специфические особенности такой до сих пор остающейся малоисследованной эмоциональной реакции человека, которая обозначается термином «эстетическая эмоция» (или синонимичными: «эстетическое чувство», «эстетическое сознание», «эстетическая реакция»). Рассмотрены историко-философские и культурологические подходы к решению «проблемы эстетического» и отмечена их низкая плодотворность с точки зрения прояснения специфики феномена эстетической эмоции. Выдвинуто предположение, что привнести существенный прогресс в дело понимания феномена эстетической эмоции способен подход с позиций современного уровня развития наук о человеке, в частности информационной теории эмоций и современной когнитологии, что и реализуется в настоящей статье. На основе современных научных представлений о природе возникновения и протекания эмоций выстроено инновационное видение особой эстетической эмоции и доказательно обоснована правомерность такого видения.

Ключевые слова: эстетическое, эмоциональная сфера, эстетическая эмоция, искусство, модель настоящего, модель вероятного будущего, модель потребного будущего.

Для цитирования: Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В. 2021. Анализ эстетической эмоции. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (1): 70–80. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-70-80

Analysis of aesthetic emotion

Michael V. Chernikov, Larisa S. Perevozchikova, Evgeniia V. Avdeenko

Voronezh State Technical University,

84 20 years of October St, Voronezh, 394006, Russian Federation

E-mail: mv.chernikov@gmail.com, perevozch@vgasu.vrn.ru, jjaane@yandex.ru

Abstract. The authors investigate the "problem of the aesthetic" and analyze the conditions for the emergence and specific features of such a still poorly studied emotional reaction of a person, which is designated by the term "aesthetic emotion" (or synonymous: "aesthetic feeling", "aesthetic consciousness", "aesthetic reaction"). Historical, philosophical, and cultural approaches to solving the "problem of the aesthetic" are considered, and their low fruitfulness in terms of clarifying the specifics of the phenomenon of aesthetic emotion is noted. It is suggested that an approach from the standpoint of the modern level of development of human sciences, in particular the information theory of emotions and modern cognitology, can bring a significant progress in understanding the phenomenon of aesthetic emotion, which is implemented in this article. On the basis of modern scientific ideas about the nature of the origin and flow of emotions, an innovative vision of a special aesthetic emotion is built and the validity of this vision is proved.

Keywords: aesthetic, emotional sphere, aesthetic emotion, art, model of the present, model of the probable future, model of the desired future.

For citation: Chernikov M.V., Perevozchikova L.S., Avdeenko E.V. 2021. Analysis of aesthetic emotion. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 70–80 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-70-80

Введение

Есть целый ряд синонимичных понятий, которыми маркируется давно и широко известное психологическое состояние, возникающее у человека при восприятии того, что ему представляется особо красивым, особо изящным, доставляющим особое, эстетическое удовольствие. В ряду этих понятий – эстетическое сознание, эстетическая реакция, эстетическое чувство и, наконец, эстетическая эмоция. О феномене, определяемым всеми этими понятиями, и пойдет речь в настоящей статье.

Дело в том, что при всей известности феномена эстетической эмоции, о котором пишут и рассуждают мыслители со времен, как минимум, Платона и Аристотеля вплоть до наших дней, его понимание до сих пор не является вполне удовлетворительным. Надо сказать, что даже своё понятийное определение, как правило, в виде словосочетания с неизменным прилагательным «эстетическое (ая)», анализируемый нами феномен получил относительно недавно. Считается, что первым ввёл в широкий научный оборот понятие «эстетическое» немецкий философ А. Баумгартен, опубликовав в 1750 году трактат, названный им «Эстетика».

Как полагал Баумгартен¹, человеческий дух имеет два существенно различающихся измерения: логический горизонт и т.н. эстетический горизонт. В перспективе логического (рационального, разумного) горизонта протекает научное (философское) познание, а в перспективе эстетического горизонта реализуется особого рода чувственное познание (*gnoseologia inferior*), целью и отличительной чертой которого Баумгартен считал постижение прекрасного. Соответственно, эстетику немецкий философ определил как науку об особом виде чувственного познания, которая изучает особенности возникновения у человека чувства красоты или прекрасного и на этой основе пытается выявить закономерности человеческой деятельности, нацеленной на создание прекрасного. Основным типом такой деятельности Баумгартен считал искусство (в новоевропейском его понимании).

Введенная Баумгартеном категория «эстетическое» быстро обрела популярность и начала усиленно разрабатываться. Тем более, что практически сразу выяснилось: термин «эстетическое» вполне правомерно применять ретроспективно.

Действительно, обсуждение проблематики, которую после Баумгартена стали именовать «эстетической», имеет предельно давнюю историю. Уже в рамках античной философии были артикулированы такие эстетические категории, как *прекрасное*, *безобразное*, *возвышенное*, и предпринимались попытки осмыслить суть соответствующих феноменов. Античная традиция имплицитной разработки эстетической проблематики активно продолжалась и в средние века (в основном обсуждался феномен прекрасного как один из основополагающих модусов Бога и сотворенного Им мира), но надо признать, что только в Новое время возникает современный подход к пониманию феномена эстетического.

Дело в том, что и античная и средневековая мысль онтологизировали весь спектр эстетических понятий, понимая соответствующие феномены как некие, наличествующие сами по себе состояния мирового устройства. Приоритет в разработке принципиально нового подхода, согласно которому все эстетические феномены: прекрасное, безобразное,

¹ Баумгартен А. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Том 2. 1964

возвышенное и др., следует трактовать не онтологически, а субъективно-психологически, в рамках не объект-объектных, а субъект-объектных отношений, принадлежит английскому эстетике Э. Бёрку, опубликовавшему в 1757 году труд «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного»¹.

И хотя сам Бёрк достаточно односторонне определял условия возникновения в душе человека таких чувств, как прекрасное и возвышенное (по Бёрку, объекты, вызывающие чувство прекрасного, имеют следующие свойства: ограниченный размер, плавный контур, чистые и светлые цвета, ровные и гладкие поверхности, а объекты, вызывающие чувство возвышенного, должны иметь колоссальный размер, угловатость, туманность или затемненность, обладать очевидной мощью), именно он заложил традицию психологического анализа эстетической эмоции, ставшего основополагающим подходом к пониманию феномена эстетического в рамках современного научного познания.

Идеи Бёрка оказали определенное влияние на И. Канта, который также связывал возникновение эстетической эмоции с системой субъект-объектных отношений. Только в этой системе возникают основные модусы эстетического: вкус, целесообразное, прекрасное, возвышенное. А их сугубо эстетическая специфика обнаруживается, по Канту, через их не-утилитарность. Эстетическое есть продукт, возникающий в результате особого, незаинтересованного, созерцания и проявляющий себя через весьма специфическое чувство – чувство эстетического удовольствия. «Вкус, – писал, в частности, Кант, – есть способность судить о предмете или способе представления на основании удовольствия или неудовольствия, *свободного от всякого интереса*. Предмет такого удовольствия называется *прекрасным*»².

Замечания Канта о специфике эстетического были сочувственно восприняты авторами, продолжившими после Канта разработку эстетической проблематики. Однако главный вопрос, возникающий в рамках субъективно-психологического подхода к феномену эстетического, а именно вопрос о причинах и механизме возникновения эстетической эмоции не нашёл своего, удовлетворительного с научной точки зрения, разрешения ни у Канта, ни у последующих исследователей.

Так, например, отметим, что в 2001 году под общим заглавием «Анализ эстетической реакции» вышел в свет том собрания трудов Л.С. Выготского (1896–1934), в котором в наиболее аутентичном виде были опубликованы основные работы выдающегося советского психолога, посвященные вопросам искусства и эстетики. Научная редакция издания осуществлялась крупнейшим отечественным специалистом в области социо-гуманитарных наук, академиком Вяч. Вс. Ивановым (в сотрудничестве с И.В. Пешковым). Иванову принадлежат также постраничные комментарии к текстам Выготского и обобщающая статья, в которых подводятся определенные итоги развития проблемного поля психологии искусства со времен Л.С. Выготского до наших дней [Выготский, 2001].

Что же мы обнаруживаем, прочтя эту книгу? Оказывается, что ни в текстах (в целом весьма интересных) Л.С. Выготского, который многими, в том числе американскими, западноевропейскими, японскими специалистами оценивается как наиболее крупный психолог XX в. [Тулмин, 1981], ни в текстах Вяч. Вс. Иванова, по праву считающегося не только крупнейшим ученым (лингвист, семиотик, антрополог) поистине ренессансного масштаба, но и, пожалуй, наиболее эрудированным среди современников знатоком положения дел в мировой науке социогуманитарного профиля, практически ничего не говорится о том, что собой представляет эстетическая реакция по

¹ Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / пер. с англ. Е. С. Лагутина. Москва, Искусство, 1979.

² Кант И. Критика способности суждения. М., Искусство. 1994.

сути, чем она обусловлена, как она формируется, каков механизм её функционирования. Парадоксально, но изданный в XXI веке специальный научный труд, посвященный, как это следует из его названия, анализу эстетической реакции, практически никак не раскрывает её сущностные аспекты.

Недостаточность понимания, явно неудовлетворительная степень научного осмысления феномена эстетической реакции (эстетического чувства, эстетической эмоции, эстетического сознания) отмечается сегодня многими авторами.

Вот что, например, пишет по этому поводу авторитетное современное издание энциклопедического плана: «Эстетическое сознание [используется один из понятийных синонимов эстетической реакции] является необходимым условием человеческого сознания, человека как *homo sapiens*. Однако в силу крайне сложной его структуры и выполняемых функций оно долгое время не выходило на уровень философской рефлексии. Эстетический опыт с древних времен был присущ человеку и находил выражение в зачаточных формах древнего искусства... Неразрывно с ним была связана и интуитивная эстетическая оценка на основе ещё слабо развитого чувства не-только-чувственного удовольствия-неудовольствия.

На более поздних этапах развития культуры... начинается осмысление отдельных компонентов эстетического опыта и, соответственно, эстетического сознания, появляется специальная терминология для их обозначения (прежде всего терминов: красота, прекрасное, гармония, порядок, возвышенное и др.), которая в дальнейшем составит основу категориального аппарата науки эстетики. Однако вербально-рефлексивный уровень эстетического сознания до сих пор остаётся недостаточно развитым для адекватного выражения сущности эстетического сознания, тех глубинных духовных процессов, которые собственно и составляют его основу...» [Лексикон..., с. 546]

Однако, как представляется, уже в самом скором времени положение дел с осмыслением эстетической эмоции должно существенно улучшиться. Науки о человеке на рубеже XX–XXI вв. добились серьёзного прогресса, предложив целый ряд концептуальных инноваций, которые позволяют по-новому взглянуть как на общий процесс возникновения эмоций, так и на условия порождения и характер протекания особой, эстетической эмоции. В настоящей статье мы постараемся эксплицировать эти концептуальные инновации и на их основе наметить новый подход к пониманию феномена эстетической эмоции.

О специфике эмоций

Начнём с общего вопроса о возникновении эмоций у человека. Наиболее значимые, на наш взгляд, концептуальные инновации в этой сфере связаны с т.н. информационной теорией эмоций, основоположником которой является выдающийся отечественный психолог П.В. Симонов [1981], а также с наработками современной когнитологии, сумевшей выявить основные модельные представления, посредством которых обеспечивается когнитивная регуляция человеческой деятельности [Черников, 1997; Черников, 2007].

Сегодня мы знаем, что для организации своей деятельности человек задействует мощное когнитивное обеспечение, в рамках которого основополагающими являются три типа модельных представлений: модель настоящего (МН), модель вероятностного будущего (МВБ) и модель потребного будущего (МПБ) [Черников, Перевозчикова, 2016].

МН – это информационно-когнитивный паттерн, на уровне которого происходит фиксация субъективной картины мира в модусе настоящего для данного человека. Сюда входят более или менее детализированные представления об основных характеристиках (особенностях, закономерностях, процессах) того бытийного ландшафта, в котором протекает жизнь и деятельность данного человека.

МВБ – это информационно-когнитивный паттерн, на уровне которого для данного человека репрезентируется вероятностная динамика его бытийного ландшафта. МВБ формируется как проецирование в будущее МН. Такое проецирование опирается на понимание тех реалий и закономерностей, которые с точки зрения данного человека являются объективно присущими его бытийному ландшафту.

МПБ – это информационно-когнитивный паттерн, на уровне которого для данного человека репрезентируется необходимая ему, желаемая им динамика его бытийного ландшафта. МПБ формируется как проецирование в будущее МН, но не на основе объективных (считающимися объективными) закономерностей бытийного ландшафта человека, а на основе потребностей, интересов и желаний данного человека.

Роль соответствующих модельных представлений в системе когнитивной регуляции человеческой деятельности весьма велика. Именно они опосредуют решение общей целевой задачи, которая с необходимостью возникает перед выстраивающим своё поведение человеком. На языке модельных представлений решение такого рода задачи определяется как достижение максимального сближения, стягивания друг к другу его МВБ и МПБ.

Для решения этой, т.н. общей деятельностной задачи человеком могут применяться два типа стратегии: экстравертивная (наиболее предпочтительная) и интровертивная.

Если человек считает, что у него достаточно сил и ресурсов для активного изменения своего бытийного ландшафта, применяется экстравертивная стратегия. В результате её применения изменяемой оказывается МВБ (при неизменной МПБ), и именно за счёт этого изменения решается основная деятельностная задача человека – сокращается зазор между МВБ и МПБ.

Если же человек считает, что сил и ресурсов для активного изменения своего бытийного ландшафта у него недостаточно, применяется интровертивная стратегия. Не имея возможности изменять реальность, человек оказывается вынужден изменять своё отношение к этой реальности. В этом случае основная деятельностная задача человека решается за счёт изменения МПБ при остающейся неизменной МВБ.

Динамика системы базовых модельных представлений человека напрямую влияет и на его эмоциональную сферу. В рамках т.н. информационной теории эмоций показано, что эмоции имеют в своей основе информационную природу и возникают в процессе обработки основных информационно-когнитивных паттернов человеческой психики: МН, МВБ и МПБ.

Эмоция представляет собой по сути отражение бессознательно протекающей в психике человека оценки того, как (удачно или неудачно) и каким путем (экстравертивным или интровертивным) будет решаться общая деятельностная задача человека – сближение его МВБ и МПБ.

Если, согласно субъективной оценке человека, в соответствующей перспективе зазор между его МВБ и МПБ будет уменьшаться, у человека возникают позитивные эмоции (от простой удовлетворенности до счастья), развивается хорошее настроение. Если же, согласно субъективной оценке человека, в соответствующей перспективе зазор между его МВБ и МПБ будет увеличиваться, возникают негативные эмоции (тоска, внутреннее напряжение), устанавливается плохое настроение.

Возникновение более специфических эмоций зависит от выбираемой человеком стратегии решения своей основной деятельностной задачи – сближения МВБ и МПБ.

Если внутренняя оценка своих возможностей приводит человека к решению о выборе экстравертивной стратегии, организм человека получает команду мобилизации: кровотоки увеличиваются, мышечный тонус повышается, в центральной нервной системе нарастают процессы возбуждения. Организм готовится к активному действию или с целью овладения внешним объектом, или с целью отдаления от внешнего объекта путем либо «убегания», либо «прогоняния» (как вариант – разрушения).

Выбор определенного варианта экстравертивной стратегии сопровождается и соответствующим эмоциональным состоянием. Принятие поведенческого решения о

конструк-тивном освоении (использовании для себя) внешнего объекта поддерживается эмоциями воодушевления, приподнятости, эйфории. Принятие поведенческого решения об «убегании» от внешнего объекта коррелирует с эмоцией страха. Принятие поведенческого решения об атаке на внешний объект с целью его деструкции сопровождается возникновением эмоционального состояния гнева, ярости.

Если же внутренняя оценка своих возможностей приводит человека к решению о выборе интровертивной стратегии, организм человека получает команду демобилизации: кровоток уменьшается, мышечный тонус ослабляется, в центральной нервной системе начинают преобладать процессы торможения. Эмоциональный фон становится негативным, возникают эмоциональные состояния подавленности, безразличия, депрессии.

О специфике эстетической эмоции

Обратимся теперь к анализу эмоции особого вида, а именно, эстетической эмоции.

В первую очередь, надо отметить, что эстетическая эмоция, как правило, носит позитивный характер и вызывает чувство удовольствия.

Удовольствие по своей естественной природе – это неспецифическая (и в этом плане подобная стрессу) реакция человека на сближение его МПБ и МВБ, по какой бы модальности такое сближение не происходило. Соответственно, удовольствие, возникновение чувства удовольствия, выступает, по сути дела, маркером успешного выполнения основной деятельностной задачи человека, нацеленной на осуществление сближения его МПБ и МВБ.

Характерно, однако, что служебная, «маркерная» роль удовольствия обычно не осознаётся человеком. Более того, зачастую удовольствие – поиск удовольствия – выступает для человека в качестве самостоятельной цели.

С учётом высокой ценности чувства удовольствия человеком (как, впрочем, и любым другим представителем животного мира) не удивительно, что в обществе с давних времён предпринимались попытки овладеть приёмами искусственного «производства» удовольствия. Поедание различного рода вкусок, секс с привлекательным партнером, успешное преодоление трудных ситуаций, сопровождающееся выбросом эндорфинов – эти и другие аналогичного рода приёмы вызывания удовольствия с давних пор практиковались человеком. Более того, обнаружилось, что удовольствие у человека вызывают не только реальные, физические, практики такого рода, но и их виртуальные аналоги. Вовлекаясь, например, в зрелище гладиаторских боёв древний римлянин получал почти такой же выброс эндорфинов от успешных действий побеждающего страшных противников гладиатора, как и сам гладиатор. И несмотря на то, что, в отличие от гладиатора, зритель сражался и рисковал жизнью не всерьёз, а только виртуально, он также испытывал вполне реальные эмоции (отличные, конечно, в интенсивности).

Обнаружение такого весьма специфического способа вызывания удовольствия у человека через вовлечение его в специально (искусственно) для него создаваемые, симулятивные виртуальные миры и привело к формированию особого рода человеческой деятельности, которую мы сегодня определяем как искусство.

В то же время надо подчеркнуть, что на ранней (первичной) стадии своего развития искусство не ориентировалось на тот вид удовольствия, которое мы сегодня называем эстетическим. Основной упор делался на удовольствие, вызываемое виртуальным переживанием (проживанием) практик, самих по себе вызывающих удовольствие. К таким примитивным типам искусства относятся и ныне популярные зрелища, например, спортивные состязания и порнография. Все эти зрелища ориентируются на стимулирование у зрителей удовольствия просто от наблюдения практик, будящих соответствующие эмоции (как реакции на вовлечение в определенного рода ситуации) и в конечном счете вызывающих удовольствие – удовольствие от успешного преодоления проблем и/или от удовлетворения соответствующих потребностей. Однако искусство, открыв путь

симулятивного индуцирования у наблюдателя целой гаммы эмоций, вызываемых путем виртуального вовлечения наблюдателя в соответствующее действие, уже не могло себе позволить оставаться на примитивной стадии.

Демонстрация одного и того же действия, пусть и будящего у зрителя, особенно на первых порах, сильные эмоции, не может продолжаться с одинаковой отдачей долгое время. Возникает эффект насыщения. Для его преодоления требуется искать новые ходы, открывать новые жанры, придумывать и вводить в оборот специальные «усилители» эмоционального эффекта. Искусству как производителю виртуальных миров, вовлечение в которые будит у человека соответствующие чувства, для того чтобы поддерживать эти чувства в достаточном тоне, чтобы получать требуемую эмоциональную отдачу, приходится становиться всё «искуснее» в своем деле. И только на этом пути – пути совершенствования – искусство начинает продуцировать особую, эстетическую эмоцию, особое чувство удовольствия – эстетического удовольствия.

Как же это происходит? Заметим, что любое произведение искусства выступает как некий культурный текст или информационное сообщение, считываемое потребителем искусства (зрителем, читателем, слушателем). Но любое информационное сообщение, согласно Р. Якобсону, имеет следующие характерные функции:

- *референтивную* – установка на референт, сообщение указывает на некое объявляемое существующим положение дел;
- *эмотивную* – установка на адресанта, сообщение демонстрирует отношение адресанта к тому, о чем сообщается;
- *конативную (иллокутивную)* – установка на адресата, сообщение соответствующим образом стремится повлиять на поведение адресата;
- *фатическую* – установка на контакт, сообщение нацелено на сам процесс коммуникации, проверяется и задается работа канала коммуникации;
- *метаязыковую (металингвистическую)* – установка на код сообщения, обращается внимание на понятность используемого кода сообщения;
- *эстетическую (поэтическую)* – установка на само сообщение, сообщение обретает эстетическую функцию, когда оно направляет внимание адресата на самое себя, адресат начинает интересоваться тем, как оно построено [Якобсон, 1975; Эко, 1998].

Можно, таким образом, сказать, что у потребителя культурного текста, в частности текста соответствующего произведению искусства, эстетическая эмоция возникает тогда, когда для него становится актуальной эстетическая функция культурного текста, то есть, когда потребитель культурного текста начинает интересоваться характером построения информационного сообщения. Но, опять же, интерес к построению сообщения, внимание к эстетической функции культурного текста есть лишь маркер возникновения эстетической эмоции. Но в чем же заключаются причины самой эстетической эмоции?

Обратим внимание на следующее.

Процесс «прочтения» культурного текста можно разбить на этапы.

1 этап – предварительное знакомство с текстом, в ходе которого потребитель получает представление о типе и характере текста. На этом этапе у потребителя формируется определенная МН по отношению к данному тексту – МН(Т)

2 этап – определение потребителем степени интереса к прочтению данного текста. На этом этапе, отталкиваясь от МН(Т), потребитель (с учетом имеющихся у него культурных компетенций) выстраивает МВБ(Т), то есть прогнозирует характер развития текста, формирует свою систему ожиданий по поводу того, как будет реализовываться фабула текста. В то же время, соотнося МВБ(Т) со своей обобщенной МН – МН(П), потребитель формирует свою обобщенную МВБ – МВБ(П), прогнозируя, как изменится общая ситуация дел в мире в результате прочтения потребителем данного текста. Если, как это видится потребителю, в результате прочтения текста дистанция между МВБ(П) и его обобщенной МПБ – МПБ(П) сократится, текст вызывает интерес у потребителя, и у

последнего возникает мотивация прочесть данный текст. При этом планируемое в результате прочтения данного текста сокращение дистанции между МВБ(П) и МПБ(П), проецируясь на прогнозируемое разворачивание фабулы текста, приводит к образованию у потребителя конкретной, связанной с данным текстом МПБ – МПБ(Т).

3 этап – «прочтение» текста, позволяющее судить, в какой мере оправдываются предварительные ожидания потребителя по отношению к этому тексту.

Если в процессе освоения текста МВБ(Т) реализуется в соответствии с выстроенным прогнозом, оказывается реализованной и МПБ(Т), что, в свою очередь, сигнализирует о том, что плановое (прогнозируемое потребителем культурного текста) сокращение дистанции между МВБ(П) и МПБ(П) действительно произошло, интерес к данному культурному тексту оказался оправдан. Если же в процессе освоения текста обнаруживается расхождение между МВБ(Т) и действительным разворачиванием текста, МПБ(Т) также оказывается нереализованной. А это значит, что плановое (прогнозируемое потребителем культурного текста) сокращение дистанции между его МВБ(П) и МПБ(П) не произошло, интерес к данному культурному тексту не оказался в должной мере оправданным. В первом случае возникают позитивные эмоции, связанные с чувством удовлетворения, во втором случае возникают негативные эмоции: раздражение, скука, общая неудовлетворенность.

Однако бывают ситуации, когда потребитель культурного текста в ходе прочтения текста обнаруживает, что текст выстроен и разворачивается таким образом, что МПБ(Т) реализуется с профицитом. Иначе говоря, сокращение дистанции между МВБ(П) и МПБ(П) в результате прочтения текста происходит в большей мере, нежели планировалось (прогнозировалось потребителем культурного текста).

Обнаруживаемый таким образом профицит ожиданий и лежит в основе возникновения особого чувства – сложной смеси удивления и восхищения от прочтения данного культурного текста (что, заметим, и вызывает стремление обратить дополнительное внимание на построение данного текста, то есть вызывает внимание к эстетической функции данного текста). Именно это чувство мы и называем эстетической эмоцией или чувством эстетического удовольствия.

Надо сказать, что особого рода эффекты, связанные с профицитом МПБ(Т), возникают уже на уровне высших животных. Показательными в этом плане являются исследования чаек, осуществленные профессором психиатрии В.С. Рамачандраном¹. Было доказано, что визуальным маркером, который запускает клевательный инстинкт у птенцов чаек, является полоска красного цвета, выделяющаяся на клюве (в целом желтом) чайки-матери. Только за счет «считывания» соответствующего текста, а именно, обнаруживая на желтом фоне красную полоску, птенцы инициируют процесс клевания. Как было показано в экспериментах, для инициации процесса клевания достаточно птенцу показать просто желтую палочку, на которую нанесена красная полоска.

Но существенно важнее другое. Было обнаружено, что, если на желтую палочку нанести не одну, а три красных полоски, процесс клевания усиливается. Если же после этого птенцу предъявляли одновременно две желтые палочки, соответственно с одной и тремя красными полосками, птенцы однозначно выбирали для клевания палочку с тремя полосками, не обращая внимания на «классический» вариант. Обсуждая проведенные эксперименты, Рама Чандран заметил, что у чаек три полоски вместо одной явно вызывают дополнительное воодушевление, что по сути аналогично появлению дополнительного – эстетического – чувства, когда мы в картинной галерее сталкиваемся с произведением выдающегося мастера [Черников, 2010].

¹ Рамачандран В. С. Рождение разума. Загадки нашего сознания / Перевод с англ. А. Логвинская. М.: Олимп-Бизнес, 2006.

Конечно, обнаруживаемые на уровне чаек эффекты, связанные с достижением профицита МПБ(Т), можно считать разве что предпосылкой, пра-феноменом эстетического чувства. В своем полноценном виде эстетическое чувство (и соответствующий тип удовольствия от прочтения культурного текста) – это удел людей. Однако важно понимать, что эстетическое чувство может возникать не только в рамках искусства, не только в процессе освоения культурного текста художественного плана.

Наблюдение за самыми разными (но достаточно сложными) типами деятельности людей (работа мастера, спортивное состязание, ведение боевых действий и т.д.) может доставлять эстетическое удовольствие зрителю, достаточно компетентному в этой сфере деятельности.

Компетентность зрителя по отношению к данному типу зрелища (своего рода культурному тексту, продуцируемому героем (героями) данного зрелища) заключается в умении выстроить МПБ(Т), в которой отражается плановое (для зрителя) сокращение дистанции между его обобщенной МВБ, то есть МВБ(П), и его обобщенной МПБ, то есть МПБ(П). В процессе прочтения данного культурного текста (просмотра соответствующего зрелища) обнаруживает степень реализации МПБ(Т). Если МПБ(Т) реализуется с дефицитом, возникают скука, разочарование, досада; если МПБ(Т) реализуется планомерно, возникает общее чувство удовлетворения. Однако если МПБ(Т) реализуется с профицитом, возникает особого рода чувство, особого рода удовольствие – удовольствие, которое мы и называем эстетическим.

Следует при этом заметить, что определенная сложность культурного текста является фактически обязательным условием для возникновения эстетического чувства. Если текст относительно прост, то он легко просчитывается, в результате чего потребителем текста выстраивается МПБ(Т), реализация которой (в процессе «чтения» текста) не сулит никаких неожиданностей. Но плановая реализация МПБ(Т) ведет (как максимум) лишь к возникновению чувства простого удовлетворения. Эстетическое удовольствие всегда связано с обретением профицита МПБ(Т), который может получиться только в случае достаточно сложного, а потому до конца не просчитываемого, в определенной мере непредсказуемого текста. Надо, конечно, помнить, что оборотной стороной усложнения текста с целью реализации МПБ(Т) потребителя этого текста с профицитом является возможность получения соответствующей МПБ(Т) с дефицитом, что ведет, как минимум, к глубокому разочарованию потребителя.

В свете вышеизложенного становится вполне понятной характерная тенденция, заключающаяся в том, что общая эволюция культурных текстов, порождаемых с целью индуцирования у потребителя эстетического удовольствия, демонстрирует нарастающую сложность таких текстов. Эту тенденция широко известна и может быть прослежена на материале любых форм искусства: литературы, живописи, музыки и т.д.

В современном (много чего повидавшем и много с чем знакомым) гиперинформационном обществе отнюдь не просто создать культурный текст, действительно вызывающий эстетическое удовольствие. Во многом именно поэтому современное искусство испытывает очевидную тенденцию к вульгаризации. В общем массиве производимых сегодня культурных текстов художественного плана преобладает контент, ориентированный на получение относительно простых видов удовольствия за счет вовлечения зрителя в виртуальный мир практик, самих по себе вызывающих удовольствие (спортивные зрелища, компьютерные игры, порнография). Затратная и рискованная деятельность по продуцированию высоко эстетичных культурных текстов фактически маргинализируется, оставаясь уделом небольшой группы профессионалов (с точки зрения производства такого рода текстов) и культурных эстетов (с точки зрения их потребления).

Заключение

Произведена попытка провести анализ эстетической эмоции с ранее не практиковавшихся, концептуально новых позиций, для чего использовались наработки относительно недавно возникших дисциплинарных направлений наук о человеке, в частности когнитологии и такого нового направления современной психологии, как информационная теория эмоций.

Проведенный нами анализ эстетической эмоции позволил раскрыть механизм и условия возникновения эстетической эмоции, вписав их в сложившуюся на уровне современного уровня развития наук о человеке картину организации и функционирования эмоциональной сферы человека.

В рамках проведенного анализа показано, что эстетическая эмоция в своем возникновении не обязана исключительно искусству и не должна быть напрямую отождествляемой с последним. Искусство будит чувства в первую очередь через вовлечение человека – потребителя художественного культурного текста, то есть произведения искусства, в особого рода виртуальные миры. Будут ли эти чувства дополняться (сопровождаться) возникновением эстетической эмоции заранее предсказать, по сути, невозможно. Это зависит от выстраивающейся в процессе освоения соответствующего культурного текста диалектики отношений между культурными компетенциями потребителя культурного текста, с одной стороны, и авторской выстроенностью данного культурного текста, с другой стороны.

Проведенный в настоящей статье анализ эстетической эмоции во многом проясняет специфику эстетической эмоции и открывает дополнительные перспективы как в плане понимания эстетической эмоции, так и в плане более эффективных практик порождения эстетической эмоции.

Список литературы

1. Выготский Л.С. 2001. Анализ эстетической реакции. М., Издательство «Лабиринт», 480 с.
2. Тулмин С. 1981. Моцарт в психологии. Вопросы философии, 10: 127–137.
3. Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. 2003. Под ред. В.В. Бычкова. М., РОСПЭН, 607 с.
4. Симонов П.В. 1981. Эмоциональный мозг. М., Наука, 215 с.
5. Черников М.В. 1997. Принципы мышления. Воронеж, Изд-во ВГПУ, 126 с.
6. Черников М.В. 2007. Человек. Команда. Общество. Воронеж, ИММиФ, 176 с.
7. Черников М.В. 2010. Эстетическая функция культурного текста: причина и логика порождения. В кн.: Культурное многообразие: от прошлого к будущему. Тексты участников Второго Российского культурологического конгресса с международным участием (Санкт-Петербург, 25–29 ноября 2008). СПб, Эйдос: 826–832.
8. Черников М.В. Перевозчикова Л.С. 2016. Когнитивное обеспечение человеческой деятельности. Вестник Санкт-петербургского государственного университета культуры и искусств, 3(28): 62–65.
9. Якобсон Р. 1975. Лингвистика и поэтика. В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., Прогресс, 193–230.
10. Эко У. 1998. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., ТОО ТК «Петрополис», 544 с.

References

1. Vygotsky L.S. 2001. Analiz esteticheskoy reakcii [Analysis of the aesthetic response]. M., Publ. Labyrinth, 480 p.
2. Tulmin S. 1981. Mozart v psikhologii [Mozart in psychology]. Voprosy filosofii, 10: 127–137.
3. Lexicon nonklassiki. Hudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka [Lexicon of nonclassics. Artistic and aesthetic culture of the twentieth century]. 2003. Ed. V.V. Bychkov. M., Publ. ROSPEN, 607 p.
4. Simonov P.V. 1981. Emocional'nyy mozg [The Emotional Brain]. M., Publ. Nauka, 215 p.

5. Chernikov M.V. 1997. Principy myshleniya [Principles of Thinking]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University, 126 p.
6. Chernikov M.V. 2007. Chelovek. Komanda. Obschestvo. [Man. Instruction. Society]. Voronezh, IMMIF, 176 p.
7. Chernikov M.V. 2010. Esteticheskaya funkciya kul'turnogo teksta: prichina I logika porozhdeniya [Aesthetic function of the cultural text: the reason and the logic of generation]. In: Kul'turnoye mnogoobrazie: ot proshlogo k buduzhemu [Cultural diversity: from the past to the future]. Texts of the participants of the Second Russian Cultural Congress with International Participation (St. Petersburg, November 25–29, 2008). St. Petersburg, Publ. Eidos: 826–832.
8. Chernikov M.V. Perevozchikova L.S. 2016. Kognitivnoye obespecheniye chelovecheskoy deyatel'nosti [Cognitive support of human activity]. Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts, 3 (28): 62–65.
9. Jakobson R. 1975. Lingvistika I poetika [Linguistics and poetics]. In: Strukturalizm “za” I “protiv” [Structuralism: Pros and Cons]. M., Publ. Progress: 193–230.
10. Eco U. 1998. Absent structure. Introduction to Semiology. SPb., Publ. Petropolis, 544 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черников Михаил Васильевич, профессор кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного технического университета, г. Воронеж, Россия

Перевозчикова Лариса Сергеевна, профессор кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного технического университета, г. Воронеж, Россия

Авдеенко Евгения Викторовна, старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного технического университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Michael V. Chernikov, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation

Larisa S. Perevozchikova, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation

Evgeniia V. Avdeenko, Senior lecturer of Philosophy, Sociology and History Chair, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation

УДК 821.161.1: 177

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-81-88

Образ любви в отечественной философии культуры

Дмитрийчук А.Ю.

Белгородский институт развития образования,
Россия, 308007, Белгород, Студенческая, 14
E-mail: angelina.dm@mail.ru

Аннотация. Трансформационные процессы в обществе, такие как девальвация нравственных ценностей, либерализация половой морали, диктуют необходимость поисков путей духовной реабилитации и обращения к понятию любовь. Цель исследования – выявление философско-антропологических и философско-культурологических особенностей формирования образа любви в отечественной философии культуры. С опорой на сравнительный и исторический принципы познания, а также философско-антропологический и философско-культурологический подходы анализируется проблема любви в творческом наследии С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, В.С. Соловьева, И.С. Тургенева. Выделены два направления: первое – продолжающее идеи В.С. Соловьева, второе – продолжающее идеи П.А. Флоренского. Выявлено, что образ любви в изображении И.С. Тургенева, С.Н. Булгакова антонимичен и амбивалентен. Названы сходства в понимании любви И.С. Тургенева и В.С. Соловьева: необходимость забыть о себе, выйти за пределы собственного феноменального бытия в сферу другого. Показано, что отечественные философы, мыслители, писатели трактовали образ любви в единстве общечеловеческих и религиозных начал, изображая любовь многопланово: как высокое, неземное чувство, квинтэссенцию божественного; как душевно-чувственную доминанту. В конце XIX – начале XX вв. в России господствовало традиционно-нормативное представление о любви, но начали проявляться тенденции трансформации как образа любви, так и образа семьи.

Ключевые слова: образ любви, половая любовь, брачная любовь, трагизм любви, антиномия любви.

Для цитирования: Дмитрийчук А.Ю. 2021. Образ любви в отечественной философии культуры. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 46 (1): 81–88. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-81-88

The image of love in domestic philosophy of culture

Angelina Yu. Dmitriyчук

Belgorod Institute for Educational Development,
14 Studentskaya St, Belgorod, 308007, Russian Federation
E-mail: angelina.dm@mail.ru

Abstract. Transformation processes in society such as the devaluation of moral values, the liberalization of sexual morality dictate the need to search for ways of spiritual rehabilitation and appeal to the concept of love. The purpose of the study is to identify philosophical-anthropological and philosophical-cultural features of the formation of the image of love in the Russian philosophy of culture. The author analyzes the problem of love in the creative heritage of S.N. Bulgakov, P.A. Florensky, V.S. Solovyov, I.S. Turgenev based on the comparative and historical principles of cognition, as well as philosophical-anthropological and philosophical-cultural approaches. According to the study two directions were highlighted: the first continues the ideas of V.S. Soloviev, the second – those of P.A. Florensky. It was revealed that the image of love in the depiction of I.S. Turgenev and S.N. Bulgakov was antonymous and ambivalent. The similarities are named in the understanding of love by I.S. Turgenev and V.S. Solovyov: the need to forget about oneself, to go beyond one's own phenomenal existence into the sphere of another. The conclusions were drawn that Russian philosophers, thinkers and writers interpreted the image of love

in the unity of universal and religious principles, depicting love in many ways: as a high, unearthly feeling, the quintessence of the divine; as a soul-sensual dominant. In the late XIX – early XX centuries the traditional normative concept of love prevailed in Russia but the trends in the transformation of both the image of love and family began to appear.

Keywords: image of love, sexual love, marriage love, the tragedy of love, antinomy of love

For citation: Dmitriychuk A.Yu. 2021. The image of love in domestic philosophy of culture. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 81–88 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-81-88

Введение

Любовь, семья, брак – эти категории являются духовно-материальным стержнем, делающим жизнь человека целенаправленной и осмысленной. Данная тематика, актуальная во все времена, особую значимость приобретает в последние десятилетия: наблюдаются всевозможные трансформации как образа любви, так и образа семьи, брака.

Проблеме любви посвящены труды отечественных мыслителей, философов, писателей: В.С. Соловьева, В.В. Розанова, Н.Ф. Фёдорова, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, Б.П. Вышеславцева, Л.И. Карсавина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и многих других. Авторы рассматривали образ любви с философско-антропологического, философско-культурологического, философско-исторического, художественно-религиозного подходов.

Представители отечественной философско-культурологической мысли второй половины XIX – начала XX вв. образ любви в большей степени связывали не с продолжением рода, а с духовно-нравственной составляющей культуры человека.

Данной проблематике посвящены современные исследования В.М. Розина [2006], А.М. Страхова [2006], Т.И. Липич, Н.А. Киселевой [2019], Е.П. Ильина [2007], М.Л. Бутовской [2004], Ю.Ю. Черного [2004] и других авторов. Однако остаются малоисследованными вопросы, связанные с категорией любви в жизни и творчестве И.С. Тургенева в рамках философско-культурологической парадигматики. Творческое наследие великого русского писателя, философа-мыслителя Ивана Сергеевича Тургенева – это гимн высоконравственной, очищающей, романтической любви.

Целью исследования является выявление философско-антропологических и философско-культурологических особенностей формирования образа любви в отечественной философии культуры. Задачи исследования: установить особенности формирования образа любви в контексте отечественной философии и культуры; проанализировать основные особенности формирования образа любви в русской культурной традиции второй половины XIX – начала XX вв.

Для решения поставленных задач мы использовали философско-антропологический и философско-культурологический подходы при анализе проблемы любви в контексте отечественной философии и культуры, а также опирались на общенаучные принципы познания: сравнительный и исторический.

Особенности формирования образа любви в контексте отечественной философии

В отечественной философии любви XIX века можно выделить два направления: одно – продолжающее идеи В.С. Соловьева, второе – продолжающее идеи П.А. Флоренского. Труды по философии любви, связанные с идеей обоснования неоплатонического эроса в русской философско-культурологической мысли,

представлены В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, Л.П. Карсавиным. Философы отдавали предпочтение индивидуальной личной любви, отрицая аскетизм, объединяя эрос и творчество.

Ортодоксально-богословское направление представлено П.А. Флоренским, С.Н. Булгаковым, И.А. Ильиным. Авторы, отстаивая родовую любовь, ориентируясь на средневековый *caritas* (жалость, сострадание, милосердие), связывали ее с идеей нравственного очищения.

П.А. Флоренский, отдавая предпочтение *agare* и *filia*, обосновывает свою точку зрения так: «Любовь есть свободное избрание: из многих личностей, Я, актом внутреннего самоопределения, избирает одну и к ней, – одной из многих, – устанавливает отношение, как к единственной, душевно прилепляется к ней» [Флоренский, 2019]. Далее автор рассуждает об исключительности супружеской любви, подчеркивая истинную суть единобрачия: «“Много” – признак несовершенства объекта любви, как такового, признак незаконченности Ты, как Ты. И много-брачие и много-дружие ложны по самой идее своей и неизбежно должны или перейти в нечто личное, – первое в едино-брачие, второе – в едино-дружие, – или же вовсе растлиться и перегнить...» [Флоренский, 2019]. Из этого следует, что многобрачие по своей сути ложно, истинно лишь единобрачие.

Система взглядов на любовь Флоренского была развита Сергеем Булгаковым, который обосновал концепцию восполнения целостности человека через единство любви и супружества. Философ констатирует: «Девственное соединение любви и супружества есть внутреннее задание христианского брака, и в таинстве подается благодать брачащимся, дабы возродить целомудрие и укреплять здоровье пола, утерянное в грехопадении» [Булгаков, 2001, с. 466].

Именно библейские тексты послужили Булгакову основой развития концепции христианской любви. Автор видит проявление любви в умении терпеть и жалеть. Булгаков приходит к выводу о существовании неустранимого антагонизма между полом и половым чувством (сексуальностью): «Жизнь пола в фактическом ее состоянии, как бы она ни протекала, имеет печать трагической безысходности и антиномической боли... Духовно-телесное соединение двух в одну плоть, как оно дано в норме творения и как оно хотя бы слабо, но все же предощущается в браке...связано в то же время и с чувством разъединения, убийства, тоски по утрате чего-то дорогого и чистого» [Булгаков, 2001, с. 460].

Булгаков свидетельствует: «Трагизм брачной любви обычно проявляется в том, что в жене умирает невеста, а в муже жених, и гаснет любовь» [Булгаков, 2001, с. 465]. При таком подходе проявляется многоликость и многогранность любви, так как мужчина одновременно выступает и в образе отца, сына, мужа, возможно, и брата, женщина же – в образе матери, дочери, сестры и жены.

Подчеркивает автор и важность сохранения целомудрия. По мнению С.Н. Булгакова, возродить целомудрие возможно через девственное соединение любви и супружества.

Для решения антиномии, сообщающей браку трагизм, заложенный в совмещении девственного духа любви с фактическим межполовым взаимодействием, Булгаков предлагает необходимым ввести дефиницию «духовный пол» как отражение некой идеальной формы брачного единения. По мнению автора, высшим выражением духовной двуполости человека является обращенность души к Богу, к Божественным ценностям.

В отличие от философов ортодоксально-богословской направленности, В.С. Соловьев, анализируя проблему любви, опирается, главным образом, на понятие «половая любовь», способствующее устранению эгоизма. Он выделяет половую любовь, называя целью такой любви духовное становление человека, подчеркивая, что «внешнее соединение, житейское и в особенности физиологическое, не имеет определенного отношения к любви. Оно бывает без любви, и любовь бывает без него» [Соловьев, 1991,

с. 151]. Автор убежден, что физиологическое соединение – не самоцель, а лишь необходимое звено для окончательной реализации.

В.С. Соловьев считает, что смысл половой любви неверно отождествлять лишь с продолжением рода: «Смысла половой дифференциации (и половой любви) следует искать никак не в идее родовой жизни и ее размножении, а лишь в идее высшего организма» [Соловьев, 1991, с. 125]. Далее автор убедительно развивает мысль о том, что «половая любовь и размножение находятся между собою в обратном отношении: чем сильнее одно, тем слабее другая» [Соловьев, 1991, с. 126]. Философ убежден, что «самая сильная любовь весьма часто бывает неразделенною» [Соловьев, 1991, с. 129].

По мнению В.С. Соловьева, любовь индивидуальна; смысл человеческой любви в том, что «невозможно признать прямого соответствия между силой индивидуальной любви и значением потомства, когда самое существование потомства при такой любви есть лишь редкая случайность. Как мы видели, 1) сильная любовь весьма обыкновенно остается неразделенною; 2) при взаимности сильная страсть приводит к трагическому концу, не доходя до произведения потомства; 3) счастливая любовь, если она очень сильная, также остается обыкновенно бесплодною» [Соловьев, 1991, с. 131].

Философ убежден, что любовь (половая) способствует сохранению равенства между любящим и любимым. «Во всех прочих родах любви отсутствует или однородность, равенство и взаимодействие между любящим и любимым, или же всестороннее различие восполняющих друг друга свойств», – утверждает философ [Соловьев, 1991, с. 141]. По мысли Соловьева, «любовь как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности...Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма» [Соловьев, 1991, с. 137]. В любви необходимо перенесение центра бытия с себя на феноменальное бытие другого: «Переноса на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической особенности, мы тем самым проявляем...свое безусловное значение, которое именно и состоит в способности переходить за границы своего фактического феноменального бытия, в способности жить не только в себе, но и в другом» [Соловьев, 1991, с. 140].

В.С. Соловьев констатирует: «Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое...Это свойственно всякой любви, но половой любви по преимуществу; она отличается от других родов любви и большей интенсивностью...и возможностью более полной и всесторонней взаимности; только эта любовь может вести к действительному и нераздельному соединению двух жизней в одну, только про нее и в слове Божьем сказано: будут два в плоть едину...» [Соловьев, 1991, с. 148].

Особенности формирования образа любви в отечественной культурной традиции

Образ любви в отечественной культурной традиции второй половины XIX – начала XX вв. преимущественно связывают с нравственностью, жертвенностью, целомудрием, иллюстрируя его с идеалистических позиций. Отражение нравственной составляющей любви можно найти в творческом наследии выдающегося писателя и философа И.С. Тургенева. Как указывает Г. Ребель, «любовь к Полине Виардо стала стержнем тургеневской жизни и предопределила не только личную судьбу, но в немалой степени и характер мировоззрения, и содержание, и пафос творчества» [Ребель, 2018, с. 19]. По мысли автора, любовь к Полине Виардо, общение с ней способствовали формированию философско-эстетического кредо И.С. Тургенева: «В общении с Виардо оттачивался его природный ум, формировалось и формулировалось эстетическое кредо, достраивалась мировоззренческая система» [Ребель, 2018, с. 19].

Отношения с Полиной Виардо воплотились в художественную форму на страницах многочисленных произведений И.С. Тургенева. Тургенев, разделяющий отчасти новоевропейские идеалы либерализации и феминизации, отразил эти идеи в произведениях, дав женщине право самостоятельно выбирать предмет любви. Согласно западноевропейским представлениям, семья, церковь не должны управлять свободой человеческого чувства. Такое свободолюбие свойственно героям и Жорж Санд, с которой писатель был дружен на протяжении всего жизненного пути, начиная с 1845 года. Женское свободолюбие и свободомыслие особенно заметны в героине повести «Ася», опубликованной в 1857 году в журнале «Современник». Обратимся к этому произведению, героиня которого первая признается в любви объекту своего чувства, что было не характерно для российских традиций XIX века.

Действие повести происходит в Германии, на берегу Рейна, где фактически было написано это произведение. Герой-рассказчик некий Н.Н. (от лица которого ведется повествование) описывает период, когда он «только что вырвался на волю и уехал за границу... посмотреть на мир Божий» [Тургенев, 2018, с. 5].

В экспозиции произведения Н.Н. сообщает о своей несчастной любви: «Я только что был поражен в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она... кокетничала со всеми – и со мною, грешным... а потом жестоко уязвила, пожертвовав мною одному краснощекому баварскому лейтенанту» [Тургенев, 2018, с. 6]. Любовная рана рассказчика оказалась неглубока, поэтому на некоторое время он решил предаться одиночеству и поселиться в городе З. (за которым явно угадывается Зинциг, Германия, где в 1857 году проживал сам И.С. Тургенев). Молодой человек завязывает знакомство с Асей и ее братом: «Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе...» [Тургенев, 2018, с. 10-11].

Далее следует описание вечера знакомства: поднялись на гору, любовались закатом. Описание пейзажа и заката придают повествованию романтическую окраску, что усиливается звуками музыки, подготавливая читателя к чему-то необычному, таинственному и возвышенному, к зарождению любовного чувства: «Музыка по-прежнему долетала до нас... Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом... Наконец луна встала и заиграла по Рейну; все осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших граненых стаканах заблестело таинственным блеском» [Тургенев, 2018, с. 13].

Предчувствие любви, счастья усиливается также введением в повествование образа крыльев как символа свободы, преодоления ограничений, сдерживающих факторов: «Если б мы с вами были птицы, – как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве...» [Тургенев, 2018, с. 42]. Главный герой вторит Асе: «А крылья могут у нас вырасти... Есть чувства, которые поднимают нас от земли...» [Тургенев, 2018, с. 42]. Конечно, автор имеет в виду чувство любви, которое способно окрылять любящего, воодушевлять, дает ему возможность нравственного и духовного обновления.

Для усиления романтического чувства И.С. Тургенев дополнительно вводит в повествование элементы искусства: музыку, танцы: «Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья» [Тургенев, 2018, с. 43]. Женщина, которую Тургенев любил на протяжении всей своей жизни, принадлежала к западноевропейскому миру искусства. Именно Полина Виардо ввела И.С. Тургенева в этот мир. Любовь тургеневских героев зарождается на фоне музыки, она подобна совершеннейшим творениям искусства.

Итак, герои повести «Ася» уже предчувствуют приближение любви, счастья, однако их мечтам не суждено сбыться, главному герою не хватает мужества вовремя признаться Асе в своих чувствах. Между Гагиным (братом Аси) и героем-любовником происходит объяснение, затем и сама Ася, подобно пушкинской Татьяне, признается Н.Н. в любви. Она готова на все ради возлюбленного: «Скажите мне, что я должна читать?»

Скажите, что я должна делать? Я все буду делать, что вы мне скажите, – прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне» [Тургенев, 2018, с. 53].

«Наш Ромео», как верно подметил Н.Г. Чернышевский [2011–2018], не оценил невинный доверчивый порыв Аси, который остался без ответа. Героиня восклицает: «Крылья у меня выросли – да лететь некуда». Иными словами, Ася впервые искренне полюбила; объектом любви, идеалом мужчины становится именно Н.Н.; она готова подняться и парить над повседневной действительностью, переносясь в мир идеальных, возвышенных чувств, но герой вовремя не отвечает взаимностью.

Жизнь по течению, молодость, эгоизм, филистерство (обывательская эгоистическая ограниченность) не позволили главному герою ответить на любовь Аси. Н.Н. безотчетно любит Асю, но не спешит утолить эту жажду счастья, благоразумно рассуждая: «Жениться на семнадцатилетней девочке, с ее нравом, как можно!» [Тургенев, 2018, с. 53]. Даже в момент последней встречи главный герой, взволнованный близостью возлюбленной, не готов взять ответственность на себя. Он перелагает ответственность на Асю, обвиняя ее в неумении скрыть свои чувства от брата: «Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас все высказать вашему брату? ... И вот теперь все кончено! ... Теперь нам должно расстаться...» [Тургенев, 2018, с. 58].

Нам представляется, что образ любви в творчестве И.С. Тургенева амбивалентен: любовь между героями развивается стремительно, но также стремительно и исчезает, оставаясь на всю жизнь недосыгаемым райским идеалом, давая на короткий промежуток времени пережить это ни с чем несравнимое чувство любви здесь, на земле. Только искренне любящий человек живет по-настоящему – в этом суть бытия.

Мы разделяем точку зрения митрополита Иллариона (Алфеева), который в своем исследовании пишет: «Любовь между мужчиной и женщиной даже в ее современном, искаженном и страстном состоянии, все-таки сохраняет в себе некие черты, некие отблески первоначальной любви райской: в конечном счете, она может быть объяснена как тоска по утраченному блаженству» [Илларион, 2003, с. 240].

По нашему мнению, образ любви, представленный в творческом наследии И.С. Тургенева, не только амбивалентен, но и антонимичен, что связано с его личной жизнью, а именно с любовью к Полине Виардо. Тургеневские герои, как и сам автор, любят глубоко, искренне, один раз и на всю жизнь. По Тургеневу, любовь – это не только моменты радости (кратковременной), полета, но и моменты страдания. В любви приходится забыть о себе, поступиться со своим я. Так об этом пишет И.С. Тургенев в стихотворении: «Любовь – самое высокое, самое неземное чувство. Чужое я внедрилось в твое: ты расширен – и ты нарушен» [Тургенев, 2002, с. 203].

Тургенев размышляет над смыслом любви, и эти размышления разлиты на многочисленных страницах его произведений. Рассмотрим стихотворение в прозе «Воробей», которое посвящено Полине Виардо.

Рассказчик возвращался с охоты, рядом бежала собака. Вдруг неподалеку он увидел выпавшего из гнезда желторотого воробья, который «сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки» [Тургенев, 2002, с. 55]. Собака медленно начала движение в сторону молодого воробья, как вдруг перед ее мордой упал старый черногрудый воробей, защищая свое потомство. Его маленькое взъерошенное тело трепетало от ужаса, но несмотря ни на что он жертвовал собой. Автор подводит читателя к мысли, что смысл настоящей любви – в умении жертвовать, о чем И.С. Тургенев и повествует в этом стихотворении: «Я благоговел перед маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом. Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» [Тургенев, 2002, с. 56]. Величайший писатель всей своей жизнью и любовью к единственной возлюбленной Полине Виардо доказал это.

Заклучение

Таким образом, можно сделать следующие выводы: трактовка жертвенной любви в понимании И.С. Тургенева сродни христианскому пониманию любви, которое находит отражение в Новом Завете, в посланиях апостола Павла: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится. Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла. Не радуется неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит...». В этих словах отражена суть любви, а вместе с тем и суть человеческого бытия. Мужчине и женщине, созданным по образу и подобию Божию, дается возможность через чувство любви постичь эту премудрость. Чем больше в любви человек учится жертвовать, тем в большей степени он нравственно совершенствуется, проходя этапы духовного восхождения. Именно любовь «является тем связующим звеном, которое позволяет... ощутить полноту счастья» [Дмитрийчук, 2018, с. 336], полноту бытия.

Русские философы, писатели, выдвигали и защищали духовные ценности, изображая любовь многопланово: как высокое, неземное чувство, квинтэссенцию божественного; как душевно-чувственную доминанту. Отечественные мыслители трактовали образ любви в единстве общечеловеческих и религиозных начал, иллюстрируя его амбивалентность и антиномичность. В конце XIX – начале XX вв. в России господствовало традиционно-нормативное представление о любви, но начали проявляться тенденции трансформации как образа любви, так и образа семьи.

Список источников

1. Булгаков С.Н. 2001. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., ООО «Издательство АСТ»; Харьков, Фолио, 672 с.
2. Илларион (Алфеев), митр. Волоколамский. 2003. О браке и монашестве. В кн.: Семья в постатеистических обществах. Сост. К. Сигов. Киев, Дух і літера, 2002. С. 20–35.
3. Соловьев В.С. 1991. Смысл любви: Избранные произведения. Сост., вступ. ст., коммент. Н.И. Цимбаева. М., Современник, 525 с.
4. Тургенев И.С. 2018. Первая любовь. Ася. Вешние воды [повести]. Москва, Издательство АСТ, 352 с.
5. Тургенев И.С. 2002. Стихотворения в прозе. Орел, издатель Александр Воробьев, 240 с.
6. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Электронная книга. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdienie-istiny/13 (дата обращения 17 ноября 2019).
7. Чернышевский Н.Г. 2011–2018. Русский человек на rendez-vous. Электронная книга. URL: <https://www.rulit.me/books/russkij-chelovek-na-rendez-vous-statya-read-311593-1.html> (дата обращения 09 марта 2020).

Список литературы

1. Бутовская М.Л. 2004. Тайны пола: Мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=278793&p=1> (дата обращения 5 февраля 2020).
2. Дмитрийчук А.Ю. 2018. К вопросу о трансформации семьи в современном российском обществе. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 43 (2): 332–339. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-332-339.
3. Ильин Е.П. 2007. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., Питер, 544 с.
4. Ребель Г.М. 2018. Тургенев в русской культуре. М., СПб., Нестор-История: 376 с.
5. Розин В.М. 2006. Любовь в зеркалах философии, науки и литературы. М., Московский психолого-социальный институт, 464 с.
6. Киселева Н.А., Липич Т.И. 2019. Философско-антропологические образы и смыслы любви в русской культуре и философии рубежа XIX–XX веков. Белгород, ООО «Эпицентр», 144 с.

7. Страхов А.М. 2006. Отечественная философия пола и любви (культурно-филос. антропология): XIX – начала XX вв. Ростов-на-Дону, Изд-во СКНЦ ВШ АПСН, 147 с.
8. Черный Ю.Ю. 2004. Философия пола и любви Н.А. Бердяева. М., Наука, 132 с.

References

1. Butovskaya M.L. 2004. Tajny pola: Muzhchina i zhenshchina v zerkale evolyucii [Secrets of Sex: Man and Woman in the Mirror of Evolution]. Fryazino. [http:// www.litmir.me/br/?b=278793&p=1](http://www.litmir.me/br/?b=278793&p=1) (accessed: 5 February 2021).
2. Dmitriichuk A.Yu. 2018. K voprosu o transformacii semi v sovremennom rossiiskom obschestve [On the issue of family transformation in modern Russian society]. Scientific statements of the Belgorod State University Series: Philosophy. Sociology. Right. 43 (2): 332–339. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-332-339.
3. Ilin E.P. 2007. 2007. Differencialnaya psihofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny [Differential psychophysiology of men and women]. SPb., Publ. Piter, 544 p.
4. Rebel G.M. 2018. Turgenev v russkoi culture [Turgenev in Russian culture]. M., SPb, Publ. Nestor-Istoriya, 376 p.
5. Rozin V.M. 2006. Lyubov v zerkalah filosofii, nauki i literatury [Love in the mirrors of philosophy, science and literature]. M., Moscow Psychological and Social Institute: 464 p.
6. Kiseleva N.A., Lipich T.I. 2019. Filozofsko-antropologicheskie obrazy i smysly lyubvi v russkoj kulture i filosofii rubezha XIX–XX vekov [Philosophical and anthropological images and meanings of love in Russian culture and philosophy at the turn of the XIX–XX centuries]. Belgorod, Publ. Epicenter LLC: 144 p.
7. Strahov A.M. 2006. Otechestvennaya filozofiya pola i lyubvi: (ku'turno-filos. antropologiya): XIX – nachala XX vv. [Domestic philosophy of sex and love: (cultural and philosophical anthropology): XIX – early XX centuries]. Rostov-na-Donu, Publishing house SKNTs VSh APSN, 147 p.
8. CHernyj YU.YU. 2004. Filozofiya pola i lyubvi N.A. Berdyayeva [Philosophy of sex and love N.A. Berdyayeva]. M., Publ. Science, 132 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрийчук Ангелина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента общего и профессионального образования Белгородского института развития образования, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Angelina Yu. Dmitrichuk, PhD, Associate Professor, Department of Management of General and Vocational Education, Belgorod Institute for Educational Development, Belgorod, Russia

УДК 37.013

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-89-98

Проблема рационализации общественного сознания в современной России

¹⁾Опошнянский А.В., ²⁾Данильченко Т.Ю.

¹⁾Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова,
Россия, 350090, Краснодар, ул. Дзержинского, 135
E-mail: alekseyvo9@ya.ru

²⁾Краснодарский государственный институт культуры,
Россия, 350072, Краснодар, ул. 40-летия Победы, 33
E-mail: semiotike@rambler.ru

Аннотация. В России как социуме постсоветского типа наблюдается значительный удельный вес нерационального (обывательского, суеверного, мистического, иллюзорного) сознания. Это препятствует рациональному развитию страны на научной основе, в частности на основе научно-технической революции. Авторы полагают, что рационализацию социума в целом надо начинать с науки и образования. Это будет способствовать переходу социума от доминирования нерационального сознания и общественных отношений в России к рационально обустроенному социуму во всех своих сферах. Авторы предлагают решение этой проблемы. Ведущим звеном в этой трансформации предстает гуманитарная наука. В статье дан набросок новой системы подготовки и аттестации молодых ученых (магистратура, аспирантура). Для этого предложено использовать информационно-аналитическую систему, подобную комплексной информационной аналитической системе Российского фонда фундаментальных исследований. Использование принципов критической рациональности позволяет преодолевать нерациональный дискурс и повышать степень рациональности как научного сознания, так и общественного сознания в целом. Это позволит увеличить культурный капитал социума в целом.

Ключевые слова: общество, общественные отношения, рационализация, рациональность, культурный капитал, общество знания.

Для цитирования: Опошнянский А.В., Данильченко Т.Ю. 2021. Проблема рационализации общественного сознания в современной России. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 46 (1): 89–98. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-89-98

The problem of rationalizing public consciousness in contemporary Russia

¹⁾ Alexey V. Oposhnyansky, ²⁾ Tatiana Yu. Danilchenko

¹⁾Krasnodar highest military aviation college of pilots
of a name of the Hero of the Soviet Union A.K. Serov,
135 Dzerzhinsky St, Krasnodar, 350090, Russian Federation
E-mail: alekseyvo9@ya.ru

²⁾Krasnodar state Institute of culture,
33 40-letiya Pobedy St, Krasnodar, 350072, Russian Federation
E-mail: semiotike@rambler.ru

Abstract. The article considers the problem of rationality in modern Russian society. It is noted that in Russia as a post-Soviet-type society there is a significant specific weight of irrational (obedient, superstitious, mystical, illusory) consciousness. This hinders the rational development of the country on a scientific basis, in particular on the basis of the scientific and technological revolution. The authors believe that the

rationalization of society as a whole should begin with science and education. This will contribute to the transition of the society from the dominance of irrational consciousness and social relations in Russia to a rationally established society in all its spheres. The authors propose a solution to this problem. Humanitarian science is the leading link in this transformation. The article provides an outline of the new system of training and certification of young scientists (master 's degree, postgraduate studies). For this purpose, it is proposed to use an information and analytical system similar to the integrated information analytical system of the Russian Foundation for Basic Research. The use of the principles of critical rationality allows to overcome irrational discourse and increase the degree of rationality of both scientific consciousness and social consciousness in general. This will increase the cultural capital of the society as a whole.

Key words: Society, social relations, rationalization, rationality, cultural capital, knowledge society.

For citation: Oposhnyansky A.V., Danilchenko T.Y. 2021. The problem of rationalizing public consciousness in contemporary Russia. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 89–98 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-89-98

Введение

Наука развивается не в вакууме, а в определенной социокультурной среде. Чтобы социум или, скажем, мегаполис, был инновационным, в нем должна быть соответствующая социальная среда, атмосфера заинтересованности в использовании рационального знания. Более того, рациональность должна быть встроена в онтологические основания такого социума. Это должен быть социум, онтологической основой которого является понимание, убеждение, основанное на критическом знании. Поэтому мы считаем, что развитие научной исследовательской деятельности и образования в нашей стране играет ключевую роль для перехода общественного сознания страны на новый уровень рациональности.

К сожалению, распад СССР, кризис коммунистического сознания способствовали росту религиозности, недоверию к научному разуму, распространению псевдонаучных, иллюзорных форм сознания. Казалось бы, информационно-компьютерные технологии должны рационализировать общественные отношения. Например, Дубай в 2020 г. на муниципальном уровне перешел на бесписьменную информатику¹. Однако в России компьютеризация не может преодолеть могущество паразитической бюрократии, которая в целом является главным источником нерациональности социальных отношений. Информационные технологии должны использоваться для преодоления бюрократизма, сокращения чиновничьего аппарата, защиты гражданских прав, повышения роли механизмов самоорганизации в государстве. Чисто прикладное использование ИКТ не способствует рационализации социума.

Однако социально-гуманитарные дисциплины оказались проигнорированы в списке основных направлений и критических технологий в 2002 г., а также в Федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы». Аналогичная ситуация наблюдается сейчас, что является отражением и выражением явного гражданского невежества. Недооценка гуманитарного знания означает непонимание его роли в деле формирования рационального социума [Гриценко, 2014, с. 23].

Однако требуют обновления методы и технологии подготовки самих научных кадров. Вопросы подготовки научных работников в аспирантуре являются крайне актуальной проблемой. Если в советские времена на защиту вовремя выходили 25 % аспирантов, то в настоящее время эта доля равняется 12 %. О нерациональности этой формы деятельности говорят и другие результаты: растет число фейковых защит,

¹ Эта цель озвучена на IX конгрессе СмартСити в Барселоне. <http://www.smartcityexpo.com/en/home> (дата обращения: 15 декабря 2019)

сравнительно большой процент диссертаций выполнены с большими объемами заимствований.

Естественно, что полный объем полезного знания в обществе нельзя редуцировать лишь к научному знанию. Управленческий опыт требует своего обобщения и внедрения инноваций. Поэтому надо понимать, что дифференциация знаний не является разделением поля однородной информации – эта информация качественно разнородна. Наряду с полем чистого академического знания есть поле знания, в котором социальный и личностный опыт тесно переплелись, например, опыт управленческого знания. Эта сфера знания качественно отличается от объективной информации и включает в себя тесное единство знаний, умений, навыков, субъективного опыта. Поэтому следует дифференцировать линейку ученых степеней кандидата и доктора наук и присуждать эти звания не только в академической, научной сфере, но и в сфере иной профессиональной деятельности – доктор образования (Education Doctor), доктор государственного управления (of Public Administration), доктор в области бизнес-администрирования (doctor of Business Administration).

Задача исследования – изложить основные принципы системы подготовки научных кадров исследователей (магистрантов, аспирантов, докторантов). Основной предмет исследования – научная подготовка аспирантов региональных вузов с учетом основных моментов организации их учебной и исследовательской деятельности во взаимосвязи с системой рецензирования, аттестации, публикации. Основная цель – обосновать эффективную систему обучения исследовательской деятельности в области социально-гуманитарных наук в региональных вузах.

Материалы и методы. Материалом послужили открытые источники по вопросам развития современной науки, подготовки аспирантов преимущественно философско-методологического и методического характера, самонаблюдения ученых.

Методологической основой являются следующие принципы понимания науки:

- понимание науки как сложной самоорганизующейся системы,
- цивилизационный подход к науке и обществу,
- интенционально-смысловая теория сознания и понимания,
- информационно-коммуникативный подход к познанию, пониманию и истине,
- критический рационализм как методология познания и истины.

От администрирования к самоорганизации

В советский период 1970–1990 гг. главными руководствами в социально-гуманитарном научном исследовании были работы по диалектической логике Б.М. Кедрова [2007], Э.В. Ильенкова [1974], П.В. Копнина [1973]), по теории и методологии науки Г.А. Рузавина [2017], В.С. Швырева [2003], Л.А. Микешиной [2005], по философии и теории научного поиска Е.Я. Режабек [1968], О.И. Кедровского [1982], по философии науки В.С. Степина [1999], науковедению М.К. Петрова [2006], формальной логике А.А. Зиновьева [1965], Ю.А. Петрова [1991].

Были работы более прикладного характера по требованиям к написанию и оформлению диссертаций. Но чаще всего это были справочники.

В настоящее время доминирующим стал организационно-методический и инструментальный аспект (Б.И. Бедный, В.П. Гриценко, В.С. Сенашенко, С.Д. Резник, И.С. Чемезов и др.). Необходимость кардинальных изменений обусловлена рядом обстоятельств, в частности, сменой парадигмы научного знания, широким внедрением информационно-компьютерных технологий (ИКТ) в научный процесс, глобализацией научной коммуникации. Однако предлагаемые решения, как правило, не выходят за рамки бюрократических компетенций.

Советская система аспирантуры основывалась на отборе кандидатов на вступительных экзаменах и отсеивала на заключительном этапе тех, кто не подготовил

диссертацию и не защитился. Мы предлагаем модель технологичную, в которой практически запрограммировано получение позитивного результата. Но эта форма аспирантуры, являясь подготовкой исследователя, не является формой подготовки педагогических кадров. Педагогическая аспирантура функционирует по-другому, и в ней доминируют другие компетенции: стиль, ораторские способности, учебные тексты и презентации, популяризация, коммуникабельность. В советской же системе это считалось нераздельным.

Нерациональность существующей системы российского социума имеет тотальный характер, начиная от государственных органов и спецслужб, заканчивая наукой, которая по определению должна быть квинтэссенцией рациональности. Наше предположение и предложение состоит в том, что рационализацию российского социума следует начать с модернизации в сфере образования и науки, которые по своей внутренней сущности призваны быть средоточием рациональности. В частности, фундаментальные философские основания той модели научной рациональности, которая функционирует в России, уже устарели, и их пора заменить на более адекватные для современного социума.

Вначале сформулируем основные положения для новой модели рациональности, оппозитные существующей, уже устаревшей:

1) современная модель реализуется в условиях глобализации, поэтому она характеризуется превалированием глобального над локальным, что также является основой современного деления потоков научной информации на мейнстрим и «островную» науку. Некоторые исследователи, особенно в провинции, порой не понимают, что произошла информационно-коммуникативная революция в науке, и в современной системе научной коммуникации разительно обозначился мейнстрим и т.н. «островная наука» [Гриценко, 2018, с. 12], в которой исследователи оперируют, как правило, уже сформулированными, вторичными знаниями. Поэтому первый шаг исследователя должен включать в себя освоение правил, методов, приемов, входящих в современные информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) и тесно связанных с наукометрическими базами данных;

2) современность демонстрирует, что наряду с наукой как исследовательской деятельностью возникло здание наукометрии, публикаций, библиотек, которое по законам рыночной экономики оценивает эффективность научных исследований, возник целый рынок спроса и предложений для публикации в высокорейтинговых журналах, услуги в сфере искусственного увеличения рейтинга публикаций и пр.;

3) современная модель исследовательской деятельности должна опираться на передовые формы социальной практики, в первую очередь те, которые наработаны в области передового опыта, в формах бизнес активности и которые применимы и в науке;

4) использование ИКТ придает научно-познавательному процессу больше алгоритмичности и технологичности, чем ранее, делает информационные процессы крайне динамичными.

Для того, чтобы придать технологичность, алгоритмичность, динамику современному процессу подготовки научных кадров (магистратура, аспирантура), мы бы внесли в этот процесс следующие коррективы.

Во-первых, произвели институциональные изменения в процессе подготовки аспиранта (магистранта) путем внедрения в его подготовку с самого начала институтов коучинга или тьюторов. Современная социально-экономическая и социально-техническая структура человеческих взаимоотношений сильно изменилась, поэтому уже изначально исследователь взаимодействует со специалистами иной прагматики, чем наука, и иного типа аналитического и оценочного мышления.

Попутно заметим, что функции и структура научного отдела вуза в этих условиях должны быть кардинально изменены. Собственно аналитическая деятельность сокращается, потому что многие наукометрические данные автоматически поставляются

соответствующими базами, в то же время прописку по линии научного отдела (или другого) могут получить коучеры и маркетологи.

На начальном этапе, после того, как на основе консультации с научным руководителем аспирант получает тему исследования, он попадает «в руки» коуча. С его помощью он развивает ряд навыков, которые ему необходимы в дальнейшем. Он осваивает систему международной научной коммуникации, без которой современный исследователь остается на уровне островной науки. Для того, чтобы попасть в мейнстрим, аспирант (магистрант) должен попасть в международное сообщество ученых, скооперированное современными издательскими проектами, наукометрическими базами данных, библиотеками. Он должен, например, освоить инструментарий Web of Science, касающийся пользования наукометрическими данными, составления библиографии, пользования источниками. Большую роль играет освоение And Not как текстового и интеллектуального помощника в научной работе, необходимо научиться ориентироваться в научных изданиях, периодике, освоить требования к подготовке современных научных изданий. Кроме того, вместе с коучем он должен пройти тренинг современного академического стиля как на русском, так и на международном языке – английском. Завершится все это должно не просто собеседованием или тестированием, а подготовкой первой научной статьи на английском языке для международного издания.

Важность первого этапа очень значительна, так как он определяет формат научной подготовки в целом. Согласно методике коучинга, аспирант (магистрант) должен усвоить, что процесс исследовательской деятельности имеет множество алгоритмических, стандартизированных действий, которые вытекают из стандарта самой работы: введение (актуальность, степень исследованности, проблема, гипотеза, объект, предмет, цель и задачи, новизна, теоретическая и практическая значимость, список публикаций), основная часть и ее структура, заключение, библиография. Научный стиль изложения должен сформироваться в процессе описаний исследований.

Научный поиск также имеет ряд стандартных операций: формулировку проблемы, гипотезы, вспомогательных гипотез, разработку теории. Экспедиция или экспериментальная часть состоит из алгоритмов. Коучер (тьютор) обеспечивает тренировку молодого исследователя на стандартных алгоритмах научного поиска, обучая работать в рамках «фабрики мысли», когда коллектив одновременно занимается решением какой-либо проблемы, и в рамках «научного конвейера», когда исследователи обеспечивают разные стадии одного исследования. Наконец, коучер – это мотиватор, он нравственно-психологически заинтересовывает и стимулирует молодого ученого.

На плечи научного руководителя ложится, с одной стороны, выбор основной стратегии и темы, с другой – получение результата. Руководитель обучает научному мышлению, способам решения научных проблем вербально и собственным примером. С нашей точки зрения, основная задача руководителя – научить аспиранта рефлексивно мыслить. Однако пониманию непосредственным способом научить нельзя. Но руководитель учит этому косвенным способом, участвуя в научном диалоге. Поэтому важная роль отводится в этом процессе научному семинару. Знаменитые семинары такого рода – семинары И.П. Павлова, Л. Ландау, М. Лотмана – известны всему миру. Молодые ученые поочередно делают доклады и каждый участвует в дискуссии. Руководитель помогает участникам семинаров в интенциональном диалоге осваивать специфические формы рефлексивного, интерпретационного мышления [Богин, 2001].

Сциентизм плюс (минус) гуманитаризация

Основной недостаток современной отечественной стратегии развития науки и образования – это сциентизм, технократизм. Правительство делает ставку лишь на естественные, технические науки. Российский гуманитарный фонд ликвидирован, в стратегических направлениях развития науки обозначены биомедицина, генетика,

новые материалы, робототехника. Социально-гуманитарные направления – развитие личности, интеллекта – не обозначены или редуцированы к задачам безопасности, противостояния угрозам.

Такая политика вызвана непониманием ведущей роли развития гуманитарных наук. Поясним, чем с нашей точки зрения, вызван приоритет гуманитаризации:

1) именно через гуманитарные науки формируются коренные смыслы и ценности гражданина страны, понимание смысла жизни как своего места в социальной структуре общества, формирование духовных целей и приоритетов;

2) человеческое сознание, а тем более сознание ученого есть специфический вид психики, которая работает в культурно-смысловых языковых кодах, передающихся и осваиваемых через сети внутрипоколенной и межпоколенной смысловых коммуникаций. Мышление естествоиспытателя или инженера как культурно-исторический субстрат есть явление гуманитарное, работающее в интенциональных кодах в форме понимания. Поэтому понимание является важной формой интеллектуальной активности как гуманитария, так и негуманитария. В социуме имеется набор социальных институтов и «технологов» – это воспитатели, учителя, философы и др. социальные технологи, которые в рамках каждой культуры поставляют языки смыслового понимания и прививают навыки интерпретационного мышления. В процессе интенционального диалога молодой ученый осваивает навыки рефлексивного мышления, а сетевые информационно-коммуникативные технологии расширяют пространство его смыслов до универсального, глобального. Естествоиспытатель как субъект не создает на основе наличной стимуляции изначально образ, чтобы потом поместить его в свою картину мира, и не разворачивает в соответствии с этим деятельность. В определенной мере все происходит наоборот: усвоенные в рамках научной школы концепты (смысл, идеи, ценности, оценки, навыки и «образ мира») служат априорной основой для восприятия объекта познания как понятного, наполненного смыслами человеческой деятельности. Попутно заметим, что эта главная задача образования – учить рефлексивному пониманию со школьных времен;

3) молодой ученый – магистрант, аспирант – должен пройти школу интеллектуального воспитания. В различных научных учреждениях для этой цели могут использоваться разнообразные средства, например, теоретический семинар под руководством научного руководителя, тьюторская подготовка, специальный творческий Центр в вузе.

В той примерной системе подготовки кадров, которую мы предлагаем как проект, комплексная информационная аналитическая система Российского фонда фундаментальных исследований (КИАС РФФИ), с нашей точки зрения, может быть использована для аттестации и учета кадров степени магистр, кандидат наук, доктор наук, академик.

В чем преимущество данной системы перед ныне используемой, бюрократической? Во-первых, актуальное присутствие оппонентов на защите диссертаций в настоящее время обеспечить на сто процентов невозможно, поэтому существующая система подготовки кадров в полной мере не функционирует. Электронная система более анонимна и с этой точки зрения более объективна. К тому же она менее затратна, что является преимуществом. Во-вторых, электронная система более мобильна, поэтому избавляет от множества бюрократических издержек и увеличивает скорость оборота интеллектуального капитала, а как известно, скорость обращения капитала влияет на его прибыль. При нынешнем бюрократизме возникают только задержки защиты диссертаций, реализуемые в процессе этой задержки замечания и их устранения носят, как правило, бюрократический характер.

Как будет обеспечиваться саморазвитие этой системы и ее стимулирование? С нашей точки зрения, очень просто: в поддержание статуса кандидата или доктора наук будет входить обязательное требование – написать не менее 10 рецензий на диссертации, монографии, статьи ежегодно, что также будет способствовать поддержанию высокого

уровня самоподготовки, самосовершенствованию научных кадров. Все рецензии будут общедоступны и таким образом эта система будет благоприятствовать развитию неформального рецензирования и качественного поднятия уровня научных исследований.

Мы предполагаем, что если все задумки с использованием блокчейн в этой области воплотятся и рецензирование станет одновременно тотальным и открытым, то это будет содействовать небывалому росту качества научных работ, а не формальных показателей публикационной активности, которые могут быть неточными, односторонними и могут быть фальсифицированы.

Главный принцип, обеспечивающий качество научных работ, – это тотальная критика. При отсутствии беспощадной критики дух научности угасает. Но речь идет именно о научной критике, критике идей и ни в коем случае не касается личности исследователя. Именно эту цель преследует тотальная критика в науке. Борьба научных идей, школ, направлений не подчиняется принципу остракизма, когда критикуемое направление (персона) должно быть подвергнуто «изгнанию», нет.

Принцип тотальной критики является дополнением к принципу неполноты достаточно богатых информационных, научных, в том числе формализованных систем. Поскольку неполноту, непротиворечивость сложных теоретических (логических) систем невозможно доказать, то возникает потребность во взаимодополнительности, или, как говорят, в принципе дополнительности. Однако гарантией от ошибок может служить в этом случае тотальный критицизм.

Научный критицизм не имеет никакого отношения к повседневному, поэтому ошибочно было бы делать какие-либо административные или иные выводы или приговоры в отношении той или иной альтернативной школы, теории. Этот критицизм работает сугубо в сфере критического разума, сфере идей. К сожалению, в прошлом нашей страны были сделаны трагические ошибки, когда многие ученые лишались не только карьеры, но и жизни вследствие того, что научный процесс смешивался партийными бонзами с мировоззренческим, идеологическим, религиозным.

Мы считаем, что принцип тотальной критики полностью избавит современный научный процесс от издержек псевдонауки, очистит науку от налета, привносимого бюрократическим методом организации науки. Наука может функционировать как саморазвивающаяся система. Это не значит, что государство не должно управлять наукой, однако это управление можно сделать более органичным, что достижимо через систему КИАС РФФИ, которая предусматривает проведение грантовых конкурсов.

Рациональность и конкурентная среда: уроки критического рационализма

Аттестация научных работ в этой системе, с нашей точки зрения, также будет происходить более тщательно и более объективно по следующим причинам:

– во-первых, все исследователи регистрируются в этой системе заранее. КИАС также предполагает регистрацию тем научных работ, что улучшает в целом координацию научной работы. Это не означает, что от дублирования научных работ можно избавиться на 100 %. Дублирование – закономерность развития науки, научной информации, подтверждающая ее объективность, общезначимость результатов: дублирование – один из принципов самосохранения;

– во-вторых, тема научной работы подвергается экспертизе уже на стадии заявки, которая происходит на конкурентной основе. Конкурентность является условием отбора качественной заявки. Однако надо предусмотреть и защиту от ошибок, поэтому предполагаем, что в информационно-аналитической системе должно быть пространство, где будут регистрироваться темы, поданные на основе инициативной заявки, а не по грантовому объявлению. Более того, темы, отвергнутые экспертами, могут быть заявлены неоднократно, например, до 5 раз;

– в-третьих, результаты работы представлены публично, поэтому открыты для анализа как экспертов, так и всего научного сообщества.

Окончательное решение принимается экспертами по истечении определенного назначенного срока. Ограничить рецензирование рамками отдельного вуза, отрасли несостоятельно, так как гаранта «абсолютного разума» нет ни у кого.

Вместо современных, уже архаизированных систем защиты диссертаций, основанных на личностных взаимоотношениях и переставших быть рациональными, должна восторжествовать система критического рационализма в науке и социальной практике. На международных научных конференциях можно предусмотреть специальные заседания секций, на которых заслушиваются доклады, выдвинутые на какую-либо научную степень.

Функционирование науки как критической рациональности в современном российском обществе должно способствовать оздоровлению российского социума в целом. Некритическое, формалистическое, бюрократическое, субъективистское мнение абсолютно доминирует в России и делает российский социум нерациональным. Рационализация науки и образования будет способствовать оздоровлению общественной среды в целом. На этом пути важную роль может сыграть блокчейн.

В сложившейся системе публикационной активности составляющей, связанной с критикой, рецензированием, экспертной оценкой и обсуждением научных работ уделяется несравненно меньше времени, чем это требуется. В систематических работах молодых исследователей этот раздел (степень исследованности) часто носит непринципиальный или неоригинальный характер. В рецензировании диссертаций и авторефератов принцип анонимности практически не соблюдается, непредвзятая критика сведена к минимуму. Между тем, согласно основателю аналитического метода науки Нового времени Рене Декарта, методическое сомнение является основой достоверных суждений и выводов.

Нам представляется, что в академических журналах около 10–20 % объема должны занимать критические обзоры, рецензии, дискуссии.

В служебной деятельности профессоров и ученых-исследователей, в работе магистров и аспирантов должны обязательно планироваться рецензии на статьи, монографии, диссертации, участие в дискуссиях и обсуждениях.

Критическая работа является само собой разумеющейся деятельностью по саморазвитию науки и оздоровлению научного поиска.

Точно также должна быть рационализирована существующая система рецензирования: она должна быть анонимной, принципиальной; позитивность критики заключается в признании того, что работа имеет определенное конкретное теоретическое и практическое значение и в работе сделаны новации – новые понятия, законы, тенденции.

Некритические рецензии и отзывы следует признавать несостоятельными.

Рациональная критика является основой существования науки как рациональной системы и условием для ее саморазвития.

Всем известны принципы, знание и соблюдение которых предотвращает превращение критического рационализма в абсурд:

– критика касается теории, науки и ни в коем случае не переходит на личностные качества;

– научный критицизм нельзя путать с идеологическими различиями и противоречиями, поэтому научная критика не имеет прямого отношения к идеологической;

– критика научных результатов альтернативными принципами и теориями не может быть основой для административных выводов, альтернативные теории в равной мере могут претендовать на истинность;

– научная критика служит средством уточнения истинности критикуемой теории, а не ее полного отвержения.

Информационно-коммуникационные технологии, Интернет позволяют рационализировать и ускорить процесс экспертной оценки научных работ. Наряду с технологией блокчейн уже существуют такие системы как DOI (Digital Object Identifier), представляющей цифровую идентификацию продукта научного исследования, публикации в открытом доступе, платформа одноранговых рецензий и такие широко распространенные и доступные сайты-репозитории, как ResearchGate. Кроме доступности для рецензирования, анонимности, взаимного контроля, эта система может также обеспечивать способы оплаты рецензий и публикаций, что еще более сблизит систему рынка и расчетов за услуги интеллектуальной деятельности по рецензированию и публикации.

Заключение

Авторами проанализирована современная организационная модель исследовательской деятельности. Продемонстрировано, что используемые в России организационные принципы развития научной рациональности устарели. Это касается принципов и методов академической грамотности. Методы подбора и цитирования используемой литературы, ее объем и качество также не выдерживают никакой критики, особенно в трудах периферийных авторов. Основные методы оценки достижения научных результатов носят бюрократический характер и никак не соответствуют имманентной природе научного знания и уровню теоретического знания и методологии науки, который достигнут в философии, науковедении, социологии науки.

Предлагаемые методы модернизации организационной практики в науке недостаточны, потому что неадекватны информационной цивилизации и ориентированы на бюрократические рычаги и принципы. Сциентизм и технократизм предлагаемых мер модернизации также не помогают достичь эффективных реформ, так как модернизация не может произойти без перестройки системы подготовки научных кадров. Предлагаемые меры модернизации не учитывают достижений критического реализма и других достижений из области философии науки.

Список источников

1. Зиновьев А.А. 1965. Об основных понятиях и принципах логики науки. Логическая структура научного знания. М., 160 с.
2. Ильенков Э.В. 1974. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва, Политиздат, 271 с.
3. Микешина Л.А. 2005. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М., Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 464 с.
4. Петров Ю.А. 1991. Азбука логического мышления. М., Изд-во МГУ, 110 с.
5. Режабек Е.Я. 1968. Некоторые вопросы теории гипотезы. Ростов-н/Дону: Изд. Рост. ун-та, 169 с.
6. Рузавин Г.И. 2017. Методология научного познания. М., ЮНИТИ-ДАНА, 287 с.

Список литературы

1. Богин Г.И. 2001. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 731 с.
2. Гриценко В.П., Данильченко Т.Ю. 2018. «Островная наука» и мейнстрим. В кн.: Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, КГИК: 11–14.
3. Гриценко В.П. 2014. Основные тенденции и приоритеты развития социально-гуманитарного знания. В кн.: Научно-практическая конференция «Культура и искусство Юга России: актуальные вопросы теории и практики». Краснодар, КГУКИ: с. 23.
4. Кедров Б.М. 2007. Беседы о диалектике. Шестидневные философские диалоги во время путешествия. Издание 3-е, стереотипное. Москва: Издательство «КомКнига». <http://>

//publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KEDROV_Vonifatiy_Mihaylovich/_Kedrov_V.M..html (дата обращения: 15 декабря 2019).

5. Кедровский О.И. 1982. Методы построения теоретических систем. Киев, Изд-во при Киев. ун-те, 168 с.
6. Копнин П.В. 1973. Дialeктика, логика, наука. Москва, Наука, 463 с.
7. Петров М.К. 2006. Философские проблемы науки о науке. М., Росспэн, 623 с.
8. Степин В.С. 1999. Теоретическое знание. М., Прогресс-Традиция, 390 с.
9. Швырев В.С. 2003. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М., Прогресс-Традиция, 176 с.

Referenses

1. Bogin G.I. 2001. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu germeneytiku [Obretenie sposobnosti ponimat` : Vvedenie v filologicheskuyu germeneytiku]. Tver', 731 p.
2. Gricenko V.P., Danil'chenko T.YU. 2018. «Ostrov'naya nauka» i mejnstrim. [“Island science” and the mainstream]. In: Innovacionnye processy v informacionno-kommunikacionnoj sfere. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Innovative processes in the information and communication sphere. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Krasnodar, Publ. KGIK: 11–14. Krasnodar, KGIK: 11-14.
3. Gricenko V.P. 2014. Osnovnye tendencii i priority razvitiya social'no-gumanitarnogo znaniya. [The main trends and priorities of the development of social and humanitarian knowledge]. In: Nauchno-prakticheskaya konferenciya «Kul'tura i iskusstvo YUga Rossii: aktual'nye voprosy teorii i praktiki» [Scientific and practical conference " Culture and Art of the South of Russia: topical issues of theory and practice"]. Krasnodar, Publ. KGUKI: p. 23.
4. Kedrov V.M. 2007. Besedy o dialektike. SHestidnevnye filosofskie dialogi vo vremya puteshestviya. [Talks about the dialectic. Six-day philosophical dialogues during the trip]. M., Publ. «KomKniga». <http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KEDROV> (data obrashcheniya: 15 dekabrya 2019).
5. Kedrovskij O.I. 1982. Metody postroeniya teoreticheskikh system [Methods for constructing theoretical systems.]. Kiev, Publishing house at Kiev. un-te, 168 p.
6. Kopnin P.V. 1973. Dialektika, logika, nauka [Dialectics, logic, science.]. M., Publ. Nauka, 463 p.
7. Petrov M.K. 2006. Filosofskie problemy nauki o nauke [Philosophical problems of science about science.]. M., Publ. Rosspen, 623 p.
8. Stepin V.S. 1999. Teoreticheskoe znanie [Theoretical knowledge]. M., Progress-Tradiciya, 390 p.
9. SHvyrev V.S. 2003. Racional'nost' kak cennost' kul'tury. Tradiciya i sovremennost' [Rationality as a cultural value. Tradition and modernity]. M., Progress-Tradiciya, 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Опошнянский Алексей Валентинович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, Краснодар, Россия

Данильченко Татьяна Юрьевна, доктор философских наук, профессор кафедры русского языка и литературы Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Oposhnyansky, PhD in Philosophy, Associate Professor of Humanities and Socio-Economic Disciplines at the A.K. Serov Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots, Krasnodar, Russia

Tatiana Yu. Danilchenko, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Russian Language and Literature, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia

УДК 342; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-99-105

Этнокультурные механизмы формирования терроризма в современном мире

¹Гурба В.Н., ²Римский А.В.

¹Южный Федеральный Университет

Россия, 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

²Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина

Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

E-mail: vgurba@sfedu.ru; rimskiy87@mail.ru

Аннотация. Феномен этнокультурного разнообразия признан в качестве реальности на глобальном уровне, но в качестве реальности можно считать и принятие глобальных масштабов политики и идеологии терроризма, преследующих целью дестабилизацию, хаос, страхи и тревоги путём насилия, репрессий, принуждения по отношению к государству, обществу, личности. В настоящей ситуации повышенное внимание обращается на конфессиональное измерение международного терроризма, что часто приводит к возникновению конфликтных ситуаций, но нельзя не обращать внимание и на локальный терроризм, связанный с определенными этнокультурными установками к рецидиву прошлого. В условиях социальной и политической неопределенности, исчезновения чувства всеобщей лояльности и гарантированной безопасности, под влиянием стремительных перемен в общественной жизни и общественных настроениях воспроизводятся рецидивы этнотерроризма, связанные с парадоксами современности, с сосуществованием архаики этнических стереотипов и использованием современных методов конструирования этнической традиции, связанной с героизацией насилия, как способа защиты этноса.

Ключевые слова: этнокультурные механизмы, терроризм, этнокультурная группа, этноэксклюзия, этническая идентичность, этнонационализм, этническая однородность.

Для цитирования: Гурба В.Н., Римский А.В. 2021. Этнокультурные механизмы формирования терроризма в современном мире. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 46 (1): 99–105. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-99-105

Ethno-cultural mechanisms of terrorism formation in the modern world

¹Vladimir N. Gurba, ²Alexey V. Rimskiy

¹Southern Federal University

105/42 B. Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

²Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs. I.D. Putilin

71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russian Federation

E-mail: vgurba@sfedu.ru; rimskiy87@mail.ru

Abstract. The article is aimed at a critical analysis of the theoretical foundations and practices of terrorism in the modern world in an ethno-cultural context. The phenomenon of ethno-cultural diversity is recognized as a reality at the global level, but the adoption of the global scale of the policy and ideology of terrorism, aimed at destabilization, chaos, fears and anxieties through violence, repression, coercion against the state, society, and the individual, can also be considered as a reality. In the present situation, increased attention is paid to the confessional dimension of international terrorism, which often leads to conflict situations, but it is impossible not to pay attention to local terrorism associated with certain ethno-cultural attitudes to the relapse of the past. In terms of social and political uncertainty, the disappearance of a sense of shared loyalty and guaranteed security, under the influence of rapid changes in social life and public sentiment are reproduced recurrence of toterrorism related to the paradoxes of modernity, with the coexistence of archaic ethnic stereotypes and the use of modern methods of

constructing an ethnic traditions associated with the glorification of violence as a way to protect ethnic group.

Key words: ethno-cultural mechanisms, terrorism, ethno-cultural group, toexclusive, ethnic identity, ethnic nationalism, ethnic homogeneity.

For citation: Gurba V.N., Rimsky A.V. 2021. Ethno-cultural mechanisms of terrorism formation in the modern world. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46(1): 99–105 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-99-105

Введение

Эпоха глобализации, несмотря на определенные временные разночтения, приобрела отчетливые контуры интеграции различных сфер общественной жизни с конца XX века, когда система мировых отношений прошла период глобализации. В нынешней ситуации результаты этого процесса воспринимаются неоднозначно, так как демонстрирует эпидемиологический кризис, на поверхность всплыли конфликты, связанных с логикой отстаивания национальных интересов, фантомы реал-политики, проявились контуры этнонационализма и этноцентризма. Социальные диспропорции на страновом и внутристрановом уровнях характеризуют возникновение новых рисков и возвращение социальных и политических рецидивов.

Терроризм как практика и идеология насилия и устрашения по отношению к государству, обществу, конкретным социальным и этническим группам вновь заявляет о себе не только в глобальном масштабе на основе политической абберации конфессионального фактора, как это проявилось в доктрине «Исламского государства», с мобилизацией исламской уммы для борьбы с «миром зла» и очищением «мира света» для возвращения к первоистокам исламской веры. Не меньшее значение в современных условиях обретает роль этнотерроризма, внешне локального, но имеющего схему целей и действий, направленных на строительство мононациональных государств, как это проявилось на Балканах в контексте возникновения псевдогосударства Косово, этнических чисток в Хорватии и стремлении провести территориальную ревизию в Северной Македонии.

Можно сослаться на уникальность и единичность событий в балканском узле и успокаивать себя тем, что распад Советского Союза не повлек масштабных кровавых войн («в качестве примера приводится «бархатный развод» по чехословацкому варианту), но реальность состоит в том, что этнотерроризм является не только визитной карточкой недавнего прошлого (терроризм ИРА, тамильский терроризм, корсиканский «автономизм»), но, как свидетельствуют недавние события в соседнем государстве, Украине, методы террора, насилия и принуждения, репрессий и диффамаций актуализируются по отношению и к политическим оппонентам, и к этническим группам.

Фактически в рамках этнонационализации конструируются идеологии суверенности, самобытности, избранности исторического пути, особых качеств этноса, и обосновывается не только право на родной язык и родную территорию, но и реализуется политика достижения этнической однородности на уровне применения политико-правовых и административных мер и путем гонений, запретов, ограничений или заказных убийств неугодных политиков, блогеров, как это мы видим по результатам деятельности «пробандеровских» националистических групп.

Между тем этнотерроризм является следствием не только внешних факторов, связанных с неравенством в контексте глобализации, «замороженных» и нерешенных национально-территориальных конфликтов, но и имеет внутренние этнокультурные факторы, критический анализ которых осложнен привносимой в современный мир идеей толерантности, терпимости к этнокультурным различиям, нейтралитета к этнокультурным образам и схемам, содержащим неоднозначный исторический опыт, обиды и предрассудки, основанные на образе «врага».

Очевидно, что этнокультурные механизмы терроризма актуализируют необходимость теоретической демаркации этнических стереотипов, порождающих ксенофобию и отчуждение оценок, связанных с пониманием природы этнотерроризма, имеющего контур действий и целей, определяемых дискурсом насилия и агрессии, совокупности установок, представлений, схем действия и восприятия, нацеленных на самолегитимацию и легитимацию ссылкой на этническую традицию, этнический кодекс, преемственность поколений и движение к «национальной мечте». Таким образом, терроризм, к сожалению, ставший влиятельным фактором современной жизни, не может быть критически осмыслен вне идеологических штампов и этнических стереотипов без обращения к этнокультурным механизмам формирования и развития.

Методология исследования

Исходной методологической позицией в исследовании этнокультурных механизмов формирования терроризма можно полагать бинарность конструктивизма/ субстанционализма. В объемном исследовании швейцарского историка У. Альтерматта демонстрируется принципиальность высказываний, относящихся к процессу этнизации, отмечается, что «в то время как европейцы становятся все более похожими друг на друга при потреблении и ведении хозяйства, на уровне культуры они поднимают мятеж против глобализации, изолируются и используют культурные различия в качестве предлога для обособления иных» [Альтерматт, 2000, с. 11].

Устарели ли положения, выдвинутые исследователем этнонационализма в Европе в двадцатилетнюю дистанцию? Ответ на этот вопрос не может быть категорическим. С одной стороны, процесс европейской интеграции содержит очевидные результаты на рынке перемещения товаров, услуг, рабочей силы, характеризуется общеевропейскими образовательными и культурными программами, определяется логикой развития наднациональных институтов. Вместе с тем есть основания считать, что этнонационализм укрепляет позиции в массовых настроениях населения Восточной и Центральной Европы, что новые члены ЕС придерживаются стратегии национального «эгоизма» и строят свои отношения со странами «старой» Европы на основе политики преференций, асимметричных компромиссов, ограничения на прием мигрантов (Венгрия, Польша, страны Балтии).

Внешне данные проблемы не затрагивают интересующую нас тему, могут быть квалифицированы как правый популизм, но опыт украинской современности показывает, что в силу слабости государственных институтов или поддержки стратегии этнизации, терроризм становится не случайным эпизодом, а тенденцией, сопутствующей современным политическим процессам.

Поэтому исследовательская ситуация является парадоксальной, противоречивой, связана с тем, что российский социолог Ж.Т. Тощенко определил необходимостью выявления и оценки общественного сознания [Тощенко, 2001, с. 8]. Речь идет о том, что этнокультурные механизмы определяются опытом конструирования, введения в общественный дискурс уже отмеченных понятий этнокультурного ряда. Реальное сознание, формируясь по логике повседневности, испытывает влияние теоретических конструктов, выдвигаемых интеллектуальной элитой и массмедиа. Предлагая для изучения феномен «парадоксального человека», Ж.Т. Тощенко видит смысл исследовательской деятельности в том, чтобы остановиться на парадоксах национального сознания интеллигенции как носителя национальной идеи [Тощенко, 2001, с. 210]. Примечательно, что социолог выводит состояние межэтнических конфликтов из обид на русскую державность, то есть в высказанном положении есть рациональное зерно потенциала терроризма в политике этносуверенизации, позволяющей избирательный террор против чужих путем применения агрессивных действий с целью изгнания, вытеснения или дискриминации.

Характерно, что актуализируемый Ж.Т. Тощенко конструктивистский подход содержит исследовательскую установку на сферу общественного сознания, когнитивизирует

предопределенность исходной позиции в том, что можно охарактеризовать как «неизбежность историцизма» [Бергер, Лукман, 1995, с. 19]. По своей ориентации конструктивизм утверждает взаимосвязь идеальных и реальных факторов. К идеальным относятся система ценностей и диспозиций (установок) на этнос как конструируемую общность, к реальным – воспроизведение этнических стереотипов «особости» и избранности.

Российский исследователь Т.А. Сметанина в определении концепций европоцентризма и самобытности в российском обществе в контексте глобализации мировых цивилизационных процессов и сохранения этнокультурной идентичности подчеркивает стремление к защите национально-культурной самобытности на основе артикулирования архаизмов массового сознания [Россия: многообразие..., 2010, с. 65]. В этом смысле востребованной становится легитимация стратегии защиты самобытности включением исторически закрепленных механизмов, поправки прав инородных групп, отрицающих идею органического развития этноса и реализующих глобалистский наднациональный проект. Важно, однако, что движение к духовному идеалу не содержит осуждения насилия и принуждения в противостоянии носителям альтернативной идентичности.

Можно сказать, что конструктивизм содержит негативистский подтекст, связанный с пониманием этнокультурного многообразия как рукотворного. Здесь можно согласиться с тем, что этнокультура как совокупность традиций, установок, представлений и образов, связанных с осознанием принадлежности к конкретному этносу, не является исторически неизбежным и естественно спонтанным процессом. Но следует принимать методологическую «несуверенность» конструктивизма в том, что в силу конкретных исторических обстоятельств этносы проходят периоды пассионарности и упадка, что терроризм формируется в конфигурации социальных и этнокультурных парадоксов, противоречий, определяемых социальным и правовым неравенством, отчуждением от государственных и общественных институтов и утверждением позиции этнического превосходства, обособленности, якобы содержащей гарантию исторического выбора, нацеленности на сохранение и развитие нации. В таком случае терроризм оправдывается как «оборонительный» или утверждающий предопределенность исторического реванша, возмещения жертв, понесенных при оккупации или угнетении (актуальна проблема оправдания нацистских коллаборационистов в Прибалтике, которые в период Второй мировой войны развязали кровавый террор против мирных жителей на территории Белоруссии и России).

Таким образом, конструктивистский подход может быть расширен на комплементарном уровне актуализацией процедур пассионарности и атрибутивности, включающей отложившейся в исторической памяти образы справедливости, добра, свободы, достоинства, хаоса и порядка. Это важно для понимания характера этнокультурных механизмов формирования терроризма как политического и идеологического феномена современности, ориентированного на актуализацию этнического наследия для инсценировки имморальных по символическому вызову действий за пределами «добра» и «зла» [Бодрийяр Ж. 2016, 103].

Результаты и выводы исследования

Развитие современной политической ситуации характеризуется нарастанием турбулентности, неопределенности и хаоса, непредсказуемости среднесрочных и долгосрочных политических сценариев. Подтверждаются выводы социолога З. Баумана, что современное «индивидуализированное» общество, как позднее «модернити», дисперсно и аморфно, характеризуется утратой авторитета государства и общества и «самонадеянной» активностью несистемных групп [Бауман, 2002, 25]. Иными словами, перед нами предстает мир без центра, без идей, в котором исчезают основания для взаимной лояльности и солидарности.

Можно сказать, что актуализируется возвращение к терроризму как к якобы доступному инструменту упорядочить «национальное бытие» путем принудительной эксклюзии тех, кто будто представляет угрозу безопасности этноса. В этом и состоит

привлекательность и притягательность террористических идей и действий, вписывающихся в мир, где отсутствуют правовые и моральные регуляторы «должного» и «недолжного». Это значимо актуально в условиях радикального изменения этнонациональной структуры современной Европы, свершившегося факта «присутствия третьего мира» на европейском континенте. Происходившие в последнее десятилетие серии террористических актов во Франции, Бельгии, Великобритании являются, на наш взгляд, следствием «импорта» идей радикального ислама, но и связаны с одним заслуживающим внимания и часто игнорируемым в силу идеологических стереотипов фактом, что главными «действующими лицами» становились мигранты во втором поколении, казалось бы, не имеющие укорененности в среде радикализма, лица с криминальным или полукриминальным «бэкграундом» или выходцы из состоятельных успешных семей, интегрированных в западное общество.

На наш взгляд, очевидна тенденция этнической анклавизации, этнического исключения. Как свидетельствуют результаты исследования российских ученых о зарубежных моделях национальной интеграции, культурные индикаторы, используемые за рубежом, фиксируют уровень участия мигрантов в общественной жизни [Волков и др., 2015, с. 63]. Но при этом не учитывается другой набор культурных индикаторов, связанных с анализом результатов политики мультикультурализма, как доминирующей модели межэтнической интеграции и напряженности, создаваемой этнокультурными различиями в рамках осознания этнокультурными группами сохранения идентичности и отрицания противоречащих этнической традиции позиций толерантности по социально-бытовым, социально-ролевым, социально-поведенческим установкам.

Следует отметить, что в современной Европе, несмотря на призывы к сохранению и усилению европейского единства, возникает новый политический риск, подвергающийся запрету на допуск в общественно- публичную сферу. Речь идет об «оформлении» тенденции к консолидации этнокультурных групп на основе принятия этнического фактора в качестве «негативно мобилизационного», того, что исследователь М. Хечтер определяет как консоционализм [Hechter, 2002, p. 139]. Сущность этого явления политической жизни состоит в том, что для объединенной стратегии этнокультурных групп актуализируется стратегия шантажа террором, требованием расширить компетентность этнодиаспор во влиянии на общественно-политическую жизнь путем установления собственных правил и регуляторов, что якобы гарантирует позицию нейтралитета по отношению к государственным органам и гражданам принимающей страны.

Исходным посылом является то, что современная европейская цивилизация утратила моральные и семейные ценности, опирается на постмодернистскую трактовку прав человека, где исчезло понятие личности, и подвергает молодежь риску нравственной деградации, анархизма и нигилизма. В вину вменяется обучение в школе, влияние массовой культуры, пропаганда наркотиков и потребительского образа жизни: в этой ситуации молодежь, утратившая этнические корни, становится инструментом террористов, легко переходит от массовых насильственных действий в отношении правоохранительных структур к борьбе против государства в целом, институтов, воплощающих идеологию мультикультурализма.

Необходимо отметить, что подобная позиция является двойственной, поскольку, с одной стороны, отражает стремление представителей «этнического предпринимательства» под видом защиты этнокультурного многообразия и этнокультурной идентичности занимать кратологические позиции, с другой – прослеживается намерение держать террористические интенции (установки) на контроле, не подвергать риску неуправляемости ситуации, воспроизведения позиций ксенофобии и расизма среди групп местного населения с высокой степенью интолерантности.

Как отмечается в исследовании «Расизм, ксенофобия, дискриминация», где, несмотря на заявленность остроактуальности научной и общественно-политической проблемы, в целом проявляются предвзятые оценки, связанные с массовой миграцией в Россию, в качестве позитивной научной программы предлагается не эссенциалистская и негрупповая

перспектива [Расизм, ксенофобия, дискриминация. 2013, с. 159]. В контексте ее реализации утверждается, что ксенофобия, якобы распространенная во всех слоях российского общества, является первичной причиной уязвимости этнических групп к влиянию идеологии терроризма.

Правда, при этом упускается тот факт, что до недавнего времени проявлялась рискогенная ситуация прибытия в Россию лиц с откровенно радикальными настроениями и установкой на допустимость вовлечения и участия в террористической деятельности из регионов ближнего зарубежья. Важный аспект, выпадающий из дискуссии авторов сборника на актуальную тему, – тот факт, что отсутствуют инструменты согласования интересов и разграничения компетенций акторов антитеррористической политики в этнокультурной среде. Вероятно, сформулированное выше положение требует не риторики толерантности, а основывается на использовании процедур профилактики и нейтрализации «террористического дискурса», и в связи с этим особый интерес представляет понимание специфики терроризма, отрицание его исторической неизменности и этнической привязанности.

Следует отметить, что формирование культуры интолерантности (нетерпимости) к терроризму и его носителям определяется и межкультурным диалогом, повышением этнокультурной компетентности, созданием репертуара (диапазона) действий, ориентированных на модель «мягкой» интеграции. Британский исследователь П. Кольер в монографии с многозначительным названием "Exodus" подчеркивает, что иммиграция и мультикультурализм в XXI веке создали ситуацию непредвзятого непонимания того, что под явление терроризма могут попадать опасные с точки зрения общественной безопасности деяния в силу удаленности от достаточного уровня общения между мигрантами, представляющими собственные этнокультурные установки и приоритеты и местным населением [Cullier, 2013, p. 74].

Таким образом, оценки расизма и ксенофобии в России, приведенные выше, игнорируют универсализм проблемы интеграции мигрантов в статусе этнокультурных групп и попытки не допускать негрупповой перспективы, реально испытывают сопротивление со стороны мигрантов, консолидированных «общей судьбой», земляческими (локальными) связями, этнической идентичностью и требованием соблюдать кодекс поведения, предписанный этнокультурными установками. Можно согласиться с тем, что влияние эссенциализма, внесение элементов естественности и неизменности по отношению к конкретным этнокультурным группам нельзя квалифицировать как социально позитивное, но и отрицание наследственных этнокультурных факторов (традиций, исторического опыта, обычаев) в возрастании способности или нейтрализации готовности к террористическому действию не может быть достаточно обоснованной.

Это связано с тем, что, как пишет А. Мухин, в России структура диаспор построена таким образом, что приоритетными являются вопросы влияния, лоббирования интересов страны происхождения и диаспорных элит, отсюда настроенность на приращение финансово-экономического и политического капитала, что определяет важность отношений между официальными властями стран происхождения и действующими на территории России [Мухин А. 2005, с. 8]. Не принижая значимость связей с исторической родиной с целью сотрудничества в ближнем зарубежье, следует отметить актуальность налаживания диалога в российском пространстве, имея в виду и профилактику рисков, связанных с деятельностью альтернативных диаспорных структур, с установками на оправдание терроризма как ответа на этническую дискриминацию и социальную несправедливость.

Список литературы

1. Альтерматт У. 2000. Этнонационализм в Европе. Москва, РГГУ. 366 с.
2. Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество. Москва, Логос. 324 с.
3. Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Москва, Медиум. 323 с.
4. Бодрийяр Ж. 2016. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. Москва, РИПОЛ классик. 222 с.

5. Волков Ю.Г., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. 2015. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. Ростов-на-Дону, ЮФУ. Фонд науки и образования, 320 с.
6. Мухин А. 2005. Диаспоры и землячество: вопросы влияния. Москва, Алгоритм. 204 с.
7. Расизм, ксенофобия, дискриминация: какими мы их увидели. Сост. и отв. ред. Е. Деминцева. 2013. Москва, Новое литературное обозрение. 384 с.
8. Россия: многообразие культур и глобализация. Ответ. ред. И.К. Лисеев. 2010. Москва, Канон+. 446 с.
9. Тощенко Ж.Т. 2001. Парадоксальный человек. Москва, Гардарики. 398 с.
10. Cullier P. 2013. Exodus. Oxford. 74 p.
11. Hechter M. 2002. Containing nationalism. Oxford. 139 p.

References

1. Altermatt, U. 2000. Ethno-nationalism in Europe. Moscow: RSUH. 366 p.
2. Bauman, Z. 2002. An individualized society. Moscow: Logos. 324 p.
3. Berger P., Lukman T. 1995. Social construction of reality. Moscow: "Medium". 323 p.
4. Baudrillard J. 2016. The spirit of terrorism. There was no Gulf War. Moscow: RIPOL Klassik. 222 p.
5. Volkov Yu.G. Vyalykh N.A. Degtyarev A.K. Lubsky A.V. Posukhova O.Yu. Serikov A.V. Chernobrovkin I.P. 2015. Value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in economically developed countries with a complex ethno-cultural structure. Rostov-on-Don, SFU. Foundation for Science and Education, 320 p.
6. Mukhin A. 2005. Diasporas and fellow-countrymen: issues of influence. Moscow: Algorithm. 204 p.
7. Racism, xenophobia, discrimination: how we saw them. Compiled and edited by E. Demintseva. 2013. Moscow: New Literary Review. 384 p.
8. Russia: multiculturalism and globalization. Responsible editor: I. K. Liseev. 2010. Moscow: Kanon+. 446 p.
9. Toshchenko Zh. T. 2001. A paradoxical man. Moscow: Gardariki. 398 p.
10. Collier P. 2013. Exodus. Oxford. P. 74.
11. Hechter M. 2002. Containing nationalism. Oxford. P. 139.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурба Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного Федерального Университета, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, Ростов-на-Дону, Россия

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, лейтенант полиции, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Gurba, Doctor of Sociology, Professor, Department of Conflict and National Security, Southern Federal University, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Rostov-on-Don, Russia

Alexey V. Rimskiy, Candidate of Philosophy, Lieutenant of Police, Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia I.D. Putilina, Belgorod, Russia

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-106-114

Феномен тайных обществ: типология, особенности и исторические роли

Сулимов С.И., Арапов А.В.

Воронежский государственный университет
Россия, 394000, Воронеж, пр-т Революции, 24
E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Аннотация. Исследователи каждой эпохи приводят в качестве подтверждения существования и активности тайных обществ всё новые исторические факты, между тем нет единого мнения, какие общества или организации считать тайными, поэтому невозможно определенно говорить о роли этого социального феномена в истории. В данной работе мы предпримем попытку устранить эту путаницу, предлагая из всех организаций, по каким-либо причинам старающихся не привлекать к себе внимания, выделить такой вид общностей, как эзотерические. Для них характерны скрываемая от непосвященных доктрина и иерархическое устройство, при котором информация строго дозируется от одной ступени посвящения к другой. Такие эзотерические общества делятся на эскапистские (относятся к наличной социальной реальности недоброжелательно, но пассивно, предпочитая жить за счёт непосвященных) и хилиастические (претендуют на мировое господство и стремятся реформировать жизнь общества сообразно своему учению). В заключении авторы предлагают такой способ борьбы с эзотерическим сектантством, как открытая полемика.

Ключевые слова: эзотерические организации, сектантство, иерархия, манихейство, «Белый Лотос», низариты, альбигойцы.

Для цитирования: Сулимов С.И., Арапов А.В. 2021. Феномен тайных обществ: типология, особенности и исторические роли. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 46 (1): 106–114. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-106-114

The phenomenon of secret societies: typology, features and historical roles

Stanislav I. Sulimov, Alexander V. Arapov

Voronezh state university
24 Revolutsii avenue, Voronezh, 394000, Russian Federation
E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Abstract. Researchers of each epoch cite new historical facts as confirmation of the existence and activity of secret societies, but there is no consensus on which societies or organizations are considered secret, so it is impossible to speak definitely about the role of this social phenomenon in history. In this paper, we will attempt to eliminate this confusion by suggesting that from all organizations that for some reason try not to attract attention to themselves, we should single out such a type of community as esoteric. They are characterized by a doctrine hidden from the uninitiated and a hierarchical structure in which information is strictly dosed from one stage of initiation to another. Such esoteric societies are divided into escapist (they treat the existing social reality unkindly, but passively, preferring to live at the expense of the uninitiated) and chiliastic (they claim world domination and seek to reform the life of society in accordance with their teachings). As examples of an escapist secret society, the authors consider the Manichaeian sectarian community and its derivative movements, and an example of a chiliastic organization is the White Lotus confederation of sects that operated in Imperial China during

the Middle Ages and Modern Times. In conclusion, the authors propose such a way to combat esoteric sectarianism as open polemics.

Key words: esoteric organizations, sectarianism, hierarchy, manicheanism, "White Lotus", Nizarites, Cathars.

For citation: Sulimov S.I., Arapov A.V. 2021. The phenomenon of secret societies: typology, features and historical roles. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 106–114 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-106-114

Введение

Публицисты последних двух веков, а прежде их предшественники из числа церковных писателей нередко высказывают гипотезы об участии во многих значимых политических и социально-духовных катаклизмах неких тайных обществ, существующих параллельно с известными субъектами исторического процесса и негласно вмешивающихся в деятельность последних. Это предположение повторяется многими авторами на протяжении столетий, и оно давно должно было утратить как оригинальность, так и актуальность, однако этого не происходит. Более того, исследователи каждой эпохи приводят в качестве подтверждения существования и активности тайных обществ всё новые исторические факты, то есть происходящие в каждой эпохе события свидетельствуют о продолжающейся активности указанных организаций. Между тем нет единого мнения, какие общества или организации считать тайными и как именно их деятельность влияет на исторический процесс. К примеру, являются ли тайными обществами масонские ложи, о существовании которых известно всему миру, или современные африканские фольклорные коллективы, именующие себя «тайными обществами», но при этом пользующиеся широкой известностью среди земляков и даже в прессе? В первые века н.э. христианская Церковь проводила свои собрания и богослужения без огласки и подальше от посторонних глаз, что давало повод римским властям называть христиан тайным обществом. Таким образом, в понимании того, что такое «тайное общество», нет ясности, и поэтому невозможно определенно говорить о роли этого социального феномена в истории. В данной работе мы предпримем попытку устранить эту путаницу.

Что такое «тайное общество»

Само словосочетание «тайное общество» подразумевает, что доктрина, структура и состав (а может быть, и название) данной общности неизвестны окружающим. Но ведь речь идёт не о «неизвестном» или «таинственном» обществе, примерами которого могут служить иные, незнакомые народы и племена. Тайное общество предполагает некий секрет, который его члены стараются сохранить от непосвященных, или, по крайней мере, не афишируют его для общественности. Таких обществ в мире существует немало, причём, некоторые из них никак не скрывают своего существования и лишь делают акцент на том, что их доктрина не подлежит огласке. Примерами таких организаций являются масонские ложи и многочисленные общины адептов нетрадиционных религий (которых в народе нередко называют «сектантами»). И, наоборот, некоторые общины в какой-то отдельный временной период скрывали своё существование, а в наши дни активно проповедуют свои учения и охотно принимают в свои ряды всех желающих (Церковь).

Что же заставляет ту или иную социально-духовную общность скрываться и тем самым приобретать репутацию тайной организации? Вероятно, нередко выбор позиции зависит не от характера доктрины или личного выбора адептов, а от отношения к ним

окружающего, непосвященного общества. К примеру, почти три века христианство было гонимой религией, и многие клирики вместе со своей паствой старались лишней раз не распространяться о своём вероисповедании. В более поздние времена, когда Церковь обрела в имперском обществе официальный статус, многие подвижники предпочитали вести отшельнический образ жизни, не прерывая контактов с внешним миром полностью, но стараясь по возможности их минимизировать (пустынничество, исихазм). Однако, как удачно отметил британский исследователь А. Дж. Тойнби, Церковь всегда направляла свою деятельность на сотворённый мир, хотя центральная категория её доктрины – Бог-Творец: «Уходя от своих ближних, святые вступали в активные отношения со значительно большим кругом лиц, чем если бы они оставались в миру. В конечном итоге они производили на мир более сильное воздействие, чем император или командующий войсками, ибо их устремленность к святости через поиски единения с Богом представляла собой социальное действие, более притягательное для людей, чем любое секулярное социальное служение» [Тойнби, 2010, с. 528]. В качестве примера социальной активности ушедших от мира монахов можно привести визит прп. Даниила Столпника к византийскому императору Василиску, приведший к отказу монарха от монофизитства и изменению имперской политики; социальное служение святого игумена Феодосия Печерского, основавшего монастырь за пределами Киева, но зорко наблюдавшего за жизнью горожан и спешившего к ним на помощь при первой же необходимости; подвижничество прп. Сергия Радонежского, ставшего духовным знаменем объединения русских земель вокруг Москвы; и многие другие прецеденты. То есть, как только представилась возможность, христианская Церковь стала действовать открыто, ни от кого не таясь и охотно сотрудничая с мирянами. То же самое можно сказать о соратниках основателя ислама пророка Мухаммеда, которые покинули Мекку, столкнувшись с враждебностью её жителей, но честно и открыто проповедовали в Медине, где встретили тёплый приём. Сдержанная позиция при риске преследования и честное изложение своих взглядов перед заинтересованным слушателем естественны для любых религиозных, философских и политических учений во все времена.

Однако некоторые социально-духовные организации предпочитают ни при каких обстоятельствах не делиться своей доктриной открыто, но не перестают исподволь вмешиваться в социальные и политические процессы. Стороннему наблюдателю может показаться, что их адептам нравится обособляться от остального общества и искусственно создавать путаницу вокруг своего учения. Они всё время рядом с событиями, касающимися всех граждан их страны, но при этом их позиция не ясна, а участие их адептов спорно и неопределенно. Эти организации как будто не интересуются миром, но их члены нередко обнаруживаются в самой гуще событий. И их присутствие далеко не всегда благотворно для непосвященных. В качестве примера таких организаций и общин можно привести сектантскую конфедерацию «Белый Лотос» в императорском Китае, исмаилитские секты средневекового арабского Востока, манихейские общины и производные от них движения богомилов, павликиан и катаров в Средиземноморье первого тысячелетия н.э., и многие другие религиозно-политические организации, создавшие себе репутацию таинственных и влиятельных структур.

Эзотерические тайные общества

Все эти тайные общества, не совпадая ни хронологически, ни территориально, имеют ряд общих черт. Отечественный исследователь Л.А. Тихомиров предложил именовать организации такого типа эзотерическими, имея в виду под термином «эзотерика» стремление оградить доктрину от непосвященных, всячески дозировать информацию между своими адептами и высокомерное отношение к людям, не входящим в организацию. Сравнивая христианство с различными эзотерическими учениями (от

гностиков до масонов), этот автор отмечает важнейшее отличие: христианство, признавая Творцом и Промыслителем мира Бога-личность, полагает, что все люди равны перед таким Богом и поэтому должны подчиняться одним нравственным правилам, даже если их телесные и душевные особенности различны. Эзотерические же учения либо отвергают божественный Просмысл (например, масоны) и придают гипертрофированное значение человеческой активности, либо считают Бога и созданный Им мир враждебными человеку и занимают по отношению к ним позицию, напоминающую вооруженный нейтралитет (например, манихеи).

То есть при всём многообразии своих исторических форм эзотерические тайные общества делятся на два вида: *хилиастические* и *эскапистские*. Например, эскапист-манихей воспринимает гипотетический конец света и свою собственную смерть как благо, а масон вполне доволен наличным состоянием мира, но при условии, что сможет внести в мир порядок согласно своим предпочтениям. Однако оба типа тайных обществ едины в одном: они отвергают одинаковую для всех людей универсальную нравственность и этику. Ведь Бога-творца, Который создал всех без исключения людей и дал им единый нравственный закон, адепты эзотерических учений либо отрицают, либо не уважают. Л.А. Тихомиров так характеризовал эзотерическую этику: «В этом случае этика исчезает как начало абсолютное, за отсутствием общего источника, из которого она могла бы истекать. Равенство между людьми исчезает, ибо их природные различия уже не уравниваются перед одной бесконечно высокой Силой, одинаково превышающей величайших и малейших людей. Когда нет такого Бога, которому все подчиняются, то вполне логично является господство высшего над низшим, господство того, кто успешнее развил свои силы. Вообще, там, где нет Бога, высшим достоинством является сила. Она, а не этика, является *ultima ratio* всего» [Тихомиров, 2004, с. 447]. Поэтому тайные общества, почти никогда открыто не декларируя такой подход, очень внимательно присматриваются к своим адептам, определяя их способности и черты характера, сильные и слабые стороны, и лишь по этому критерию предлагают им ту или иную степень посвящения.

К примеру, некоторых прозелитов, неисправимо лишённых властного характера или стратегического мышления, лидеры тайных обществ принимают лишь на самую низшую ступень посвящения и используют в качестве разменной монеты. Примером такого отношения к наивным новичкам может случить существование особого разряда адептов в средневековой исмаилитской секте низаритов, популяризированной многочисленными художественными романами и компьютерной игрой "Assassin's creed". Причисленные к этому разряду молодые люди красноречиво именовались «фидаи», то есть «жертвующие собой». По приказу своих старшин они совершали политические убийства, почти всегда заканчивавшиеся поимкой и казнью исполнителей, но даже под пытками не выдавали секретов организации. Фидаев считали едва ли не призраками, настолько неотвратимо и самоотверженно они нападали на политических противников секты. Некоторые из них намеренно бравировали перед публикой, совершая покушения в одежде белого и красного цветов (символическое выражение чистоты и жертвенности). Однако впоследствии выяснилось, что молодые люди были не фанатиками ислама и не убеждёнными сторонниками сектантской доктрины, а лишь жертвами бесчеловечного мошенничества: в процессе вербовки и обучения им при помощи гипноза, алкоголя, наркотиков и актёрских трюков внушалась мысль, что они непременно попадут в рай, если умрут по приказу руководства.

Британский историк Ч.У. Гекертон подробно описывает техническую сторону низаритского аналога «курса молодого бойца»: «В одно персидской провинции, теперь называемой Сигистан, была знаменитая долина Мулеба, в которой находился дворец Ала-Аладина, другое название Владыки Горы. Эта долина была восхитительное место и так защищена горами, кончавшимися отвесными утесами, что с них никто не мог сойти в

долину, и все приступы были охраняемы сильными крепостями. В долине обрабатывали роскошные сады, с павильонами великолепно меблированными, и в них жили прехорошенькие и очаровательные женщины. Человека, которого Владыка выбирал для исполнения опасного подвига, сначала поили допьяна и в этом положении относили в долину, где его оставляли бродить куда хочет» [Гекертон, 1995, 119]. После того, как юноша всерьёз начинал верить в то, что оказался в раю, его снова приводили в бессознательное состояние и возвращали в крепость Аламут, штаб-квартиру секты. Молодого человека убеждали, что он испытал клиническую смерть, и что его лишь чудом вернули к жизни. После этого потенциальный исполнитель заказных убийств точно «знал», что ждёт его в загробной жизни, и был готов выполнить любой приказ, лишь бы только поскорее вернуться в «рай». Кандидату в фидаи инструкторы настойчиво разъясняли, что он попал в рай исключительно потому, что был послушен сектантским вожакам, ведь послушание – это важная добродетель. Следовательно, какой бы приказ не отдали старейшины, его следует выполнить беспрекословно, ведь в самом страшном случае юношу ждёт смерть, а вместе с ней – «эмпирически доказанный» рай. При этом адепты высших степеней посвящения полагали, что ни Бога, нирая не существует, и, отправляя обманутых юношей на преступления и смерть, лишь обслуживали свои вполне земные интересы.

Отечественный историк И.П. Петрушевский отмечает, что все убийства, совершенные сектой низаритов, имели исключительно политический и коммерческий характер: «Мотивы убийств всегда были политические; убивали людей разных религиозных убеждений: мусульман-суннитов, ши'итов-имамитов, христиан-крестоносцев (в Сирии), исмаилитов-мусталитов; убивали и своих, если подозревали их в измене. Юноши, посланные для выполнения террористических актов, обычно потом сами погибали. Они, однако, были убеждены, что их "подвиги" во имя веры откроют им вратарая с его садами, дворцами, красавицами-хуриями и всеми чувственными наслаждениями. Фидаи, как непосвященные, не знали, что эзотерическая доктрина их секты рассматривает рай только как аллегорию совершенного знания с чисто духовными наслаждениями» [Петрушевский, 2007, с. 316].

Следует признать, что применявшая по отношению к своим младшим адептам такую бесчеловечную дисциплину секта имела длинные руки. Как мы уже отметили, её столицей был Аламут в Персии, а своих врагов сектанты настигали даже в Северной Индии. Например, в 1236 г. агент низаритов по имени Нур-и Турк, выдавший себя за странствующего проповедника, организовал нападение вооруженных фанатиков на мечеть в Дели. Многие прихожане-сунниты были убиты или получили ранения, и только быстрое вмешательство воинов султанши Разии смогло остановить расправу с верующими. Официальные мотивы нападения так и остались неясны, но неведомый адресат кровавого послания наверняка понял всё, что хотел ему передать лидер сектантов [Ашрафян, 1983, с. 134].

Не исключено, что такая жестокая позиция изначально предполагалась лишь как вынужденная и временная мера, но впоследствии сектантские вожаки всегда признают её удобной. Британский философ К.С. Льюис неслучайно писал по этому поводу: «Поначалу глухота основана на каком-то реальном превосходстве, потом она сама порождает чувство превосходства вообще. Круг презирает и знать не хочет "внешних". Он и впрямь становится классом, самозваной аристократией» [Льюис, 2018, с. 346]. А если учесть, что сектанты-эзотерики отрицают равенство людей и общечеловеческое братство, то им и в голову не приходит жалеть или ценить тех, кого они считают слабее или глупее себя. С таким отношением к непосвященным, неопитам и адептам нижних степеней посвящения связана неумная политическая активность тайных обществ: социум, на лоне которого они живут,

кажется им лишь материалом для реализации собственных замыслов, а младшие по иерархии адепты – лишь средством для достижения целей организации. Л.А. Тихомиров отмечает: «Религиозно-философские общества, построенные на основах эзотерического учения, весьма часто имеют цели также социально-политические. Как составленные из высших людей, они задаются целями руководить обществом "непосвященных", "профанов", властвовать над ними, устраивать их жизнь по своим понятиям» [Тихомиров, 2004, с. 449].

Эзотерические тайные общества как источник социальных и политических проблем

Разумеется, далеко не всегда такие тайные общества располагают достаточными для захвата политической власти силами и ресурсами, однако редкий политический катаклизм обходится без их участия. Например, сектантская конфедерация «Белый Лотос» играла роль пятой колонны во время всех гражданских войн и восстаний, сотрясавших императорский Китай на протяжении Средних веков и Нового времени. Советский историк Е.Б. Поршнева отмечает, что нелояльность ни к какому наличному политическому режиму была буквально родовой чертой сект «Белого Лотоса», хотя адептам нижних степеней об этом и не рассказывали: «Психологическая установка на открытое выступление, нетерпеливое ожидание его начала объясняет ту поразительную стремительность, с которой тысячи людей, живущих иногда за сотни километров от очага восстания, стекались туда в решающий момент. Начало "дела" было конечным моментом мирного движения, той самой целью, к которой особо готовили себя духовно и физически, которая была логическим развитием и фокусной точкой всей религиозной доктрины сектантства» [Поршнева, 1991, с. 167]. Манихеи под предводительством Маздака Бамдада, не имевшие такой многочисленной и боеспособной паствы, как их китайские «коллеги», негласно узурпировали власть в Сасанидской Персии (начало VI в. н.э.) и приняли активное участие в беспорядках, сопровождавших реформы шаха Кавада. На острове Гаити адепты тайного культа вуду даже смогли сделать своего представителя диктатором республики (режим Франсуа Дювалье, прославившийся на весь мир всевластием пожизненного президента, практиковавшего беспричинный и бесцельный террор). Даже за спиной русских декабристов стояли влиятельные масонские ложи Петербурга («Три добродетели», «Великий Восток»). Поэтому эзотерические тайные общества, даже если напрямую не фрондируют против наличного правительственного режима, всегда являются потенциальным источником социальных и политических проблем.

В современном мире к эзотерическому подполью мы могли бы отнести всевозможные псевдохристианские, псевдоисламские и оккультные организации, исповедующие синкретические «тайные» доктрины и стремящиеся навязать их остальному обществу или оправдывающие с помощью таких учений ведомый ими паразитический образ жизни.

Особенно эффективно тайные общества узурпируют политическую власть, если им удаётся ввести своих адептов в окружение правителей. Фаворит-сектант способен подвигнуть правителя на выгодные для законспирированной секты шаги, при этом явная ответственность будет лежать именно на венценосце. Например, лидер персидских манихеев Маздак Бамдад при помощи различных ухищрений смог занять пост визиря при шахе Каваде I и в дальнейшем направлял самоубийственные для страны реформы и одновременно маскировал свои инициативы авторитетом шаха [Низам ал-Мульк, 1949, с. 192]. И уязвимым сектантский вожак стал только тогда, когда, потеряв осторожность, попытался узаконить свою власть, организовав на жизнь монарха покушение. Похожим образом действовали и альбигойские катары (европейский вариант богомилов), внедрив в окружение графа Раймонда VI Тулузского своих людей [Осокин, 2000, с. 210]. В результате нападки на католицизм, предпринятые сектантами (в частности, убийство папского легата), были приписаны общественным мнением графу, и именно ему и его

сыну пришлось многократно каяться перед римским понтификом и созванными папой крестоносцами. Таким образом, высокое общественное положение или нейтральная позиция вовсе не защищают человека от манипуляций тайных обществ, если сектантское руководство негласно запишет благожелательного политического покровителя в разряд «профанов». Да и на благодарность своих новых друзей доверчивый правитель вряд ли сможет рассчитывать: какая может быть благодарность по отношению к строительному материалу?

Уязвимость эзотерических обществ

Историческая практика свидетельствует о важном уязвимом месте, отличающем эзотерическое общество от малоизвестного, но безобидного культа или партии. Этой ахиллесовой пятой является публичная полемика, принимающая формы как открытых дебатов в прессе, так и религиозного диспута (смотря к какой сфере относится рассматриваемое учение). Ведь если какая-то организация была вынуждена уйти в тень лишь под давлением обстоятельств, то её адепты будут только рады возможности рассказать о себе и своих убеждениях, как некогда были рады открыто проповедовать отцы Церкви. Но если речь идёт об эзотерическом тайном обществе, то его адептам будет просто нечего сказать заинтересованному слушателю. Ведь внутри эзотерической организации нет и не может быть единой, известной всем адептам доктрины, и, разъясняя ту или иную часть учения младшим «посвященным», представитель более высокой ступени нередко ссылается лишь на авторитет руководства и именно такой ссылкой отвергает все вопросы о противоречиях или нелогичности сектантской доктрины. В частности, собиравшийся вступить в манихейскую общину Блаженный Августин недоумевал: «Мне приказано было верить тому, что совершенно не совпадало с доказательствами, проверенными вычислением и моими собственными глазами, и было тому совершенно противоположно» [Августин, 2005, с. 127]. Но с нейтральной, не испытывающей перед сектантами пиетета аудиторией такой приём не сработает. Представителю эзотерической организации придётся отвечать на вопросы слушателей, которых он привык считать непосвященными и к которым по умолчанию относится свысока. Поэтому духовная несостоятельность эзотерических организаций сразу станет заметна.

В качестве примеров уязвимости эзотерических обществ перед открытым диспутом приведём позицию, занятую вожаком персидских манихеев Маздаком Бамдадом, и положение, в котором оказались альбигойские лидеры перед католическим епископом, жаждущим знакомства с ними. Согласно книге Низама ал-Мулька, заняв должность визиря, Маздак принялся от имени шаха проводить реформы, одной из которых стала отмена неприкосновенности брака. Несмотря на многочисленные протесты столичных жителей, сектанты-маздакиты открыто и нагло «национализировали» чужих жён, ссылаясь на юридическую законность своих притязаний. Шах Кавад по ряду внутривнутриполитических причин даже не попытался остановить своего зарвавшегося фаворита. Наследный принц Хосров и приглашённый им зороастрийский жрец (мобад) обратились к Маздаку с вопросом: «Если царица, как и все прочие женщины, станет всеобщим достоянием, то как же установить отца её детей?». Престолонаследие и сама судьба монархии Сасанидов зависела от ответа на этот простой и жизненный вопрос. Однако визирь-сектант не пожелал ничего объяснять, а попросту приказал страже обезглавить священника, посмеявшего задавать вопросы. Благодаря заступничеству царевича мобад смог сохранить свою жизнь, но после такого «диспута» закономерно покинул столицу и постарался больше никогда не задавать манихеям неудобных вопросов [Низам ал-Мульк, 1949, с. 197].

Исторические и идейные наследники манихеев, альбигойцы-катары, как мы писали выше, свили себе уютное гнёздышко в Южной Франции, окружив графа Тулузы своими

людьми, пользуясь его безграничным доверием и от его же имени изгоняя католический клир из Окситании. Подобно тому, как Маздак все свои реформаторские инициативы маскировал именем шаха Кавада, альбигойские еретики не претендовали на светскую власть открыто, но исподволь побуждали графа Раймонда реализовывать их политические (в частности, антихристианские) пожелания. Однако католическая Церковь быстро поняла, кто играет главную скрипку в оркестре Тулузского графа и его задержавшихся гостей. Заинтересовавшийся пришельцами альбигойский епископ Жоселлин в 1165 г. пригласил их старшин на диспут в город Ломбер. Ересиархи действительно приехали, но на все вопросы о своей вере отвечали лишь насмешками и ничего не значащими репликами. Таким образом, обнародование катарской доктрины не состоялось [Осокин, 2000, с. 139]. Однако это вовсе не значит, что у сектантов не было целостного учения. В 1167 г., то есть всего лишь через два года после неудачного знакомства с католиками, катары создали собственный Собор в городе Сент-Феликс-де-Караман, на котором присутствовали делегаты от французских, итальянских и болгарских ячеек секты. Если бы ересь не имела единого, стройного учения, то такой Собор попросту не мог бы состояться. Следовательно, ересиархам было, что сказать собственным адептам старших степеней посвящения, но эту теоретическую систему ни в коем случае нельзя было обнародовать перед непосвященными, неофитами и младшими адептами. Мы никогда не узнаем, о чём именно договорились патриархи богомилства в Сент-Феликс-де-Карамане, но, судя по обострившейся вскоре политической обстановке и начавшейся чуть позже Альбигойской войне, интересы непосвященных эту публику точно не интересовали. Причём, позднее, когда французские крестоносцы принудили окситанскую аристократию порвать отношения с еретиками, католическая Церковь не отказывалась от попыток вступить с альбигойцами в диалог. Первоначально инквизиция старалась познакомиться с сектантским учением и доказать его пагубность. Вероятно, в случае такого ознакомления католики действительно имели шансы опровергнуть катарскую доктрину и лишить ересиархов симпатии населения. Поэтому главари тайного общества не стали никому ничего объяснять и прибегли к испытанному средству: в 1242 г. остановившееся в Авиньоне инквизиторы были попросту убиты [Маркаль, 2008, с. 42].

Заключение

Итак, в данной работе мы рассмотрели особенности функционирования эзотерических тайных обществ, которые мы условно разделили на эскапистские и хилиастические. Как уже звучало выше, эскапистские тайные общества стремятся устраниваться от социальной эмпирии и жить согласно правилам своей доктрины, но за счёт непосвященного в неё общества. Хилиасты же пытаются разрушить политические режимы и правовые нормы, в рамках которых живут непосвященные, и навязать всему миру собственные правила. Но доктрины обоих типов не признают Бога-Творца и поэтому отрицают общечеловеческое равенство. Иерархия в таких тайных обществах строится по принципу дозирования информации, согласно которому каждый адепт узнаёт лишь ту часть сектантского учения и занимает в нём такую иерархическую позицию, при которых он будет наиболее полезен организации. Причём, большинство адептов низших степеней посвящения против своей воли играют роль всего лишь инструментов в руках старших посвященных.

Ещё менее почтенная роль отведена для общества, находящегося вне пределов эзотерической общины: большинство людей воспринимаются адептами как строительный материал для нового мира или как бесплатный источник материальных ресурсов для посвященных. Именно поэтому для эзотерических обществ смертельно опасна открытая полемика с непосвященными, предполагающая обнародование сектантского учения во всей его полноте, что неизбежно лишит организацию ореола таинственности и вызовет раскол между её адептами различных степеней посвящения.

Список источников

1. Августин Аврелий. 2005. Исповедь. М., ДАРЪ, 544 с.
2. Гекертон Ч.У. 1995. Тайные общества всех веков и всех стран. Пер. с англ. М., Терра, 480 с. (Gekertorn C. W. 1875. Secret societies of all centuries and all countries. London, R. Bentley and son. 351 p.).
3. Льюис К.С. 2018. Христианство. Пер. с англ. М., АСТ, 384 с.
4. Низам ал-Мульк. 1949. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. М., Изд-во АН СССР, 379 с.
5. Петрушевский И.П. 2007. Ислам в Иране в VII–XV веках : курс лекций. СПб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 428 с.

Список литературы

1. Ашрафян К.З. 1983. Средневековый город Индии XIII – середины XVIII века (проблема экономической и социальной истории). М., Наука, 231 с.
2. Маркаль Ж. 2008. Монсегюр и загадка катаров. Пер. с франц. СПб., Евразия, 364 с.
3. Осокин Н.А. 2000. История альбигойцев и их времени. М., АСТ, 896 с.
4. Поршнева Е.Б. 1991. Религиозные движения позднесредневекового Китая. М., Наука, 220 с.
5. Тихомиров Л.А. 2004. Религиозно-философские основы истории. М., Айрис-Пресс, 688 с.
6. Тойнби А. Дж. 2010. Постижение истории. Пер. с англ. М., Айрис-Пресс, 640 с. (Toynbee A. J. A study of history. Abridged edition by D.C. Somervell (1947–1961), 617 p.)

References

1. Ashrafyan K. Z. 1983. Srednevekovyj gorod Indii XIII – serediny XVIII veka (problema ekonomicheskoy i social'noj istorii). [The medieval city of India of the XIII – mid-XVIII centuries (the problem of economic and social history)] Moscow, Publ. Nauka, 231 p.
2. Markal' ZH. 2008. Monsegyur i zagadka katarov. (Markale J. 1986. Montsegur et l'enigme cathare. Pygmalion. Gerard Watelet, 322)
3. Osokin N. A. 2000. Istoriya al'bigojtsev i ikh vremeni. [History of Albigoyans and their time] Moscow, Publ. AST, 896 p.
4. Porshneva E. B. 1991. Religioznye dvizheniya pozdnesrednevekovogo Kitaya [Religious movements of late-medieval China]. Moscow, Publ. Nauka, 220 p.
5. Tihomirov L.A. 2004. Religiozno-filosofskie osnovy istorii [Religious and philosophical foundations of history]. Moscow, Publ. Ajris-Press, 688 p.
6. Tojnbi A. Dzh. 2010. Postizhenie istorii. Moscow, Publ. Ajris-Press, 640 (Toynbee A.J. A study of history. Abridged edition by D. C. Somervell (1947–1961); 617).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сулимов Станислав Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

Арапов Александр Владиленович, доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stanislav I. Sulimov, PhD, Associate Professor, Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Alexander V. Arapov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Voronezh State University, Voronezh, Russia

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 2:1

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-115-119

Феноменологическая трансформация религии

Стоянович В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Аннотация. Что такое религия и её формы, проявленные в конкретной культурно-исторической действительности? Что такое «явление» и «феномен»? Чтобы точнее прояснить значение и максимально точно определить функцию определенных религиозных феноменов, необходимо дать их ясное понятие. Заимствования терминов, описывающих какое-то явление или феномен, для объяснения другого явления или феномена ставит под угрозу понимание обеих концептов. В этой статье автор пытается выяснить, почему различие понятий и терминов важно для понимания явлений и феноменов, в частности, в исследовании религиозности, религии и религиозных форм.

Ключевые слова: феномен, явление, религия, религиозность, сакральное, религиозная форма, вера, верование.

Для цитирования: Стоянович В. 2021. Феноменологическая трансформация религии. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 46 (1): 115–119.
DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-115-119

The phenomenological transformation of religion

Voislav Stojanovich

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Abstract. What is a phenomenon and what is an occurrence? What is religion, and what is its faction? In order to more accurately clarify the meaning and as accurately as possible determine the function of certain phenomena, it is necessary to clearly distinguish between concepts and the phenomena that they represent. Borrowing terms that describe an occurrence or phenomenon to explain another occurrence or phenomenon jeopardizes the understanding of both concepts. In this article we will try to find out why the distinction of concepts is important for the differentiation and understanding of occurrences and phenomena, in this case religiosity, religion and religion's factions.

Key words: phenomenon, occurrence, religion, religiosity, sacral, religious faction, faith, belief.

For citation: Stojanovich V. 2021. The phenomenological transformation of religion. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46(1): 115–119 (in Russian).
DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-115-119

На первый взгляд, феномен (от греческого φαίνω – сделать видимым, очевидным, вывести на свет...) [Montanari, Franco. 2015] и явление – абсолютные синонимы.

И действительно, феномен – это явление, но в современном философском дискурсе – больше, чем просто явление. Это явление, к которому можно добавить эпитет «прочное». Не то, что существовало или случилось, появилось, а то, что появляется и продолжается, то есть «существует». Явление может появиться (реализоваться) и несколько раз, и всего лишь однажды, а феномен повторяется или, лучше сказать, длится. По словам Мартина Хайдеггера, феномен – это «то, что показывает себя в себе» («...das Sich-an-ihm-selbst-zeigende...») [Heidegger, 1967, p. 28]. Это нечто собственное (своё-в-себе), что не исчезает в текучих метаморфозах изменчивой, явленной формы.

Человек со всеми сопутствующими ему феноменами, делающими его таким, каков он есть, сам по себе является и естественным, и социальным феноменом. Пытаясь понять самих себя и окружающую (природную и социальную) среду, мы часто сводим все явления в природе до уровня, который нам понятен. Вот почему невозможно даже пытаться объяснить определенные явления, гораздо более сложные, чем то, что мы можем понять с помощью используемого процента ограниченного человеческого мозга и ума. Правда, непонятное человек часто принимает за необъяснимое, абстрактное или сверхъестественное.

Феномен, связанный с человеком, не обязательно должен иметь исключительно материальный характер, но он определенно находится внутри материального или представлен в нём. Это означает, что необъяснимые явления могут быть связаны с ещё неоткрытыми функциями мозга или другими неоткрытыми источниками в материальном пространстве, но также могут быть предпосылками другого метафизического измерения, проявляющегося через материальное. Очень часто, понимая все через объектив материального, мы исключаем возможность нефизического и нематериального. Следовательно, существует опасность, что в науке, в силу фундаментальной логики рассмотрения исключительно материальных явлений, не будет понято и духовное и, как «необъяснимое», будет поставлено на обочину цивилизации или, что еще хуже, полностью отвергнуто.

Это относится, прежде всего, к такому феномену, как «религия», и к соответствующим формам, явленным и существенным. Мы хотим различить такое понятие, как «религиозность», составляющую, на наш взгляд, причину «религии». Таким образом, можем различать эти два понятия и, тем самым, устанавливать разницу между терминами «религиозное» (от религиозности) и «сакральное» (от религии). Религиозное – это суть, а сакральное – это форма.

Когда мы говорим о религии, не должны упускать из виду два чрезвычайно важных факта, которые делают её очень интересным феноменом:

- человек узнает религию через личный опыт;
- пока наука постигает человеческое прошлое, замечается сосуществование религии, любого элемента религиозного характера (например, убеждение, что необъяснимые явления в природе являются следствием действия «сверхъестественного»).

То, как человек понимает религию, как и любое другое явление, индивидуально. Также верующий человек отражает религиозность своеобразным способом, поэтому понятия потустороннего и сверхъестественного понимаются уникально. Из-за конкретного, личностного характера религии можно сделать вывод, что человек – призма, через которую проявляется религиозность уникальным образом. Человек – это реализатор (тот, кто реализует, исполняет, воплощает, «имплементирует»; от английского *implementer* (the one who implements); от латинского *impleo, implere – to fill* [Glare, 2012, p. 930]), тот, кто уникальным образом делает явлением религиозность, и, следовательно, религию. Это материализованное явление может помочь человеку идентифицировать и строить себя как личность в определенном направлении. Религию, среди прочего, можно понимать как «биокультурную систему, которая способствует созреванию автономной личности» [McNamara, 2009, p. 246].

Естественные науки раньше объединялись термином «натуральная философия». Лишь в девятнадцатом веке они проходят через заключительные стадии своей трансформации от натурфилософии к науке, какую знаем сегодня [Cahan, 2003]. Осознание того, что естественные науки являются лишь одним из видов философии, способствует наблюдению за такими науками, как человеческому познанию функционирования природы и, следовательно, познанию себя как части природы. Ранние общества рассматривали природу как «жизненные силы» [Jarzombek, 2013, p. 31]. Эти анимистические следы закладывают основы отношению о том, что религия коэзестирует человеку с самых начал, то есть что этот феномен длится на столько, на сколько длится цивилизация.

Во время подготовки Всеобщей декларации прав человека (1948 года), среди прочего, ходили разговоры о том, что большинство людей является религиозным [Van der Ven, Johannes, 2020, p. 19.]. По оценкам всеобъемлющего демографического исследования, в 2010 году 84 % населения мира были связаны с какой-либо религиозной группой [Pew Forum..., 2012, p. 9]. Это, конечно, не является показателем сущностной религиозности, но, по крайней мере, показывает её формальное преобладание. Существует вероятность того, что определенное число людей, которые присоединились к какой-либо религиозной группе, по сути не являются религиозными. Наоборот, люди нередко объявляют себя верующими и в то же время не принадлежат к какой-либо религиозной общине. В США существует поток людей, считающих себя духовными, но не религиозными (эту группу людей лучше категоризировать как «духовных», но не религиозно институционализированных в социальном смысле) [Fuller, 2001]. Из этого можно сделать вывод, что религия не является совпадением.

Чтобы правильно понять любое явление, связанное с эпитетом «религиозное», сначала нужно понять, что такое «религия». Ответ на этот вопрос можно приблизить через ответ на вопрос как религия возникает. Утверждение, что «основа религии должна быть свойством самой человеческой природы, а не только человеческих существ в определенных обстоятельствах» [Burne, 2013, p. 10], приводит к выводу, что религиозность является всеобщим потенциалом. Но хотелось бы указать на то, что основа религии – это религиозность, а «определенные обстоятельства» могут влиять на активацию религиозности и таким образом воплощать религию. Человек – создатель (воплотитель) религии в социальном смысле, но, как уже упомянуто, только, как призма, то есть как реализатор естественного феномена в общество.

Очень важно подчеркнуть, что верование – это акция, то есть реакция, а вера – это состояние личности. Можно сказать, что вера достигается через верование, которое в согласии со словом, подтвержденным делом. Религиозность – это врожденный потенциал, который может быть активированным, но не обязательно. Через верование проявляется основной вид религиозности. Это значит, что для того, чтобы человек активировал (реализовал) религиозность, чтобы быть религиозным, сначала должен поверить. Поверить – это реакция на опыт и активатор религиозности.

Верование является одним из основных элементов (серб. *чинилаца*) религиозности и активируется путем активации религиозности. Способ, которым будет развиваться религиозность, зависит от верования. Верование, опять же, зависит и от природных, и от духовных, и от общественных влияний и обстоятельств. Именно это объясняет, почему религиозность не активирована в каждом человеке и почему не все люди верующие, хотя все имеют этот «потенциал». Это значит, что человек в потенции рождается *homo religiosus*, а в актуальности становится верующим. Следовательно, религия является адаптацией в социальной среде и нормах активированного, врожденного потенциала религиозности и склонности к верованию, поэтому в социальном смысле может быть категоризирована как совокупность норм культуры, традиций, обрядов, учений и так далее, объединенных верованием. Итак, верование – «часто это клей, который скрепляет всю религиозную систему» [Sosis, Kiper, 2014, p. 268].

Развитие религии как сущностного феномена можно примерно разделить на два основных этапа. Первый этап – это активация религиозности, является естественным потенциалом, активация которого зависит от духовных, природных (естественных) и социальных форм опыта. Второй этап – это социализация религиозности, то есть формирование религии как института (серб. *институције*) в обществе.

Религия – это конкретизация и артикуляция религиозности через учения, обряды, традицию и прочее. Конкретизация и артикуляция в данном случае не означают ограничение, а направление и развитие в определенном направлении. Таким образом, это природно-духовно-общественный феномен, который вызван религиозностью в природно-духовно-общественных обстоятельствах. Короче говоря, это слияние, сопряжение (сочетание, соединение; серб. *спој*) активированной врожденной религиозности и общественных обстоятельств. Первый этап развития религии является религиозным элементом, но религия не является элементом первого этапа. Это значит, что религия как конкретизация абстрактности предыдущего этапа является субъектом объединения первого и второго этапа, то есть активации и социализации религиозности. Итак, религиозность – это элемент религии, но религия не является элементом религиозности. Без религиозности нет и религии.

В религиозности два слоя наиболее заметны. Первый слой является исключительно естественным, потому что как потенциал религиозность является физическо-ментальной частью каждого человека. Второй слой – естественно-социальный, то есть социализированное естественное (когда потенциал сливается с традицией или личными представлениями (серб. *схватаньима*). Расслоением религиозности можно заметить её и естественные, и социальные характеристики.

Религиозность и верование развиваются одновременно. Верование является одним из элементов религиозности, а религиозность и верование являются элементами религии. Религия – это венец, корона (серб. *круна*) всего процесса развития религиозности от своих основных до всё более сложных (серб. *комплекснијих*) форм и имплементаций в общество. Но то, что часто отождествляется с религией, – это религиозный элемент, который является лишь одной из форм религии. Религия – более универсальный феномен, чем религиозный элемент.

Религия – это момент имплементации религиозности в естественно-общественные условия. Эти различные естественно-общественные условия на самом деле отражают религию в различных обликах и формах. Адаптация религии внутри различных обществ и в разных обстоятельствах формирует многообразные религиозные формы. Эти формы не являются религиями, а являются религией в различных формах, которые называются религиозными элементами, сообществами, группировками, фракциями, движениями, обществами, организациями. Религиозная форма – это фактически религия, адаптированная внутри различных культурологических, исторических, политических и аналогичных обстоятельств. Следовательно, о религии как явлении можем говорить только в единственном числе, а о религиозных формах – во множественном числе. Поскольку религиозные формы – только различные проявления одного и того же феномена, нельзя говорить о мировых религиях, а о религии в мире. Таким образом, когда говорим об азиатских или европейских религиях, мы фактически говорим о религии в Азии или Европе, одном феномене в различных обществах, культурно-исторических и политических обстоятельствах.

В самом простом смысле религия – это религиозность, сопровождаемая верованием в более широкое и отличное от простого физического мира существование, которая имплементирована (реализована) в конкретно-исторические и общественные условия. Итак, поиск смысла физического (поиск смысла биологического рождения, жизни, страдания и смерти как чего-то, что является лишь одним из этапов человеческого существования) через внетелесное и вечное, соединено (объединено, связано, серб. *спојено*) с элементами традиции, культуры, историко-политических наследий и обстоятельств и так далее.

Базисом религии является религиозность. Без религиозности нет религии, а без человека нет религиозности. Снова возвращаемся к важности разграничить существование феномена религии от существования Бога, потому что религия – это средство, а Бог как источник вечного существования – это цель. Наука в значительной степени дала ответ на вопрос, как функционирует религиозность как естественное явление и процесс, но сверхнаучный, философский вопрос заключается в том, почему это вообще существует. Почему этот потенциал существует, если он не активирован каждым человеком, или почему он вообще часть нашего организма? Если ответ в том, что это поиск смысла жизни или сохранение (поддержание, серб. *одржавањем*) вида (серб. *врсте*), порядка, строя (серб. *поретка*), прогресса. Снова можно задать вопрос: почему? Мог бы человек жить без этого и могло бы что-то другое придать (отдать, серб. *донети*) человеку смысл биологического существования, которое имеет свой конец?

Трудно сделать вывод о том, что такое религия, и в определенной степени многое остаётся невысказанным. Чтобы понять любой феномен или явление, необходимо четкое провести границу между терминами, которые представляют тот или иной феномен или явление, от сходных или почти одинаковых до весьма различающихся. Утверждение, что религия – это феномен заблуждения, манипуляции или любого другого негатива, более чем несправедливо. Позитивность религии находится в её причине – религиозности, которая активизируется как страхом от нежизни, так и стремлением к жизни.

References

1. Byrne, Peter. 2013. *Natural Religion and the Nature of Religion: The Legacy of Deism*. Routledge. 296 p.
2. Cahlan, David. 2003. *From Natural Philosophy to the Sciences*. The University of Chicago Press. 456 p.
3. Fuller, Robert C. 2001. *Spiritual, but not religious: Understanding Unchurched America*. Oxford University Press, Inc. 224 p.
4. Glare P.G. W. 2012. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford University Press. 1235 p. (in English)
5. Heidegger, Martin. 1967. *Sein und Zeit* (Elfte, unveränderte Auflage). Max Niemeyer Verlag Tübingen. 445 p. (in Germany)
6. Jarzombek, Mark M. 2013. *Architecture of First Societies: A Global Perspective*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc. 643 p.
7. McNamara, Patrick. 2009. *The Neuroscience of Religious Experience*. Cambridge University Press. 301 p.
8. Montanari, Franco. 2015. *The Brill Dictionary of Ancient Greek*. Brill. 2431 p. (in English)
9. Pew Forum on Religion and Public Life, Conrad Hackett. 2012. *The Global Religious Landscape: A Report on the Size and Distribution of the World's Major Religious Groups as of 2010*. Pew Research Center, Pew Forum on Religion and Public Life. 80 p.
10. Sosis, Richard, Jordan Kiper. 2014. Religion is More than a Belief: What Evolutionary Theories of Religion Tell Us about Religious Commitments [in “Challenges to Moral and Religious Belief: Disagreement and Evolution” (eds. Bergman, Michael, Patrick Kain)]. Oxford University Press. Pp. 256–276
11. Van der Ven, Johannes A. 2020. Religion in Process: An Approach Inspired by Human Dignity, Rights, and Reasonableness (Religion and Human Rights / Volume 6). Springer. pp 103–144.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стоянович Воислав, аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Voislav Stojanovich, graduate student in the Department of Philosophy and Theology at Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.8

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-120-125

Конституционно-правовой статус депутатов, работающих на постоянной и непостоянной основе

Гуторова А.Н.

Юго-Западный государственный университет
Россия, 305040, г. Курск, 50 лет Октября, д. 94
E-mail: allagutorova@mail.ru

Аннотация. В правовой системе России отсутствует единый закон о статусе депутатов всех уровней. Депутаты могут выполнять свои функции как на постоянной, так и на непостоянной основе. И если в Государственной Думе оправдана работа всех депутатов на постоянной основе, то в субъектах РФ, в связи с меньшим объемом функций, в работе всех депутатов на постоянной основе нет необходимости, а в муниципальных образованиях профессиональная народная депутация является нецелесообразной вовсе. Соответственно, депутаты, работающие на непостоянной основе не, должны занимать должности в представительных органах по смыслу трудового права. Гарантии трудовых прав не должны распространяться на другие отношения конституционно-правового характера, в которых присутствует должностной элемент, но отсутствует юридический факт наличия трудовых отношений. Но при этом полномочия депутатов в нормотворческом процессе при выполнении контрольных и представительских функций должны быть равны. Таким образом, в конституционно-правовом смысле статус депутатов, работающих на постоянной и непостоянной основах, должен быть одинаковым.

Ключевые слова: депутат, народное представительство, профессиональная народная депутация, депутат работающий на непостоянной основе, должность депутата, трудовые отношения.

Для цитирования: Гуторова А.Н. 2021. Конституционно-правовой статус депутатов, работающих на постоянной и непостоянной основе. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (1): 120–125. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-120-125

Constitutional-legal status of the deputies working on a constant and temporary basis

Alla N. Gutorova

Southwest State University
94 50 let Oktyabrya St, Kursk, 305040, Russian Federation
E-mail: allagutorova@mail.ru

Abstract. The actuality of the presented research is due to the absence of a single law on the status of deputies at all levels in the Russian legal system. The scale of representative, legislative and control functions is so large in the State Duma that the work of 450 deputies on a constant basis can be considered fully justified. There is no longer necessary in the regions of the Russian Federation because exactly representative, legislative and control functions that are less noticeable. As for municipal formations that do not implement the legislative function at all, and the functions of representation and control in them are simplified as much as possible, professional people's deputation is questionable and quite often impractical at all. Accordingly, deputies working on a temporary basis should not hold positions in representative bodies within the meaning of labor law. Guarantees of labor rights, in our opinion, are subject to application strictly in labor relations and should not apply to other relations of a

constitutional and legal nature, in which there is an "official" element, but there is no legal fact of the existence of labor relations. But at the same time, the authority of deputies to participate in sessions, in the rule-making process, when performing control and representative functions should be equal. Thus, in the constitutional and legal sense, the status of deputies working on a constant and temporary basis should be the same.

Keywords: Deputy, people's representation, professional people's deputation, Deputy working on a temporary basis, position of Deputy, labor relations.

For citation: Gutorova A.N. 2021. Constitutional-legal status of the deputies working on a constant and temporary basis. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 120–125 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-120-125

Введение

Действующее законодательство должно определять скорее конституционно-правовой, чем политико-правовой статус народных представителей. Вопрос о политико-правовом статусе парламентариев можно ставить в научных исследованиях, но это лежит вне законодательной сферы регулирования общественных отношений. Применительно к депутатскому корпусу основной демаркационной линией служит вопрос о работе народных представителей на постоянной или непостоянной основе. Советская традиция представительной демократии выработала генеральную линию о приоритетности совмещения депутатского мандата с основной работой, службой или учебой. Мотивировалось это не только идеологическими соображениями (как утверждала официальная пропаганда, советская система народного представительства лучше буржуазной представительной демократии именно тем, что советские депутаты были «ближе к народу» и постоянно интересовались их нуждами и потребностями): непрофессиональное представительство действительно имеет ряд объективных достоинств, которые действуют в любой стране мира вне зависимости от ее политического выбора (экономия бюджетных средств, перенесение тяжести нормотворческих работ на профессиональную администрацию, обеспечение независимости народных представителей от администрации в финансово-денежном отношении и др.). С другой стороны, профессиональная народная депутация также обладает рядом институциональных преимуществ, которые следует учитывать при оценке целесообразности соответствующих нормативно-правовых решений [Шульженко, 2020].

Работа депутатов на постоянной и непостоянной основе

Дифференцированный подход к вопросу о работе депутатов на постоянной или непостоянной основе, подкрепленный противоречивостью традиций и новых тенденций в государственно-правовом развитии страны, в конечном итоге привел к следующему относительно устойчивому законодательному решению: на федеральном уровне народная депутация является, главным образом, профессиональной [Nikonova L.I. et al., 2017]; в субъектах РФ на постоянной основе работает определенная часть депутатов, но не весь избирательный корпус (по усмотрению региональных законодателей); в муниципальных образованиях количество работающих на постоянной основе депутатов весьма ограничено вплоть до его полного отсутствия.

Это объясняется многими обстоятельствами и в целом, на наш взгляд, заслуживает положительной оценки в обществе. Профессиональность депутации действительно должна быть поставлена в зависимость от сложности и масштабности функций народного представительства [Витковская, 2019]. Традиционные функции представительной демократии (представительство интересов избирателей, нормотворчество и контроль деятельности исполнительной власти) [Храмушин, 2020, с. 53, 58, 61] по мере движения от Федерации к субъектам РФ и муниципальным образованиям имеют тенденцию к упрощению. Что касается новых и нетрадиционных функций (коммуникация с избирателями

через сеть Интернет, проведение различных публичных мероприятий и др.) – они могут осуществляться депутатами на общественных началах.

Во всяком случае, затраты из бюджета на денежное вознаграждение депутатам только для того, чтобы последние организовывали различные общественные мероприятия, на наш взгляд, – не самое лучшее нормативно-правовое решение. Оценка эффективности бюджетных затрат на содержание депутатов, работающих на постоянной оплачиваемой основе, должна осуществляться путем измерения *основных* функций народного представительства [Чепурнова, 2018]. В Государственной Думе масштаб представительных, законодательных и контрольных функций настолько велик, что работа 450 депутатов на постоянной основе может считаться полностью оправданной. В субъектах РФ в этом уже нет такой необходимости, поскольку именно представительные, законотворческие и контрольные функции менее ощутимы. Что касается муниципальных образований, которые вообще не реализуют законодательную функцию, а функции представительства и контроля в них максимально упрощены, профессиональная народная депутация является сомнительной и довольно часто нецелесообразной вовсе.

Трудовые права депутатов

Д.А. Айбазова полагает, что в региональных законах о статусе депутатов могут содержаться дополнительные гарантии трудовых прав народных представителей, что также свидетельствует в пользу подхода к определению должности депутата с точки зрения трудового права, однако здесь наблюдается дифференциация на основе критерия осуществления депутатских полномочий на постоянной или непостоянной основе [Айбазова, 2009]. Нет сомнений в том, что в случае выполнения депутатских обязанностей на постоянной основе депутат замещает государственную или муниципальную должность. Главная проблема заключается в вопросе о том, занимает ли депутат должность в случае совмещения депутатской деятельности с основным местом работы, службы, учебы или нет. Российское правосознание при подобных обстоятельствах предопределяет использование методологии трудового и служебного законодательства посредством формулировки примерно следующих вопросов: можно ли замещать одновременно две должности? Не будет ли это нарушением трудового или служебного законодательства? Не последует ли за этим наказание за нарушение установленных требований? Учитывая, что эта проблема не оговаривается Трудовым кодексом РФ (если и оговаривается, то сугубо в границах задач трудового права, что в нашем случае равносильно отсутствию оговорки), в конечном итоге вопрос переходит в плоскость наличия или отсутствия верховенства трудового законодательства при его конфликте с законодательством о статусе народных представителей. Проблема актуализируется тем, что *правовая система России не имеет единого закона о статусе депутатов всех уровней*.

Подчеркнем, что работающие на непостоянной основе депутаты не должны занимать должности в представительных органах по смыслу трудового права. Полагаем, что законодательные решения субъектов РФ такого рода являются ошибочными и даже противоправными с точки зрения требований федерального законодательства. Их следует опротестовывать прокурорам и обжаловать в судах общей юрисдикции. Если депутат получает дополнительное денежное вознаграждение за осуществление депутатской работы на непостоянной основе, соответствующая выплата [Голещихин, 2020] подлежит оформлению как следствие *гражданско-правовых отношений между депутатом и органом народного представительства*. Но в конституционно-правовом смысле статус депутатов, работающих на постоянной и непостоянной основах, должен быть *одинаковым*. Это должно затрагивать, во-первых, полномочия депутатов по участию в заседаниях и нормотворческом процессе (право на инициативу, на вопросы, на дебаты, на голосование и т.п.), во-вторых, их контрольную компетенцию (право на запросы, на вопросы, на участие в депутатском расследовании и др.). Представительская функция с юридической точки зрения менее формализована, однако и она подлежит реализации, на наш взгляд, в равной мере в отношении депутатов, работающих на постоянной и непостоянной основе. В этом заключается *«должность» депутатов как представителей народа, реализующих*

самостоятельную компетенцию дополнительно к коллегиальным полномочиям органа народного представительства.

Отрицание наличия «должности» депутатов, таким образом, возможно в двух различных направлениях теоретической и практической юриспруденции: во-первых, с точки зрения соотношения с трудовым правом (депутаты, работающие на непостоянной основе, в трудовых отношениях с представительным органом не состоят, следовательно – они и не замещают депутатскую должность); во-вторых, в аспекте соотношения коллегиальных и единоличных форм представительства (депутат действует лишь как член коллегии, но не в качестве «индивидуального должностного лица») [Скринская, 2005, с. 113]. Второе из двух вышеназванных обстоятельств во многом обусловлено тенденциями последних десятилетий, ввиду которых индивидуальный статус депутатов был ослаблен, а коллегиальные начала в деятельности представительных органов, напротив, усилены. Если в сфере нормотворчества это вполне объяснимо (депутаты не могут уполномочиваться законом на принятие индивидуальных правовых актов, даже если последние не относятся к категории нормативных правовых актов), то в области представительной и контрольной функций депутаты вполне могли бы реализовывать компетенцию и в индивидуальном порядке [Рябухин, 2017], что не обязательно должно быть строго и безусловно связано с коллегиальными формами публичной деятельности [Краснов, 2009; Осинцев, 2020; Гошуляк, 2018].

Выявленная нами юридическая дифференциация является обоснованным отступлением законодателя от общего правила статьи 19 Конституции РФ, но не противоправным нарушением ее требований. Гарантии трудовых прав, на наш взгляд, подлежат применению строго в трудовых правоотношениях и не должны распространяться на другие отношения конституционно-правового характера, в которых присутствует должностной элемент, но отсутствует юридический факт наличия трудовых отношений. Единовременная денежная выплата депутатам на случай прекращения их полномочий, распространяемая исключительно на статус депутатов, работающих на постоянной основе, подлежит трактовке не как *элемент индемнитета* депутата, но именно как *гарантия трудовых прав* соответствующих лиц. Их статус депутатов в данном случае имеет значение, главным образом, в аспекте высоких рисков неизбрания на новый срок, что характерно для многих других категорий трудовых отношений. В конституционно-правовом аспекте, напротив, статус депутатов как носителей мандата народного доверия должен быть, по общему правилу, единым¹.

Заключение

На основании изложенного можно сформулировать вывод о том, что статус депутата предполагает замещение им должности в конституционно-правовом смысле, которая предполагает организационную обособленность в структуре государственного или муниципального аппарата, наличие прав и обязанностей, а также ответственности перед гражданами и государством в качестве компонента процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов [Макогон, 2013, 2014, 2016]. Понятия представительства власти и представительства населения могут сосуществовать и их не

¹ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 27.06.2013 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Дубкова» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647; от 26.06.2014 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений части 18 статьи 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», пункта 4 статьи 10 и пункта 2 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 3 статьи 7 Закона Ивановской области «О муниципальных выборах» в связи с жалобой граждан А.В. Ерина и П.В. Лебедева» // СЗ РФ. 2014. № 27. Ст. 3849.

следует чрезмерно противопоставлять друг другу. Конституционно-правовая множественность должностей, замещаемых одним и тем же физическим лицом, является более допустимой, чем это можно было бы юридически разрешить в границах служебного или трудового права. Если депутат получает дополнительное денежное вознаграждение за осуществление депутатской работы на непостоянной основе, соответствующая выплата подлежит оформлению как следствие гражданско-правовых отношений между депутатом и органом народного представительства. Но в конституционно-правовом смысле статус депутатов, работающих на постоянной и непостоянной основах, должен быть в целом единым.

Список литературы

1. Айбазова Д.А. 2009. О правовом регулировании статуса выборного лица местного самоуправления. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право, 1:70–82.
2. Витковская Т.Б. 2019. Городские думы в Российских малых городах: профессионализм депутатов и эффективность представительной власти. Вестник Пермского федерального исследовательского центра, 3: 108–114.
3. Голещихин В.С. 2020. Приведение законодательства о денежном содержании лиц, замещающих государственные должности, в соответствие с принципом разделения властей. Государственная власть и местное самоуправление, 3: 43–47.
4. Гошуляк В.В. 2018. Проблемы становления парламентаризма в субъектах Российской Федерации. Вестник Саратовской государственной юридической академии, 3: 15–24.
5. Краснов М.А. 2009. Способен ли депутатский запрос быть средством парламентского контроля? Право. Журнал Высшей школы экономики, 4: 16–32.
6. Макогон Б.В. 2013. Процессуально-правовые координаты деятельности субъектов публичной власти. Монография. Белгород: Издательский дом «Белгород»: 164 с.
7. Макогон Б.В. 2014. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 6 (49): 74–80.
8. Макогон Б.В. 2016. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 11 (78): 61–64.
9. Осинцев Д.В. 2020. Депутатский контроль или дестабилизирующий фактор? Государственная власть и местное самоуправление, 7: 22–26.
10. Рябухин И.В. 2017. Отражение функций политической элиты в депутатских интерpellациях первого созыва Государственной думы Российской империи. В кн.: Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Под ред. А.Б. Николаева. Санкт-Петербург, Издательство: Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств: 205–213.
11. Скринская Т.П. 2005. Проблема манипулирования коллегиальных решений органов государственной власти и муниципального управления. Актуальные проблемы современной науки, 5: 113–131.
12. Храмушин В.В. 2020. Конституционно-правовые функции институтов представительной демократии в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Пенза, 270 с.
13. Чепурнова Н.М. 2018. Профессиональная этика выборных должностных лиц и легитимность государственной власти в России: проблемы взаимосвязи и взаимозависимости. Публичное право сегодня, 3: 25–37.
14. Шульженко Ю.Л. 2020. Общероссийские политические партии о конституционализме в дооктябрьский период. Государство и право, 8: 72–80.
15. Nikonova L.I., Markhgeim M.V., Novikova A.E., Minasyan A.A., Kurova N.N. 2017. Constitutional spheres and forms of interaction among chamber in modern parliaments. Journal of Politics and Law, 10 (4): 201–206.

References

1. Ajbazova D.A. 2009. O pravovom regulirovanii statusa vybornogo lica mestnogo samoupravleniya [On the legal regulation of the status of an elected person of local self-government]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo, 1: 70–82.

2. Vitkovskaya T.B. 2019. Gorodskiy duma v Rossiyskikh malykh gorodakh: professionalizm deputatov i effektivnost' predstavitel'noy vlasti. [City Duma in Russian Small Cities: Professionalism of Deputies and Effectiveness of Representative Power]. Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra, 3: 108–114.
3. Goleshchikhin V.S. 2020. Privedeniye zakonodatel'stva o denezhnom sodержanii lits, zameshchayushchikh gosudarstvennyye dolzhnosti, v sootvetstviye s printsipom razdeleniya vlastey. [Bringing legislation on the salary of persons holding public office in accordance with the principle of separation of powers]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye, 3: 43–47. (in Russian)
4. Goshulyak V.V. 2018. Problemy stanovleniya parlamentarizma v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii. [Problems of the formation of parliamentarism in the constituent entities of the Russian Federation]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii, 3: 15–24.
5. Krasnov M.A. 2009. Sposoben li deputatskiy zapros byt' sredstvom parlamentskogo kontrolya? [Is a deputy's inquiry capable of being a means of parliamentary control?]. Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki, 4: 16–32.
6. Makogon B.V. 2013. Processual'no-pravovyye koordinaty deyatelnosti sub'yektov publichnoy vlasti [procedural and legal coordinates of the activities of public authorities]. Belgorod. Publishing House "Belgorod": 164 p.
7. Makogon B.V. 2014. Komponent yuridicheskoy otvetstvennosti v processual'no-ogranichitel'noy deyatelnosti publichnykh vlastnykh sub'yektov [The component of legal responsibility in the procedural and restrictive activities of public authorities]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 6 (49): 74–80.
8. Makogon B.V. 2016. Sintez ponyatiya yuridicheskoy otvetstvennosti v srede processual'no-ogranichitel'nogo regulirovaniya publichnykh pravootnoshenij [Synthesis of the concept of legal responsibility in the context of procedural and restrictive regulation of public legal relations]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 11 (78): 61–64.
9. Osintsev D.V. 2020. Deputatskiy kontrol' ili destabiliziruyushchiy faktor? [Deputy control or destabilizing factor?]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye, 7: 22–26.
10. Ryabukhin I.V. 2017. Otrazheniye funktsiy politicheskoy elity v deputatskikh interpellyatsiyakh pervogo sozyva Gosudarstvennoy dumy Rossiyskoy imperii. [Reflection of the functions of the political elite in the deputy interpellations of the first convocation of the State Duma of the Russian Empire]. In: Tavricheskie chteniya 2016. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. [Tauride Readings 2016. Actual problems of parliamentarism: history and modernity. International Scientific Conference]. Ed. A.B. Nikolaev. St. Petersburg, Publishing House: Secretariat of the Council of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States: 205–213.
11. Skrinskaya T.P. 2005. Problema manipulirovaniya kollegial'nykh resheniy organov gosudarstvennoy vlasti i munitsipal'nogo upravleniya. [The problem of manipulation of collegial decisions of state authorities and municipal government]. Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki, 5: 113 p.
12. Khrumushin V.V. 2020. Konstitutsionno-pravovyye funktsii institutov predstavitel'noy demokratii v Rossiyskoy Federatsii. [Constitutional and legal functions of the institutions of representative democracy in the Russian Federation]. Diss. ... kand. yurid. nauk. Penza, 270 p.
13. Chepurnova N.M. 2018. Professional'naya etika vybornykh dolzhnostnykh lits i legitimnost' gosudarstvennoy vlasti v Rossii: problemy vzaimosvyazi i vzaimozavisimosti. [Professional Ethics of Elected Officials and Legitimacy of State Power in Russia: Problems of Interrelation and Interdependence]. Publichnoye pravo segodnya, 3: 25–37.
14. Shul'zhenko YU.L. 2020. Obshcherossiyskiye politicheskiye partii o konstitutsionalizme v dooktyabr'skiy period. [All-Russian political parties on constitutionalism in the pre-October period]. Gosudarstvo i pravo, 8: 72–80.
15. Nikonova L.I., Markhgeim M.V., Novikova A.E., Minasyan A.A., Kurova N.N. 2017. Constitutional spheres and forms of interaction among chamber in modern parliaments. Journal of Politics and Law, 10 (4): 201–206.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуторова Алла Николаевна, к.ю.н., доцент, доцент кафедры Конституционного права Юго-Западного государственного университета, Курск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla N. Gutorova, candidate of legal sciences, associate Professor of the Department of constitutional law Southwest State University, Kursk, Russia

УДК 340.1; 342; 349
DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-126-133

Экспериментальное законодательство: вопросы теории

Дегтярев М.В.

Временно исполняющий обязанности губернатора Хабаровского края
680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 56
E-mail: mvdegyarev@adm.khv.ru

Аннотация. Представлено исследование теоретических подходов в основе применения экспериментальных правовых режимов. Настоящая статья есть часть разрабатываемой автором научной юридической доктрины экспериментального законодательства. Автор разъясняет концепт «регулирование как эксперимент» – один из подходов в палитре новейших регуляторных технологий. Показано, что экспериментирование в законодательстве имеет длительную историю в разных государствах. Проанализированы понятие, природа и онтология экспериментального законодательства, которое неоднозначно представлено в научной литературе. Автор затрагивает существенные характеристики экспериментирования с законодательством, показывает задачи и принципы, а также требования к экспериментальному законодательству и условия его задействия. Рассмотрен вопрос о преимуществах и недостатках применения экспериментального подхода к правовому обеспечению. Сделан вывод о том, что природа экспериментального законодательства может быть частично раскрыта через артикулирование закладываемого в него целеполагания (что и сделано автором).

Ключевые слова: законодательная деятельность, регуляторные технологии, экспериментальный правовой режим, экспериментальное законодательство, теория права, административное право, регулирование как эксперимент.

Для цитирования: Дегтярев М.В. 2021. Экспериментальное законодательство: вопросы теории. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (4): 126–133. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-126-133

Experimental legislation: theoretical questions

Mikhail V. Degtyarev

Acting Governor of the Khabarovsk Territory
56 Muravyov-Amursky St, Khabarovsk, 680000, Russian Federation
E-mail: mvdegyarev@adm.khv.ru

Abstract. The article examines theoretical approaches based on the application of experimental legal regimes. This article is part of the scientific legal doctrine of experimental legislation developed by the author. The author explains in detail the concept of "regulation as an experiment" - one of the approaches in the palette of the latest regulatory technologies. The author shows that experimentation in legislation has, at the same time, a long history in different states. The article examines the concept, nature and ontology of experimental legislation. The author shows the ambiguity of this concept in the scientific literature. The article touches upon the essential characteristics of experimenting with legislation, shows the significant tasks and principles of such experimentation. The requirements for experimental legislation and the conditions for its use are also reflected in the article. The author dwells on the question of the advantages and disadvantages of applying an experimental approach to legal support. The article ends with the conclusion that the nature of the experimental legislation can be partially revealed through the articulation of the goal setting laid down in the experimental legislation (which is what the author did).

Keywords: legislative activity, regulatory technologies, experimental legal regime, experimental legislation, theory of law, administrative law, regulation as an experiment.

For citation: Degtyarev M.V. 2020. Experimental legislation: theoretical questions. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46(4): 126–133 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-126-133

Введение

В настоящее время технологические и социальные изменения обусловили возникновение весьма динамичной среды в различных сферах, и технический прогресс еще более ускоряет эти процессы. Возникли высокоинновационные области, регулирование которых с точки зрения законодателя характеризуется недостаточностью информации, быстрыми изменениями, неопределенностью и рисками. Соответствующее правовое регулирование должно, соответственно, идти в ногу с этими изменениями для контроля возникающих рисков и одновременно сохранения возможностей, возникающих в связи с такими изменениями [Calliess, 2020]. Отсюда – появление идей машиночитаемого права [Понкин, 2020], регуляторных песочниц [Понкин и др., 2020] и других прорывных новейших регуляторных технологий [Понкин, Морева и др., 2020; Понкин, Редькина, 2020; Понкин, Редькина, 2019]. В их числе – концепт «регулирование как эксперимент».

Осуществлять регулирование инновационной деятельности может быть несколько затруднительным, в частности, это связано с непредсказуемыми результатами. Соответственно, необходимо искать наиболее корректные подходы к созданию и совершенствованию правовых режимов, распространяющихся на такую деятельность. Предвидеть создание или развитие технологий может быть сложно или даже невозможно, поэтому регулирование в соответствующей области должно это учитывать. В частности, одним из возможных путей решения указанных проблем может являться принятие так называемого экспериментального законодательства [Salminen, Halme, 2020, p. 3].

Экспериментальное правовое регулирование не является новеллой, поскольку применяется уже более столетия, с течением времени данный подход эволюционировал [Du, Heldeweg, 2018]. Ганс Цайзель еще в 1956 году, рассуждая на тему экспериментального законодательства, заметил, что «правовые инновации, предварительно введенные в ограниченном масштабе, обычно называют экспериментом. Тем не менее, даже когда такой эксперимент (в разговорном смысле этого слова) сопровождается систематическим и квалифицированным сбором фактов, все его соответствующие последствия не могут быть выявлены в полном объеме. Это можно сделать только в рамках научно разработанного контролируемого эксперимента. Но суть научного эксперимента состоит в применении экспериментальной процедуры к одной группе и сдерживании ее применения к другой группе, называемой контрольной. Казалось бы, закон с его высшими представлениями о равенстве не может с легкостью стерпеть такую дискриминацию» [Zeisel, 1956, p. 730].

Тем не менее, закрепление четких принципов разработки и применения экспериментального законодательства позволяет эффективно использовать его для решения разного рода проблем. С этой точки зрения корректным является закрепление в законодательстве общих основ и инструментов задействования экспериментального подхода к правовому регулированию. Например, можно отметить акты, действующие во Франции, Нидерландах, Германии, Финляндии, Швейцарии, Японии, Китая, Южной Кореи, США.

Понятие экспериментального законодательства

Научная литература по рассматриваемой теме практически не содержит четких определений понятия «экспериментальное законодательство». Как правило, основной акцент делается исследователями на ключевые сущностные характеристики данной концепции. Тем не менее, приведем некоторые существующие позиции на этот счет.

Экспериментальные нормы представляют собой правила, которые автоматически прекращают свое действие в определенный момент и предназначены для конкретной цели получения данных в течение периода своего действия, которые затем могут быть

использованы для определения оптимальной стратегии формирования политики на долгосрочную перспективу [Gubler, 2014, p. 129].

По мнению Майкла Абрамовича, законодательный эксперимент необходимо рассматривать как механизм процесса разработки государственной политики [Abramowicz, 2008, p. 6].

Экспериментальное законодательство – это особая форма правового эксперимента, которую можно охарактеризовать как наиболее радикальную в силу того, что такой эксперимент затрагивает права и обязанности граждан, оказывая непосредственное воздействие на экономику и общество [Ranchordás, 2013, p. 420].

Концепция экспериментального законодательства подразумевает тестирование определенных правил в небольших масштабах для того, чтобы иметь возможность учиться на получаемом опыте и использовать полученные знания для совершенствования законодательства [Gestel, Dijck, 2011, p. 542].

Как указывает София Ранчедас, концепция экспериментального законодательства содержит в себе следующие элементы:

- экспериментальное законодательство должно иметь ограниченный период действия;
- экспериментальное законодательство должно предусматривать некоторое отступление от действующего правового режима;
- обязательность последующего оценивания результатов проведенного эксперимента [Ranchordás, 2013, p. 419].

Габриэль Доменек Паскуаль указывает, что научные эксперименты проводятся, как правило, с познавательными целями, в то время как законодательные эксперименты проводятся для достижения каких-либо практических целей: соответствующие акты принимаются с целью обеспечения решения тех или иных проблем наиболее корректным способом, а не для того, чтобы просто «увидеть, что произойдет». При этом, как отмечает данный исследователь, некоторые нормы могут быть названы экспериментальными и в строгом смысле этого слова, поскольку принимаются не для того, чтобы урегулировать какую-либо область общественных отношений определенным образом, а именно для получения знаний об успешности их применения [Pascual, 2004, p. 146].

Хаомяо Ду и Мишель Хельдевег выделяют следующие виды экспериментального правового регулирования:

- проведение эксперимента посредством частичной отмены существующего ограничительного законодательства;
- проведение эксперимента посредством наделения некоторой доли органов публичной власти субнационального уровня полномочиями устанавливать новые правила в рамках своей юрисдикции в отношении определенных вопросов;
- проведение эксперимента посредством установления общих широких целей и принципов, допускающих саморегулирование в той или иной области общественных отношений [Du, Heldeweg, 2018, p. 8].

Сущностные характеристики экспериментирования с законодательством

Если преимущества экспериментального законодательства оправдывают затраты и компенсируют риски, то нормы, действовавшие в рамках экспериментального законодательства, могут быть применены в отношении большего региона или территории.

Экспериментальное регулирование позволяет органам публичной власти тестировать новые подходы к регулированию и оценивать их результаты. Такое регулирование может осуществляться в форме распоряжений или иных нормативно-правовых актов, принимаемых на экспериментальной основе, в отступление от действующего законодательства [Calliess, 2020, p. 12].

Информация, которую можно получить посредством внедрения экспериментального законодательства, невозможно получить каким-либо иным способом [Abramowicz, 2008, p. 8]. Экспериментальное законодательство дает возможность собирать новые данные и знания, апробируя законодательные меры в небольших масштабах до принятия постоянно действующего законодательства в той или иной сфере [Gestel, Dijck, 2011, p. 546].

Введение в действие законодательства на определенный период времени имеет некоторое сходство с экспериментальным подходом к правовому обеспечению, поскольку аналогичным образом позволяет законодателю испытать новый подход к регулированию, в том числе в ситуациях неопределенности или недостаточности информации. В таком случае принятие временных мер более корректно, чем отсутствие законодательных мер вообще [Calliess, 2020, p. 14].

Большая часть нормативно-правовых актов не содержит положений о датах прекращения их действия, они просто продолжают применяться до тех пор, пока не будет принят другой нормативно-правовой акт, отменяющий их. Однако также существуют акты, в которых таковые положения содержатся. Подобные оговорки относительно редки и могут быть задействованы, в том числе, в следующих случаях:

- законодательство является экспериментальным;
- необходимо принятие дополнительных мер, чтобы законодательство продолжало действовать;
- существование предметно-объектной области такого законодательства само является ограниченным во времени [Cormacain, 2020, p. 10].

Как правило, законодательные эксперименты имеют более ограниченную сферу действия (с точки зрения субъектов, времени и территории, на которую распространяется соответствующий правовой режим) по сравнению с постоянно действующим законодательством по целому ряду веских причин. В частности, в соответствии с принципом соразмерности, риски, сопряженные с проведением такого эксперимента, могут быть приемлемы только в той мере, в которой это необходимо, полезно и не является чрезмерным для достижения законной цели. Получение ценного опыта и информации – цель, способная оправдать такие риски [Pascual, 2004, p. 149].

Роб ван Гестель и Гийс ван Дейк указывают, что центральная идея экспериментального законодательства заключается в следующих аспектах:

- экспериментальное законодательство затрагивает временное отступление от существующих законов и иных актов;
- должен быть определен объем эксперимента с точки зрения его сроков, места и/или субъектов эксперимента;
- предусматривается оценка результатов и нежелательных последствий проводимого эксперимента;
- в случае успешности соответствующий правовой режим может быть расширен для применения экспериментальных норм в отношении иных ситуаций [Gestel, Dijck, 2011, p. 542].

К принципам экспериментального правового регулирования могут быть отнесены принципы постоянного наблюдения, релевантности и валидности, адаптируемости и гибкости, реалистичности и разумной рациональности, нейтральности, ориентированности на достижение целей, правовой определенности, пропорциональности и сообразности.

Требования к экспериментальному законодательству

Законодательные эксперименты всегда должны быть оправданными и должны быть встроены в существующую законодательную базу. Кроме того, общее правило законодательного эксперимента заключается в том, что субъекты в экспериментальной

группе не должны быть поставлены в невыгодное положение по сравнению с их положением в нынешней ситуации [Gestel, Dijck, 2011].

Ограниченность сферы действия проводимого законодательного эксперимента связана с тем, что слишком большое количество участников может сделать реализацию такого эксперимента слишком ресурсозатратной или даже невозможной [Pascual, 2004], может повлечь негативные последствия, сработав как дефектное, непродуманное решение.

Неотъемлемой частью реализации экспериментального законодательства является его периодический или финальный пересмотр, особенно когда регулятору необходимо идти в ногу с темпами технологических или информационных изменений [Calliess, 2020].

Для более эффективной оценки результатов эксперимента требуется то, с чем можно будет сравнивать, – объект, в который не вносятся изменения в связи с проведением эксперимента. Контрольным объектом может выступать и сам объект эксперимента до его проведения, однако он может претерпевать изменения и не связанные с проведением эксперимента, что повлияет на итоговую оценку [Pascual, 2004, p. 150]. При этом, по мнению Майкла Абрамовича, попытки свести оценку конкретного законодательного эксперимента к единой упрощенной шкале, в которой есть только два показателя – «удача» и «успех», могут быть сами по себе настолько ошибочными, что существуют серьезные риски использования некорректной информации при дальнейшей разработке политики [Abramowicz, 2008, p. 13]. Соответственно, необходимо предварительное установление четких критериев оценивания законодательного эксперимента, ключевых показателей и индикаторов достижения поставленных целей.

Особенности приложения экспериментального подхода к правовому обеспечению: преимущества и недостатки

Использование экспериментального подхода к правовому регулированию, с одной стороны, имеет ряд преимуществ, а с другой – обладает некоторыми недостатками.

Среди предполагаемых преимуществ экспериментального законодательства Роб ван Гестель и Гийс ван Дейк выделяют получение новых знаний, способствование уменьшению когнитивных искажений и избежание некорректного восприятия рисков (их недооценки или переоценки), преодолению информационной асимметрии между регуляторами и регулируемыми субъектами, нахождению компромиссных решений, снижению ненужных затрат на реализацию [Gestel, Dijck, 2011, p. 542].

Введение экспериментального законодательства позволяет избежать затрат на его отмену, поскольку его положения автоматически прекращают действие в установленный срок [Gubler, 2014, p. 141].

Проведение таких экспериментов оказывает положительное воздействие на реализацию государственной политики в соответствующей сфере несколькими способами:

- проведение экспериментов сопряжено с получением новой информации;
- эксперименты могут облегчить проведение тех или иных планируемых реформ;
- обсуждение экспериментов способствует обеспечению прозрачности целей законодателя [Abramowicz, 2008, p. 8].

Основными институциональными функциями политических экспериментов являются:

- создание новых институциональных структур для поддержки той или иной политики, в том числе создание материальной инфраструктуры, а также ослабление или устранение старых структур, которые могут препятствовать новому режиму;

- легитимизация предпочтительных политических идей [Rogers-Dillon, 2004, p. 170].

Робин Роджерс-Диллон отмечает, что, по сути, эксперименты позволяют создавать необходимую инфраструктуру для поддержки новых политических идей, а также для

редуцирования конструкций, препятствующих реализации или принятию новой политики [Rogers-Dillon, 2004, p. 170].

Как указывает Майкл Абрамович, в нынешней правовой культуре может быть проще проводить законодательные эксперименты, а не реформы [Abramowicz, 2008, p. 5].

Среди недостатков данного подхода исследователи отмечают следующие. Например, введение законодательного эксперимента может рассматриваться как сравнительно дорогостоящий способ реализации государственной политики [Gubler, 2014, p.133]. Кроме того, данный метод не является абсолютно универсальным. В частности, Роб ван Гестель и Гийс ван Дейк выделяют три основные категории ограничений использования экспериментального законодательства:

- юридические ограничения (в частности, связанные с принципами равного обращения и правовой определенности);
- методологические ограничения;
- политические ограничения [Gestel, Dijck, 2011, p. 547].

Закари Габлер указывает, что существуют некоторые ключевые особенности реализации экспериментальной политики, которые не являются столь актуальными для проведения экспериментов в других сферах. Одна из таких особенностей заключается в том, что для того, чтобы экспериментальный подход к законотворчеству был эффективным, должна быть причина полагать, что законодатель учтет данные, полученные при помощи эксперимента, при определении наиболее оптимальной политики. Если же эти данные будут в дальнейшем проигнорированы, то ценность такого эксперимента будет низка [Gubler, 2014].

Введение экспериментальных программ также может увеличивать риски нарушения прав граждан либо ставить их в невыгодное положение по сравнению с теми мерами защиты их прав, которые предоставляет им действующее законодательство [Rogers-Dillon, 2004]. Не слишком частое использование экспериментального подхода к правовому регулированию может быть связано с непониманием данной концепции, затратами, в том числе временными, а также с политическими соображениями [Gestel, Dijck, 2011]. То есть при реализации концепта «регулирование как эксперимент» совершенно необходим взвешенный, сбалансированный подход, учитывающий все достоинства и недостатки этого концепта, позволяющий должным образом учесть все риски, которые таковой неминуемо несёт.

Выводы

Эксперимент в правовом регулировании мало чем по сути отличается от эксперимента в науке. И очень важно проводить эксперимент правильно.

Экспериментальное законодательство, как правило, задействуется для того, чтобы протестировать то или иное проектировочное нормативное решение конкретной проблемы. Понятно, что такое тестирование релевантно в рамках ограниченного периода времени. Однако не всякое временное законодательство является экспериментальным, в то время как одной из ключевых характеристик экспериментального законодательства является как раз именно ограниченность его действия во времени.

Экспериментальное законодательство в настоящее время зачастую используется для правового обеспечения развития технологических инноваций, однако такой подход может применяться и в иных сферах, регулирование которых нуждается в обновлении или реформировании.

Полагаем, природа экспериментального законодательства может быть частично раскрыта через артикулирование *закладываемого в экспериментальное законодательство целеполагания*:

- убедиться в том, что проектируемый нормативный режим (под введение которого
- в больших масштабах или в более жестких модальностях – и проводится

правотворческий эксперимент) способен обеспечить эффективность, то есть способен обеспечить результат, для которого был разработан, а также, что таковой надлежащим образом адаптирован к новым реалиям и вызовам; замерить работоспособность, эффективность, релевантность проектируемого правового режима, который подлежит проверке и валидации, в целом обкатать идею и довести проектируемый правовой режим для выведения его на расчётные мощность, релевантность и гибкость;

– выявить и «взвесить» подлежащие достройке преимущества проектируемого правового режима и подлежащие редуцированию недостатки проектируемого правового режима, выработать решения по улучшению проектируемого правового режима перед его финальным и полноценным принятием или отказаться от него, если он окажется мало актуальным;

– сделать разумный и обоснованный выбор в дальнейшем между несколькими (двумя или более) конкурирующими доступными или возможными проектировочными нормотворческими решениями;

– минимизировать или исключить сомнения и опасения перед значительными изменениями, убедительно доказав безопасность и работоспособность нормативных инноваций;

– выработать решения относительно необходимости, целесообразности и возможных модальностей последующих экспериментов в преамбуле и в продолжение к проведённому (проводимому) эксперименту.

Список литературы

1. Понкин И.В., Куприяновский В.П., Понкин Д.И. 2020. Fintech, Regtech и регуляторные песочницы: понятие, цифровая онтология, перспективы. *Современные информационные технологии и ИТ-образование*, 16 (1): 224–234. DOI: 10.25559/SITITO.16.202001.224-234
2. Понкин И.В., Куприяновский В.П., Морева С.Л., Понкин Д.И. 2020. Подрывные технологические инновации: понятие, значение и онтология. *International Journal of Open Information Technologies*, 8 (8): 60–68.
3. Понкин И.В. 2020. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы. *International Journal of Open Information Technologies*, 8 (9): 59–69.
4. Понкин И.В., Редькина А.И. 2020. Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (ВІМ) в праве. *Государственная служба*, 22 (2): 64–69.
5. Понкин И.В., Редькина А.И. 2019. Цифровая формализация права. *International Journal of Open Information Technologies*, 7 (1): 39–48.
6. Abramowicz M.B. 2008. *Randomized Legal Experimentation*. GW Law Faculty Publications & Other Works. Paper, 447: 66 p.
7. Calliess C. 2020. *Towards a European Innovation Principle Endorsed by Better Regulation*. *Berliner Online-Beiträge zum Europarecht*, 118: 15 p.
8. Cormacain R. 2020. *Rule of Law Monitoring of Legislation – Coronavirus Bill*. The Bingham Centre for the Rule of Law (British Institute of International and Comparative Law). <https://www.biicl.org/documents/91_83_coronavirus_bill_rule_of_law_scrutiny_final.pdf>. 20 p.
9. Du H., Heldeweg M.A. 2018. An experimental approach to regulating non-military unmanned aircraft systems. *International Review of Law, Computers & Technology*. 24 p.
10. Gestel, van R., Dijck, van G. 2011. *Better Regulation through Experimental Legislation*. *European Public Law*, 17 (3): 539–553.
11. Gubler Z.J. 2014. *Experimental Rules*. *Boston College Law Review*, 55 (1): 129–179.
12. Pascual G.D. 2004. *Los experimentos jurídicos*. *Revista de Administración Pública*. Mayo–Agosto, 164: 145–187.
13. Ranchordás S. 2013. *The whys and woes of experimental legislation*. *The Theory and Practice of Legislation*, 1 (3): 415–440.
14. Rogers-Dillon R.H. 2004. *The Welfare Experiments: Politics and Policy Evaluation*. Stanford (California): Stanford Law and Politics. xiii; 253 p.

15. Salminen V., Halme K. 2020. Innovation-friendly regulation: Current state and good practices (Executive Summary) // <<https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/162229/Innovation-friendly%20regulation-Current%20state%20and%20good%20practices.pdf>>. 17 p.
16. Van Gestel R., van Dijck G. 2011. Better Regulation through Experimental Legislation. *European Public Law*, 17 (3): 539–553.
17. Zeisel H. 1956. Some Reflections on Legal Experimentation. *Stanford Law Review*, 8: 730–748.

References

1. Ponkin I.V., Kupriyanovsky V.P., Ponkin D.I. 2020. Fintech, Regtech and Regulatory Sandboxes: Concept, Digital Ontology, Perspectives. *Cognitive information technologies in the digital economics*, 16 (1): 224–234 (in Russian) DOI: 10.25559/SITITO.16.202001.224-234
2. Ponkin I.V., Kupriyanovsky V.P., Moreva S.L., Ponkin D.I. 2020. Disruptive technological innovation: concept, meaning and ontology. *International Journal of Open Information Technologies*, 8 (8): 60–68 (in Russian)
3. Ponkin I.V. 2020. The concept of machine-readable and machine-executable law: relevance, purpose, place in RegTech, content, ontology and prospects. *International Journal of Open Information Technologies*, 8 (9): 59–69 (in Russian)
4. Ponkin I.V., Redkina A.I. 2020. Digital public administration: method of digital models-doubles (BIM) in law. *Public administration*, 2 (124): 64–69. (in Russian)
5. Ponkin I.V., Redkina A.I. 2019. Digital formalization of law. *International Journal of Open Information Technologies*, 7 (1): 39–48. (in Russian)
6. Abramowicz M.B. 2008. Randomized Legal Experimentation. *GW Law Faculty Publications & Other Works*. Paper, 447: 66 p.
7. Calliess C. 2020. Towards a European Innovation Principle Endorsed by Better Regulation. *Berliner Online-Beiträge zum Europarecht*, 118: 15 p.
8. Cormacain R. 2020. Rule of Law Monitoring of Legislation – Coronavirus Bill. The Bingham Centre for the Rule of Law (British Institute of International and Comparative Law). <https://www.biicl.org/documents/91_83_coronavirus_bill_rule_of_law_scrutiny_final.pdf>. 20 p.
9. Du H., Heldeweg M.A. 2018. An experimental approach to regulating non-military unmanned aircraft systems. *International Review of Law, Computers & Technology*. 24 p.
10. Gestel, van R., Dijck, van G. 2011. Better Regulation through Experimental Legislation. *European Public Law*, 17 (3): 539–553.
11. Gubler Z.J. 2014. Experimental Rules. *Boston College Law Review*, 55 (1): 129–179.
12. Pascual G.D. 2004. Los experimentos jurídicos. *Revista de Administración Pública*. Mayo–Agosto, 164: 145–187.
13. Ranchordás S. 2013. The whys and woes of experimental legislation. *The Theory and Practice of Legislation*, 1 (3): 415–440.
14. Rogers-Dillon R.H. 2004. *The Welfare Experiments: Politics and Policy Evaluation*. Stanford (California): Stanford Law and Politics. xiii; 253 p.
15. Salminen V., Halme K. 2020. Innovation-friendly regulation: Current state and good practices (Executive Summary) // <<https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/162229/Innovation-friendly%20regulation-Current%20state%20and%20good%20practices.pdf>>. 17 p.
16. Van Gestel R., van Dijck G. 2011. Better Regulation through Experimental Legislation. *European Public Law*, 17 (3): 539–553.
17. Zeisel H. 1956. Some Reflections on Legal Experimentation. *Stanford Law Review*, 8: 730–748.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дегтярев Михаил Владимирович, кандидат
юридических наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Degtyarev, candidate of Legal
Sciences

УДК 340.14:341.9

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-134-144

К вопросу о существовании торговых обычаев (*lex mercatoria*) в средневековой Европе до XVII в.

¹⁾Комнатная Ю.А., ²⁾Мирошников Е.В., ³⁾Остапюк В.Г.

¹⁾Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71
E-mail: komnatnaya2009@yandex.ru

^{2), 3)}Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: miroshnikov@bsu.edu.ru, ostapyuk@bsu.edu.ru

Аннотация. Осуществлена попытка ответить на вопрос о существовании в средневековой Европе *lex mercatoria* – общепризнанного торгового права, выстроенного на древних морских торговых обычаях, дополненных впоследствии городским и ярмарочным правом. Исследован генезис международных коммерческих обычаев на территории средневековой Европы до XVII в., проводится анализ известных истории торгового права сборников обычаев, в частности, статуты Марселя 1253 г., статуты Барселоны 1258 г., статуты Гамбурга 1301–1306 гг., статуты Данцига 1429 г., статуты Ревеля 1482 г., статуты Любека 1537 г., *Les Rôles ou jugements d'Oléron* XI–XIII вв., *Tabula Amalphitana* XI в., *Ordo maris* XII в., *Consulado del mare* XI–XIV вв., *Les Coutumes d'Amsterdam, d'Enchuyssen et de Stavern* XIV в., Висбийского Морского Права (*Hogeste Water-Recht tho Wisby*) XV в., *Guidon de la mer* XVI в., соглашения Ганзы с Новгородом с XI в. и др., устанавливаются причины широкого применения одних сборников и утраты интереса к другим. Исследованы особенности формирования коммерческих обычаев крупных торговых средневековых «корпораций», в частности ганзейского союза. Уделено внимание широкой представленности общеизвестных торговых обычаев в мусульманских странах и странах Азии. Отмечено влияние сложившихся в средневековой Европе торговых обычаев на становление русского торгового права. Результаты исследования могут быть использованы в учебной, научной и практической деятельности специалистами в области юриспруденции и мировой экономики, а также будут интересны широкому кругу читателей, интересующихся всеобщей историей.

Ключевые слова: *lex mercatoria*, история права, международные торговые обычаи, международное коммерческое право, история ИНКОТЕРМС, международное частное право.

Для цитирования: Комнатная Ю.А., Мирошников Е.В., Остапюк В.Г. 2021. К вопросу о существовании торговых обычаев (*lex mercatoria*) в средневековой Европе до XVII в. **НОМОТНЕТИКА:** Философия. Социология. Право, 46 (1): 134–144.
DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-134-144

More on existence of commercial customs (*lex mercatoria*) in the medieval Europe up to the XVII century

¹⁾Yulia A. Komnatnaya, ²⁾Evgeny V. Miroshnikov, ³⁾Vladimir G. Ostapyuk

¹⁾ Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gor`kogo St, Belgorod, 308024, Russian Federation
E-mail: komnatnaya2009@yandex.ru

^{2), 3)} Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: miroshnikov@bsu.edu.ru, ostapyuk@bsu.edu.ru

Abstract. This article attempts to answer the question of the existence of *lex mercatoria* as a generally recognized commercial law built on ancient maritime trade customs, subsequently supplemented by city

and fair law in medieval Europe. The article explores the genesis of international commercial customs on the territory of medieval Europe up to the 17th century. It also analyses the collections of customs known to the history of commercial law, in particular, the statutes of Marseille 1253, the statutes of Barcelona 1258, the statutes of Hamburg 1301–1306, the statutes of Danzig 1429., Statutes of Revel 1482, Statutes of Lubeck 1537, Les Rôles ou jugements d'Oléron XI–XIII centuries, Tabula Amaliphitana XI century, Ordo maris XII century, Consulado del mare XI–XIV centuries, Les Coutumes d'Amsterdam, d'Enchuysen et de Stavern XIV century, Wisby Maritime Law (Hogeste Water-Recht tho Wisby) XV century, Guidon de la mer XVI century, agreements of the Hansa with Novgorod from the XI century and others. The article establishes the reasons for the widespread use of some collections and the loss of interest in others. The article explains the features of the commercial customs formation in case of large trade medieval "corporations", in particular, the Hanseatic League. Attention is drawn to the wide representation of well-known trade customs in Muslim countries and Asian countries. The article notes influence of trade customs in medieval Europe on the formation of Russian trade law. The results of the research can be used in educational, scientific and practical activities by specialists in the field of jurisprudence and the world economy, and will also be of interest to a wide range of readers interested in general history.

Keywords: *lex mercatoria*, history of law, international commercial customs, international commercial law, history of INCOTERMS, private international law.

For citation: Komnatnaya Y.A., Miroshnikov E.V., Ostapyuk V.G. 2021. More on existence of commercial customs (*lex mercatoria*) in the medieval Europe up to the XVII century. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 134–144 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-134-144

Введение

Международные коммерческие обычаи, несмотря на широкое использование во внешнеэкономической деятельности и составляющие так называемое новое *lex mercatoria*, изучены недостаточно глубоко и всесторонне. Как отмечает А.А. Мережко, «концепция *lex mercatoria* – одна из самых противоречивых концепций в современной теории международного частного права» [Мережко, 2006, с. 266]. Необходимо отметить, что у теории *lex mercatoria* ровно такое же количество сторонников, сколько и полностью ее отрицающих оппонентов. Феномен *lex mercatoria* сокрыт в противоречивом характере как ее термина, так и содержания. Большинство указывает на новизну данного правового явления, между тем приверженцы существования *lex mercatoria* с древности утверждают, что данная доктрина возникла на основе не только торговых и ярмарочных обычаев городских статутах средневековой Европы, но и имеет истоком своим морские торговые обычаи, которые даже в Древнем Риме уже считали общепризнанными и проверенными временем. А. ди Робилант утверждает, что «Новый *Lex Mercatoria*» представляет собой мягкое право, порожденное глобальными торговыми корпорациями, наряду с которым Принципы УНИДРУА и стандартные контракты Международной торговой палаты также являются разновидностью мягкого права. По поводу формирования *lex mercatoria* в древности и даже в эпоху Средневековья автор ссылается на то, что не сохранилось упоминания об «автономной обычной правовой системе, регулирующей торговлю» в каких-либо первоисточниках, при этом существуют и сейчас средневековые документы, подтверждающие наличие морских обычаев [Robilant di, 2006, p. 218]. Однако в судебных решениях XII и XIV вв. при рассмотрении торговых споров нередко ссылались на *lex mercatoria* как естественное право, единое для всего мира [Мажорина, 2014, с. 4].

Разобраться в данном вопросе можно только при комплексном историко-правовом исследовании вопроса зарождения и развития обычаев современной торговли, нашедших свое отражение в таких международных сборниках правил торговли, как Инкотермс и Принципы УНИДРУА [Алимова 2019; Мажорина 2017; Мажорина 2019; Мазепов 2017;

Пузырева 2014]. Стоит отметить, что ни в зарубежной, ни в отечественной доктрине нет единого мнения как о понимании *lex mercatoria*, так и о его месте в системе международного права или международного частного права. Об этом свидетельствуют труды ученых за последние два века, среди которых можно назвать: Я.О. Алимову, М. Бережкова, В.Ф. Гельбке, А.П. Григорьева, В.П. Григорьева, А.А. Дьяконову, И.С. Зыкина, В.А. Канашевского, Н.А. Карсакову, Л.Г. Климанова, А.И. Лободу, М.В. Мажорину, А.А. Мережко, Г.Г. Микаеляна, Н.А. Новикову, И.Л. Танненбаума, Г.Ф. Шершеневича, Н. Berman, Klaus Peter Berger, David J. Bederman, Braudel Fernand, V. Goldman, E. Peisson, H. Pigeonneau, A. di Robilant, A. Roussel, Stephan W. Schill, Monika Martišková, Ralf Michaels, Alfonso Mignone, Friedrich K. Juenger, Gannagé Léna, Andreas F. Lowenfeld, L. Tracman и др. Целью настоящей статьи является восполнение существующего историографического пробела и продолжение исследований данной проблемы.

Методы исследования

Для решения поставленной задачи были использованы как традиционные для юриспруденции методы научного познания, так и методологические принципы исторического познания: историзм, научность, объективность, целостность и системность. Развитие международных торговых обычаев рассматривалось с позиции целостного правового явления в конкретном историческом периоде XII–XVI вв. в тесном взаимодействии объективных и субъективных факторов. Изучение процесса формирования международных коммерческих обычаев на территории Европы в Средневековье опиралось на общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение и обобщение, что позволило авторам проанализировать основные проблемы становления и развития общих принципов международной торговли. Сравнительно-правовой метод позволил раскрыть особенности правового регулирования международной торговли в зависимости от региона использования конкретных источников. Ретроспективный метод позволил авторам не только исследовать, но и дать оценку результатам деятельности составителей средневековых сборников обычаев торговли, определить степень эффективности принимаемых государствами решений.

Результаты и обсуждение

Гибель Римской империи не оказала значимого влияния на коренное изменение законодательной базы вновь образовавшихся «варварских государств». Учеными отмечается, что изначально отношения между новыми государствами являлись исключительно частными, их основой стала торговля, урегулированная нормами римского права, действовавшими в течение многих столетий на территории данных государств. В частности, по мнению А.Н. Стоянова, «древние германцы, разделенные на многие мелкие племена и общины, крепко держась за свое дедовское право, не отвергают в то же время и права иноземцев... господствовала в средневековой Европе первых столетий этого периода система, которая имеет отдаленное сходство с частным международным правом» [Стоянов, 1875, с. 74]. Римское право с его *jus gentium* позволило создать прочную правовую основу для торговых отношений, где находилось место даже новым, неизвестным римскому праву, формам. «Совокупное влияние чужой культуры и, главным образом, иностранной торговли на отечественное право каждого государства, – писал К. Гарейс, – было во всякое время значительнее, чем рецепция отдельных частей из чужих прав» [Гарейс, 1893, с. 13]. Частный подход и действие *jus gentium* дало развитие принципу свободной морской торговли, однако это было обусловлено наличием международных договорных отношений. Международная торговля всегда совершалась

под условием, любое государство было вправе ограничить торговлю иностранцев на своей территории. Между тем именно признание действия трех ключевых принципов – свободы моря, независимости государств и свободы торговли, позволили в полной мере развиваться торговым обычаям, хотя возникшее противостояние религиозного характера привело к упадку морской торговли [Стоянов, 1875, с. 74]. Некоторые итальянские города, в которые не вторглись варварские племена либо им представилась возможность избежать порабощения, основной своей деятельностью провозгласили морскую торговлю. Отсутствие согласованности действий политиков на международном уровне, а также достаточно специфическая сфера деятельности позволила развиваться торговле морем на основе сложившихся веками традиций и обычаев, которые фиксировались в сборниках с привязкой к конкретному порту, в частности Марселю, Барселоне, Венеции, Генуе, Пизе и другим. Торговая практика нашла отражение в местных сборниках, таких как *Ordinamenta et consuetudo maris edita per consules civitas Frani* 1063 г., статуты Арла 1150 г., Монпелье 1223 г., Марсея 1253 г., Генуи 1186 г., Арагона 1270 и 1340 гг., Барселоны 1258 г., *Breve della curia del mare* 1298 и 1305 гг., статуты Гамбурга 1301–1306 гг., Данцига 1429 г., Ревеля 1482 г., Любека 1537 г., Флоренции 1577 г. и т.д. Законодательных актов, посвященных торговле, особенно морской, было крайне мало. Среди наиболее известных, но при этом имеющих исключительно казуистический характер можно назвать Брюссельский Ордонанс Карла V 1551 г. и Эдикт Карла IX во Франции от 1563 г. Кроме того, начиная с XII века развивалось местное городское право, в частности Любека и Магдебурга, где торговле уделялось значительное внимание [Назаренко, 2017, с. 52–57; Назаренко, 2018, с. 12–19]. Стоит отметить, что при анализе городского права прослеживается зависимость от итальянских торговых обычаев и положений римского права. Таким образом, местные статуты купеческого сословия отражали общепризнанные правила торговли. Учитывая опасности морских торговых походов, купцы стали объединяться в целые флотилии, а для обеспечения безопасности капитала были введены в оборот векселя и организованы банки [Стоянов, 1874]. Старые обычаи дополнялись новыми и постепенно трансформировались в общепризнанное право «вместе с движением товаров, приобретая право гражданства всюду, где производилась торговля» [Гарейс, 1893, с.13].

Генезис *lex mercatoria* был связан с зарождением и развитием целого ряда институтов, в частности торговых агентов и консульства. Торговые агенты часто именовались консулами и имели право решать торговые споры. Впоследствии сложился обычай, что при наличии трех купцов один из них по выбору остальных становится консулом или третейским судьей [Каченовский, 1866, с. 330]. На данном основании купеческие гильдии получили право юрисдикции над своими членами, имея собственные судебные органы и право применять не только закон, но и торговые обычаи. Это право возникло у них раньше, чем у государств. В этот же период происходит смещение от обычаев в сторону нормативного регулирования, однако вновь созданные нормы по подобию римского права распространяли свое действие лишь на членов торговой корпорации. Однако, как отмечал А.Ф. Федоров, сборники обычаев и результаты судебной практики позволили создать определенный свод понятий морского торгового права, принятый практически повсеместно, имея лишь несущественные различия в зависимости от местности их применения [Федоров, 1913, с. 5].

В историю *lex mercatoria* вошли такие сборники обычаев торговли, как "*Tavola di Amalfi*" (*Tabula Amalphitana*) [Laudati, 1894; Moretti, 1904; Каченовский, 1866, с. 308; Бродель, 2007, с. 94; Стоянов, 1875, с. 85], "*Ordo maris XII v.*" (статуты Пизы) [Шершеневич, 1908, с. 23], "*Capitulaire nauticum*" (обычаи Венеции) [Климанов, 1998, с. 157], "*Statuts de Marseille*"

(обычаи Марселя) [Roussel, 1843, с. 212.]. Известны были также статуты Сплита, Лезины, Скардоны и других городов, но они являлись копией венецианских морских обычаев.

Наибольшую известность получил сборник "Consulado del mare" (Consulat de la Mer, Consolatus maris), распространивший свое действие даже на Ближний Восток [Азаревич, 1897, с. 16]. Он содержал древние торговые обычаи и положения позднего византийского права. По мнению П.П. Цитовича, по важности своих постановлений этому сборнику в свое время не было равных (ученый даже не рассматривал сборник Амальфи, отрицая его существование) [Цитович, 1873, с. 40]. По содержанию сборник являлся практическим руководством, объединил в себе консульские постановления и большинство известных тому времени обычаев. Составитель сборника остался неизвестен, полагали, что составлен он был в Барселоне, Марселе или Пизе, морские обычаи "Consuetudini di mare" последней в 1077 г. были утверждены Папой Григорием VII. По мнению А.Ф. Федорова, "Consulado del mare" не редактировался, а лишь дополнялся [Федоров, 1913, с. 5]. А.И. Доливо-Добровольский утверждал, что «в течение ста лет происходила кропотливая работа целого ряда лучших знатоков морской торговли и статуариев, составлявших свои *statuti de mercanti*... Ее синтезом в XIV в. явилась знаменитая книга "Il Consulate del Mare"... он совершенствовался и пополнялся постепенно. Необычайная мудрость первой части его постановлений объясняет его изумительный успех и принятие к руководству во всем бассейне Средиземного моря. Могущественная Венеция заменила свои уставы Консулатом» [Доливо-Добровольский, 1902, с. 35]. Д.И. Каченовский, напротив, настаивал на раннем сроке составления документа: «...после крестовых походов – в Барселоне, которая отстаивала право свободы торговли, защищая всех торговцев независимо от веры... Барселонские суды (консулы) имели безоговорочный авторитет у морских купцов. Решения консулов Барселоны тщательно фиксировались и хранились как священные предания... со временем был создан полный сборник морских обычаев, известных под именем "Consolato del mare"» [Каченовский, 1866, с. 334]. Сборник объединял и материальное, и процессуальное право. Г.Ф. Шершеневич не разделял всеобщего восхищения данным документом, указывая, что сборник «представляет собой совершенно беспорядочное соединение обычаев, изложенное в 297 главах, из которых некоторые имеют исключительно местный интерес» [Шершеневич, 1908, с. 23]. Давая несколько различных перевод, П.П. Цитович и Г.Ф. Шершеневич ссылались на слова итальянского коммерциалиста XVIII в. Казареджи о непрекаемой силе и авторитете указанного морского судейника [Цитович, 1873, с. 40; Шершеневич, 1908, с. 23]. "Consulado del mare" послужил основой французскому ордонансу о мореплавании 1681 г. и торговому кодексу, которые взяли за основу своего торгового законодательства большинство европейских государств, в том числе и Россия. А.Н. Стоянов указывал на международно-правовое значение "Consulado", отмечая, что эти обычаи нашли свое отражение в международных трактатах XIII–XV вв. [Стоянов, 1875, с. 86]

В конце XI – начале XII вв. в северных морях появился сборник обычаев морской торговли "Les Rôles ou jugements d'Oléron". Д.И. Каченовский предполагал, что эти законы появились на западе Европы ранее чем "Consulado del mare". Они содержали обычаи и судебные решения, что зафиксировано в конце каждой статьи – "tel est le jugement" [Каченовский, 1866, с. 335]. Точных сведений о происхождении сборника нет, по легенде их составила французская королева Элеонора по аналогии с "Consolato del mare" или Иерусалимскими ассизами, действовавшими в святой земле [Цитович, 1873, с. 40]. Д.И. Азаревич предполагал, что это было частное собрание практических (судебных) решений, которые отобрали для регулирования наиболее важных вопросов в области морской торговли [Азаревич, 1897, с. 17]. По утверждению Л. Отфейля, в первоначальном

варианте было 25 статей, англичанам приписывают составление еще 10 статей, а затем, активно использовавшийся в Испании и Фландрии, он был дополнен оставшимися положениями [Отфейль, 1887, с. 154]. Практически все исследователи отмечали, что *Roules d'Oleron* представлял собой перечень обычаев торгового права (выразившихся в судебных решениях), имевших силу на побережье Атлантического океана. Однако практичность данного сборника способствовала его дальнейшему распространению в Англии, Пруссии, Кастилии. Известны его компиляции под именем амстердамских или энхейзенских и ставернских законов. Значимость Олеронских законов как основного начала Висбийского права, ганзейско-тевтонского регламента «Фламандским и Амстердамским обычаям», «Черной книге Адмиралтейства» подтверждал А.И. Доливо-Добровольский, ссылаясь на то, что бесполезно гадать о содержании утраченных сборниках Трани, пизанском *Ordo maris* и *Tabula Amalphitana*, рассматривать древние основы Марсельских статутов 1256 г. и искаженные Иерусалимские ассизы 1099 г. [Доливо-Добровольский, 1902, с. 35].

До создания «Черной книги Адмиралтейства» в 1375 г. вышел сборник морских правил "*De officio admiralitatis Angliae*", составленный на латинском языке и имеющий как административную, так и частноправовую направленность. Сборник также содержал положения Олеронских свитков. Кроме того, существует мнение, что «приговоры суда» – не столько английская версия, сколько действительно решения суда олеронской общины XIV в., а учитывая, что ссылка идет на принятые обычаи моря, купеческие и морские обычаи, в текстах прослеживается и влияние родосских законов. Свитки Олерона применялись и на территории Франции, в частности в ордонансе Карла V от 1364 г. их рекомендовалось применять в судах при решении торговых дел с участием кастильцев в портах Лёра и Гарфлёра. Более того, в XVII веке в Европе был принят единый текст свитков Олерона в силу популярности публикации 1641 г. работы французского юриста Э. Клейрака под заглавием "*Les Us et Coustumes de la Mer*". Фландрия также заимствовала раннюю версию Закона Олерона, поскольку "*Judgments of Damme*" (решения города Дамм) содержал первые 24 статьи свитков без каких-либо изменений. В германских торговых центрах, в частности в Брюгге, в конце XIV в. была введена в действие так называемая «Пурпурная книга», содержание которой, по словам составителей, есть точная копия свитков Олерона.

Спорным, в силу утраты первоисточника, является и влияние Закона Олерона на кастильское законодательство (Закон Иакова I о мореплавании и торговле от 1258 г. (Барселона), кодекс "*Siete Partidas*" 1260 г. Альфонса X). Однако в силу того, что предположительно "*Consulato del mare*" также являлся сборником обычаев Барселоны и имел широкое распространение, указанные источники практически не оставили следов в торговой практике. Есть мнение, что "*Siete Partidas*" был составлен по свиткам Олерона, а не на основе "*Consulato del mare*". Т. Twiss, а за ним и О.М. Луговой, предполагают, что распространение свитков Олерона в Кастилии объясняется тем, что она и была родиной данных законов, а пятая книга "*Partidas*" полностью им соответствовала по содержанию. Однако историки еще не установили точной даты окончания работы над "*Partidas*", предположительно 1256–1266 гг., что соответствует дате пункта о подлинности бретонских и нормандских копий свитков Олерона [Луговой, 2005, с. 227]. Можно согласиться со справедливым замечанием И.Л. Танненбаума о том, что "*Consulato del mare*", вместе с сборниками Олерона (*Rôles ou jugerments d'Oléron*) и Висби выполняли в области морского плавания средних веков ту объединительную роль, которую сыграли некогда законы Родоса» [Танненбаум, 1913, с. 14].

В северных государствах применялись также другие сборники, но они являлись копией как Закона Олерона, так и "*Consulato del mare*" с учетом национальных особенностей и были дополнены голландскими обычаями. Любопытным является также

обычай, существовавший в Малайском архипелаге в царствование Махмуда-Шаха, первого малайского государя, принявшего ислам. К концу XIII в. там был издан свод морских торговых обычаев, где было указано: «Записали со слов стариков эти обычаи, дабы не было ссор, споров, своенравия и упрямства, из-за которых происходят большие несчастья с джонками и кораблями». По замечанию А.И. Доливо-Добровольского, обнаружилось практически полное сходство этих данных обычаев с существовавшими в Европе нормами морского торгового права. На данном основании автор пришел к выводу, что все институты торгового права возникли одновременно и повсеместно, где осуществлялась торговля морем [Доливо-Добровольский, 1902, с. 36].

В период Средневековья наряду с развитием обычного торгового права формируется и международное торговое договорное право. В частности, торговые договора Венеции и Генуи с Киликийским армянским царством 1201 г., хрисовул Левона II от 1201 г. дал Генуе ряд привилегий, в том числе «свободу въезда и выезда по суше и по морю, купли и продажи, захода в порт и выхода из порта» [Микаелян, 1952, с.183].

Голландия с XIV в. также имела сборник торговых обычаев "Les Coutumes d'Amsterdam, d'Enchuyssen et de Stavern", который соответствовал "Rôoles d'Oléron". Особую роль в данном регионе играл сборник XV в. именуемый «Висбийское Морское Право» (Hogeste Water-Recht tho Wisby). Государства балтийского региона приняли обычаи lois de Wisbuy, представлявшие собой компиляцию олеронских, амстердамских и ряда других статутов [Стоянов, 1875, с. 87]. Главным недостатком этого сборника называли противоречия между древними обычаями и местным правом, которые увязали без корректировки [Каченовский, 1866, с. 336]. Висбийское право получило широкое распространение. В 1158 г. Любек основал в Висби торговую компанию – «ганзу» (в переводе с готского – «товарищество»), где каждая нация имела свое представительство. Висбийские правила содержали 66 статей, из которых 25 полностью воспроизводят правила Олерона, а другие повторяют обычаи Амстердама. Ганзейский союз как «общество германских купцов» сложился окончательно, когда ряд городов-портов и торговых центров Германских земель (Бремен, Любек, Рига, Дортмунд, Мюнстер и др.) заключили в 1229 г. торговое соглашение со смоленским князем Мстиславом Давыдовичем. Договор между Смоленском, Ригой, Висби и другими германскими городами назвали «Смоленской торговой правдой». По мнению М. Бережкова, с Новгородом у немецких и готландских купцов были торговые соглашения еще в X в. [Бережков, 1879, с. 54]. После 1241 г. Любек стал заключать торговые договора от имени «всего купечества римской империи». Как отмечает И.М. Кулишер, самым значимым источников в истории торговли Новгорода с Ганзой в XII–XIII вв. и, в том числе с Любеком, были торговые договоры. Между тем, большинство дошедших до нас соглашений являлись проектами договоров, так как на них отсутствуют необходимые для заключения атрибуты – подписи, печати, указания имен и приношения клятвы. Постановления подобного рода применялись на уровне обычаев, поскольку имеются свидетельства ссылок на обязательность норм указанных договоров-проектов. Эти договоры распространялись также и на Псков, и на его пригород, а со стороны Ганзы выступали семьдесят три города с лидерами Любеком, Готландом, Висби, позже присоединились Дерпт, Ревель и Рига [Кулишер, 1923, с. 49].

Ганза руководствовалась локальными актами – сборниками торгового права под названием «рецессы», принимаемыми на съездах делегатов купечества в Любеке ежегодно. Первый сборник рецессов, так называемый «Кодекс Ганзы» – «Сборник постановлений (рецессов) Ганзейских городов» (Jus Anseaticum maritimum) был оформлен в 1591 г. на немецком языке, пересмотрен в 1614 г. и переведен на латынь доктором Курике в 1667 г. [Цитович, 1873, с. 40]. На рецессы ссылались при принятии судебных

решений, они комментировались юристами, редактировались и отвечали реалиям торговой жизни. Кодекс содержал лишь часть положений статуты городов, входящих в Ганзу, в основу которых было положено римское право.

Одним из последних сборников торговых обычаев принято считать "Guidon de la mer" (Франция, конец XVI в.). Этот документ официально дополнялся декретами и ордонансами французских королей, имел иной статус, нежели первые общепризнанные сборники обычаев. Д.И. Каченовский утверждал, что «период обычного права в истории морского права завершается именно этим памятником» [Каченовский, 1866, с. 337]. А.Н. Стоянов, в свою очередь, определял "Guidon de la mer" как морской путеводитель, отмечая его слабость по отношению к предшественникам [Стоянов, 1875, с. 88]. Однако все указывали на оригинальность сборника, который не повторял известные судебники, но был направлен в основном на регулирование вопросов страхования и выдачи *lettres de margue*. Именно в нем была впервые предпринята попытка догматического изложения установившихся обычных норм морского торгового права [Танненбаум, 1913, с. 18]. Положения сборника практически полностью вошли в ордонанс 1681 г.

Выводы

Несмотря на непримиримые противоречия и религиозное противостояние, именно в период Средних веков возникает острая необходимость в международном урегулировании вопросов международной торговли. Показательно, что с начала XIV в. в Англии действует *lex mercatoria* (*law merchant*), позволяющее оперативно и единообразно разрешать споры между иностранными купцами, а к концу XIV в. общепризнанные принципы торгового права на городских ярмарках стали обладать большей юридической силой, чем городское право. В 1622 г. Д. Малинес, автор первого труда по торговому праву, писал, что старинное название *lex mercatoria* присвоено обычному торговому праву, «одобренному авторитетом всех королевств и республик» [Мережко, 2006, с. 136]. Это заявление вполне отражает сложившееся в торговой и судебной практике отношение к обычаям морской торговли. Исследователи всех государств Европы на различных исторических этапах указывали на значимость и особую юридическую силу торговых обычаев, которые занимали положение наднационального права. Принятые к концу XVII в. законодательные акты в области торговли использовали за основу проверенные временем международные коммерческие обычаи, выработанные практикой за несколько столетий. Однако особо остро проявилась проблема подчинения иностранным законам, где не существовало единой практики. У купцов Венеции и Ганзы была привилегия на использование исключительно собственных законов [Григорьев, Григорьев, 1990]. С укреплением территориального принципа привилегии на национальное право утратили даже представители могущественных купеческих гильдий. Однако данная ситуация была характерна для торговли на территории европейских государств. Мусульманские государства не меняли торговые правила и оставили вопросы юрисдикции в соответствии с древними капитуляциями. Консульские учреждения продолжали действовать на обычаях, сохраняя старинные привилегии. К XVI в. в европейских отношениях закрепляется принцип взаимности, нашедший отражение в международных договорах.

Торговое право данного периода являлось синтезом статутного, обычного и прецедентного права. Кроме того, наблюдается широкое заимствование норм, а в силу трудности определения даты создания сборников обычаев установить первоисточник достаточно сложно. Также можно указать на существенное влияние римского и византийского права на формирование торговых обычаев, равно как и на значимую роль наличия собственных обычаев у каждого порта, где активно велась торговля.

Сложившееся в Средневековье обычное унифицированное торговое право послужило основой национальных законодательств европейских государств XVII в. и последующих столетий, продолжая между тем собственное развитие.

Обычай не утратил своей актуальности, практика по-прежнему опережает национальное нормативное регулирование. Именно это доказывает повсеместную востребованность правил Инкотермс и Принципов УНИДРУА. И сегодня существует общепризнанное торговое право, с помощью которого есть возможность оперативно и единообразно разрешить основные коммерческие споры.

Список источников

1. Азаревич Д.И. 1897. Очерки по торговому праву. Вып. 1. Варшава: 88 с.
2. Бережков М. 1879. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб: 267.
3. Гарейс К. 1893. Германское торговое право. Вып. 1. М.: 392 с.
4. Каченовский Д.И. 1866. Курс международного права. Вып. 2. Харьков: 412 с.
5. Кулишер И.М. 1923. Очерк истории российской торговли. Петербург: 328 с.
6. Микаелян Г.Г. 1952. История Киликийского армянского государства. Ереван: 555 с.
7. Отфейль Л. 1887. История происхождения, развития и изменения морского международного права. пер. А. Долгов. Санкт-Петербург: 569 с.
8. Стоянов А.Н. 1875. Очерки истории и догматики международного права. Харьков: 743с.
9. Танненбаум И.Л. 1913. Об аварии. Временник Демидовского юридического лицея. 111: 5–25.
10. Федоров А.Ф. 1913. Морское право. Одесса: 353 с.
11. Цитович П.П. 1873. Лекции по торговому праву, читанные в Императорском Новороссийском университете в 1873/1874 учебном году. Выпуск 1. Одесса: 168 с.
12. Шершеневич Г.Ф. 1908. Курс торгового права: Введение. Торговые деятели. Т. 1. СПб: 520 с
13. Laudati, C., 1894. La tabula di Amalfi. Bari.
14. Moretti, G., 1904. La prima repubblica marinara d'Italia. Ravenna.
15. Roussel, A., 1843. Encyclopédie du droit. Bruxelles.

Список литературы

1. Алимова Я.О. 2019. Возможность унификации в сфере трансграничных договорных отношений в странах БРИКС. *Lex Russia*, 11: 9–17.
2. Алимова Я.О. 2019. Небольшой исторический экскурс по правилам Инкотермс с 1936 по 2020 г. с акцентом на новой редакции. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 10: 147–156.
3. Григорьев А.П., Григорьев В.П. 1990. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: Реконструкция содержания. *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*, 13: 74–107.
4. Доливо–Добровольский А.И. 1902. Закон и обычай в эволюции морского права. *Вестник права*, 2: 32–55.
5. Климанов Л.Г. 1998. Обретение Венецией моря: право, политика, символы. *Причерноморье в средние века*, 3: 145–157.
6. Луговой О.М. 2005. Кодекс Олерона. Приговоры моря. *Морское право: актуальные вопросы и практики. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Одесса*. 2: 221–235.
7. Мажорина М.В. 2017. *Lex mercatoria: средневековый миф или феномен глобализации?* *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 1: 4–19.
8. Мажорина М.В. 2019. О коллизии права и «Неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн–арбитраже. *Lex Russia*, 7(152): 93–107.
9. Мажорина М.В., Алимова Я.О. 2017. *Международные контракты и их регуляторы*. М., 448 с.
10. Мазепов П.Е. 2017. Тенденции развития *lex mercatoria*. *Universum: экономика и юриспруденция*, 8(41): 8–11.
11. Мережко А.А. 2006. *Наука международного частного права: история и современность*, Киев: 352 с.

12. Назаренко Н.И. 2017. Влияние городского права Германии на регулирование торговых отношений в Великом Новгороде в XII–XVII вв. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 4: 52–57.
13. Назаренко Н.И. 2018. Правовые основы организации торговых корпораций Германии и их отражение в корпусе международных актов Новгорода и Ганзы (XII–XV вв.). Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 4: 12–19.
14. Пузырева Е.Н. 2014. Lex mercatoria как источник регулирования трансграничного обращения ценных бумаг. Проблемы экономики и юридической практики, 5: 145–148.
15. Berger K.P. The Lex Mercatoria (Old and New) and the TransLex–Principles. Trans–Lex.org. LAW RESEARCH: URL: https://www.trans–lex.org/the–lex–mercatoria–and–the–translex–principles_ID8
16. Juenger Friedrich K. 2000. The Lex Mercatoria and Private International Law. Louisiana Law Review. Vol. 60.4: 1133–1150.
17. Mignone A., 2016. Nuovi studi sulla Tabula de Amalphi. Verona: 104 p.
18. Robilant di, A., 2006. Genealogies of Soft Law. The American Journal of Comparative Law, 54 (Co. 3): 218–265.

References

1. Alimova Ya.O. 2019. Vozmozhnost` unifikacii v sfere transgranichny`x dogovorny`x otnoshenij v stranax BRIKS [The possibility of unification in the field of cross–border contractual relations in the BRICS countries]. Lex Russia, 11: 9–17.
2. Alimova Ya.O. 2019. Nebo`shoj istoricheskij e`kskurs po pravilam Inkoterms s 1936 po 2020 g. s akcentom na novoj redakcii [A short historical tour of the Incoterms rules from 1936 to 2020, with an emphasis on the new version]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina, 10: 147–156.
3. Grigor`ev A. P., Grigor`ev V. P. 1990. Yarly`k Uzbeka venecijskim kupczam Azova: Rekonstrukciya sodержaniya [The Uzbek label to the Venetian merchants of Azov: Reconstruction of the content]. Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki, 13: 74–107.
4. Dolivo–Dobrovo`lskij A.I. 1902. Zakon i oby`chaj v e`voljucii morskogo prava [Law and custom in the evolution of maritime law]. Vestnik prava, 2: 32–55.
5. Klimanov L.G. 1998. Obretenie Veneciej morya: pravo, politika, simvolny` [Venice's acquisition of the Sea: law, politics, symbols]. Prichernomor`e v srednie veka, 3: 145–157.
6. Lugovoj O.M. 2005. Kodeks Olerona. Prigovory` morya. Morskoe pravo: aktual`ny`e voprosy` i praktiki [The Code Of Oleron. Sentences of the sea. The law of the sea: current issues and practices]. Collection of scientific papers. Issue 2. Odessa. 2: 221–235.
7. Mazhorina M.V. 2017. Lex mercatoria: srednevekovy`j mif ili fenomen globalizacii? Pravo [Lex mercatoria: Medieval myth or the phenomenon of globalization? Right]. Zhurnal Vy`sšej shkoly` e`konomiki, 1: 4–19.
8. Mazhorina M.V. 2019. O kollizii prava i «Neprava», renovacii lex mercatoria, smart–kontraktax i blokcheyn–arbitrazhe [About the conflict of right and Wrong, lex mercatoria renovation, smart contracts and blockchain arbitration]. Lex Russia, 7(152): 93–107.
9. Mazhorina M.V., Alimova Ya.O. 2017. Mezhdunarodny`e kontrakty` i ix regulatory` [International contracts and their regulators]. M., 448 p.
10. Mazepov P.E. 2017. Tendencies of lex mercatoria evolvment. Universum: e`konomika i yurisprudenciya, 8(41): 8–11. (In Russian)
11. Merezhko A.A. 2006. Nauka mezhdunarodnogo chastnogo prava: istoriya i sovremennost` [The science of Private International Law: History and Modernity]. Kiev, 352 p.
12. Nazarenko N.I. 2017. Vliyanie gorodskogo prava Germanii na regulirovanie torgovy`x otnoshenij v Velikom Novgorode v XII–XVII vv. [The influence of German city law on the regulation of trade relations in Veliky Novgorod in the XII–XVII centuries]. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya, 4: 52–57.
13. Nazarenko N.I. 2018. Pravovy`e osnovy` organizacii torgovy`x korporacij Germanii i ix otrazhenie v korpuse mezhdunarodny`x aktov Novgoroda i Ganzy` (XII–XV vv.) [Legal foundations of the organization of German trade corporations and their reflection in the corpus of International Acts of Novgorod and the Hansa (XII–XV centuries)]. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya, 4: 12–19.

14. Puzy`reva E.N. 2014. Lex mercatoria kak istochnik regulirovaniya transgranichnogo obrashheniya cenny`x bumag [Lex mercatoria as a source of regulation of cross-border securities circulation]. Problemy` e`konomiki i yuridicheskoy praktiki, 5: 145–148.

15. Berger K.P. The Lex Mercatoria (Old and New) and the TransLex–Principles. TransLex.org. LAW RESEARCH: URL: https://www.trans-lex.org/the-lex-mercatoria-and-the-translex-principles_ID8

16. Juenger Friedrich K. 2000. The Lex Mercatoria and Private International Law. Louisiana Law Review. Vol. 60.4: 1133–1150.

17. Mignone A., 2016. New studies on the Tabula De Amalphi. Verona: 104 p.

18. Robilant di, A., 2006. Genealogies of Soft Law. The American Journal of Comparative Law, 54 (No. 3): 218–265.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комнатная Юлия Александровна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

Мирошников Евгений Васильевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Остапюк Владимир Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Komnatnaya, candidate of law, lecturer of the Department of state and legal disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

Evgeny V. Miroshnikov, candidate of economics, associate professor of the Department of administrative law and procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir G. Ostapyuk, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-145-154

Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки

Мархгейм М.В.

Юридический институт Белгородского государственного
национального исследовательского университета
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: markheim@bsu.edu.ru

Аннотация. Исследовано общероссийское голосование как уникальный по факту и адекватный по признакам народовластный феномен, учрежденный и реализованный в России специально для одобрения российскими гражданами поправок к Конституции России. Предложены аргументы в пользу терминологического выбора и отграничения общероссийского от всенародного и иных видов голосования. Проведено сопоставление народовластных признаков общероссийского голосования с референдумом Российской Федерации по критериям формальным. Сделан вывод, что учрежденное распоряжением главы государства и конкретизированное Законом о поправках к Конституции общероссийское голосование проявило себя в качестве нового механизма привлечения российских граждан к управлению делами государства путем участия в конституционном «поправочном» процессе. По мнению автора, оправданность и успешность разово проведенного плебисцитарного эксперимента обуславливает целесообразность его использования и в других народовластных целях.

Ключевые слова: референдум Российской Федерации, народовластие, Конституция Российской Федерации, поправка к конституции.

Для цитирования: Мархгейм М.В. 2021. Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 46 (1): 145–154. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-145-154

All-Russian voting: the people-power's signs and ghosts

Marina V. Markhgeym

Law Institute of the Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015
E-mail: markheim@bsu.edu.ru

Abstract. The article examines the all-Russian voting as a unique in fact and adequate in terms of the people's power phenomenon, established and implemented in our country specifically for the approval of Russian citizens of amendments to the Constitution of the Russian Federation. The arguments in favor of the terminological choice and differentiation of the all-Russian from the national and other types of voting are proposed. The author compares the features of the people's power of the all-Russian vote with the referendum of the Russian Federation according to the formal criteria. It is concluded that the all-Russian vote, established by the decree of the head of state and specified by the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution, has proved to be a new mechanism for involving Russian citizens in the management of state affairs by participating in the constitutional "amendment" process. According to the

author, the justification and success of a one-time plebiscite experiment determines the expediency of its use for other popular purposes.

Keywords: referendum of the Russian Federation, democracy, Constitution of the Russian Federation, amendment to the Constitution.

For citation: Markhgeym M.V. 2021. All-Russian voting: the people-power's signs and ghosts. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 145–154 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-145-154

Введение

Конституционные постулаты о «единственном источнике власти» в Российском государстве (ч. 1 ст. 3), непосредственном и опосредованном осуществлении многонациональным народом своей власти (ч. 2 ст. 3) и высших формах ее выражения (ч. 3 ст. 3) возводят народовластную тематику в разряд неизменно актуальных. При этом случаются события, которые изменяют ракурс ее исследования. К таковым в полной мере относится общероссийское голосование, ворвавшееся в конституционно-правовую науку и практику в 2020 году в связи с внесением изменений в Конституцию Российской Федерации. Повториться такой формат волеизъявления народа России или останется уникальным случаем – сказать однозначно нельзя. Но вполне определенно можно заключить, что общероссийское голосование оживило и народовластную сферу, и научные исследования о ней.

Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации моментально оказалось в фокусе исследовательского внимания. Оно закономерно получило научное освещение в связи с обновлением Конституции России [Безруков, 2020; Мархгейм, 2020; Михеева, 2020], в контексте конституционной реформы [Зинченко, Хазов, 2020; Рыбакова, 2020], в конституционном измерении [Игнатов, 2020; Старостина, 2020], в качестве института прямой демократии [Дзидзоев, Лолаева, 2020; Христофорова, Соколова, 2020] и конституционных прав граждан [Хорунжий, 2020; Чеботарев, 2020].

Наряду с указанными аспектами общероссийское голосование «препарировалось» для постижения его особенностей [Виноградова, 2020], социальных смыслов и процедур [Журавлёв, 2020], процессуального [Дзидзоев, 2020; Нестерчук и др.; Сизов, 2020] и отраслевого [Ларина, Пантюхина, 2020] обеспечения.

Общероссийское голосование получило также научное освещение в сопряжении с наблюдением и волонтерством [Булгакова, 2020; Смирнов, 2020], сквозь призму общественного мнения [Надин, 2020], общественных объединений [Куксин, Шухов, 2020] и мнений зарубежных экспертов [Тюков, Песков, 2020].

При этом общероссийскому голосованию – новому конституционно-правовому феномену, являющемуся ключевым звеном легитимации конституционных изменений, – еще предстоит быть познанным в своем народовластном потенциале, в развитии известных и новых конституционных прав граждан, в уточнении полномочий публичных органов и общественных структур. Настоящая статья посвящена раскрытию признаков общероссийского голосования как народовластного феномена и оценке прозрачности таких его перспектив.

Объект и методы исследования

Объектом исследования определены общественные отношения по поводу общероссийского голосования в части его учреждения, конституционно-правового

регулирования и реализации, а также научные обобщения и выводы представителей конституционно-правовой науки, отозвавшихся о новом феномене в своих публикациях.

Раскрытие темы потребовало привлечение общенаучных (системный, анализ и синтез) и частнонаучных методов. В числе последних лингво-юридический, формально-юридический, сравнительно-правовой и др. С их помощью выявлены особенности понятийного, нормативно-учредительного, гарантирующего, практического, иного обособления феномена общероссийского голосования в народовластном ключе.

Резоны терминологической идеи

Термин «общероссийское голосование» как и само это конституционно-правовое явление оказались необычными настолько, что равнодушных в среде конституционалистов – теоретиков и практиков – не оставили.

К выбору адекватного термина, отражающего задумку Президента Российской Федерации, озвученную им в послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г., вынести на обсуждение ряд конституционных поправок, подступить было не так просто уже потому, что никакого плебисцитарного механизма в этой связи не предусмотрено. Что это за форма обсуждения – опрос или голосование, если голосование, то какое из известных? Интрига длилась почти месяц: Распоряжением Президента России от 14 февраля 2020 г. № 32-рп было определено, что обсуждение конституционных поправок пройдет в форме общероссийского голосования.

Голосование определенно является способом принятия решения, как правило, большинством. В народовластном ключе голосование признано конституционным средством участия граждан в управлении делами государства. В зависимости от того, направлено голосование на формирование государственного органа, наделения полномочиями должностного лица или на решение вопроса государственного значения, различают выборы и референдум. В народовластных целях именно с последним корректно сравнивать общероссийское голосование.

Референдум Российской Федерации определяется как всенародное голосование. С точки зрения источника власти и носителя суверенитета эта народовластная форма, обозначенная в Конституции России в качестве высшей, названа почти идеально. Аберрация связана с тем, что многонациональный народ России и реальный субъект, имеющий право принимать участие в референдуме, не тождественны.

Введение нового термина – «общероссийское голосование» – для обозначения новой по предназначению и отличающейся по процедуре формы волеизъявления российских граждан представляется верным. Терминологическое отграничение общероссийского голосования от всенародного по идее должно снимать неопределенность в понимании их цели и статуса. И действительно, всенародное голосование с процессом внесения поправок в главы 3–8 Конституции России практически не связывалось.

Однако терминологическая путаница все-таки случилась. Так, в названиях, аннотациях и ключевых словах статей, посвященных конституционному «поправочному» процессу 2020 г., встречается вместо «общероссийского» «всероссийское» голосование [Хурматуллина, 2020; Черепанов, 2020]. Это не точно и с формальной, и со смысловой точек зрения. Так, всероссийское голосование указывает, скорее, на масштаб действия по типу «всероссийская перепись населения», «всероссийская конференция», «всероссийская юридическая олимпиада студентов» или «всероссийский юридический диктант». В таких мероприятиях, как правило, каждый за себя. При голосовании же выясняется общая воля.

Представляется, что выбор термина «общероссийское голосование» согласуется с его предназначением – выявить степень общности россиян по вопросу единого пакета изменений в Конституцию России. Вероятно, что на предпочтение именно «общероссийского», а не иного определения голосования по конституционным поправкам могло повлиять и наименование снискавшего признание общественного движения – Общероссийский Народный Фронт. Однако, возможно, это из серии конституционного романтизма.

Таким образом, термином «общероссийское голосование» удалось отграничить конституционную (всенародное голосование) и инициированную главой Российского государства формы народовластия и свойственные им предназначения.

Формализация уникальной народовластной идеи

Общероссийское голосование в актуальном его смысле появилось, как уже отмечалось, в Распоряжении Президента от 14 февраля 2020 г. № 32-рп и введено в связи «с необходимостью обеспечения участия граждан Российской Федерации в решении вопросов о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации». То есть первородный замысел этого общероссийского голосования был связан с народовластными резонами. Возможность участия российских граждан в изменении глав 3–8 действующей Конституции России прямо не предусмотрена. Опосредованное их участие в изменениях указанных конституционных глав обеспечивается тем, что в принятие Закона Российской Федерации о поправке к Конституции включены народные избранники в лице федеральных и региональных парламентариев, а также глава Российского государства. Это предусмотрено ст. 136 Конституции России в развитие ее ст. 3. В 2008 и 2014 гг. принятие поправок к Конституции именно так и осуществлялось: парламентом принимался соответствующий закон Российской Федерации, который одобрялся органами законодательной власти 2/3 ее субъектов, затем подписывался и обнародовался главой государства. В 2020 г. масштабность и принципиальность предлагаемых поправок актуализировали непосредственное обращение к воле обладающих избирательным правом российских граждан в рамках общероссийского голосования, чему предшествовало заключение Конституционного Суда содержательного и процедурного свойства.

Напомним, что непосредственное участие российских граждан было реализовано в ходе принятия Конституции России 1993 г. путем «всенародного голосования» (а не референдума, как нередко говорят, отождествляя эти формы народовластия; однако на момент принятия Конституции России институт референдума не был формализован). В п. 1 Раздела второго Конституции России точно указано, что она вступает в силу «... по результатам всенародного голосования». О всенародном голосовании идет речь и в ч. 3 конституционной ст. 135, где закреплен вариант вынесения на него проекта новой Конституции России.

Следовательно, в конституционном сопряжении всенародное голосование соотносится с процессом пересмотра Конституции России, а общероссийское голосование – с «поправочным» процессом. Полагаем, что именно заявленные в главе 9 варианты изменения российской Конституции – конституционные поправки и пересмотр Конституции – явились водоразделом в определении вида голосования граждан России.

Общероссийское голосование, «родившись» в распоряжении главы государства, получило формализацию в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Форма такого рода Закона была определена Постановлением Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 12-П по делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации. В нем изложены выводы о том, что коль скоро процедура принятия поправок

принципиально отличается от процедуры принятия и федерального конституционного, и федерального законов, то акт, содержащий поправки к Конституции России, не может именоваться ни одним из них. Учрежденные Конституцией России 1993 г. виды актов – федеральный конституционный закон и федеральный закон – принимаются во исполнение Конституции России и не могут изменить ее содержания, равно как и стать ее частью. Приведенные и иные убедительные доводы Конституционного Суда послужили обоснованию вывода о том, что конституционные положения ст. 136 могут быть реализованы исключительно в форме специального правового акта о конституционной поправке – Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации.

Народовластные ресурсы общероссийского и всенародного голосования: проверка практикой

Интересен вопрос о соотношении и народовластном потенциале общероссийского и всенародного голосования сообразно иерархии учредивших их актов. Так, общероссийское голосование введено Законом о поправке к Конституции, который по юридической силе ниже самой Конституции, но выше федерального конституционного закона. Именно таким актом – Федеральным конституционным законом от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» – конкретизированы конституционные положения о референдуме (ч. 3 ст. 3, ч. 2 ст. 32, п. «а» ст. 84) и всенародном голосовании (ч. 3 ст. 135). Так что же, общероссийское голосование выше по иерархии? Полагаю, что все-таки здесь нужно исходить из учредительного статуса и юридической силы самой Конституции Российской Федерации: она имеет верховенство на всей территории страны (ч. 2 ст. 4) и высшую юридическую силу (ч. 1 ст. 15). При этом референдум – стабильная в своем конституционном статусе форма волеизъявления российских граждан, а общероссийское голосование – ситуативная.

Народовластный потенциал общероссийского голосования ограничен разовостью акта, его формализовавшего: своей ст. 1 Закон о поправке к Конституции вошел в текст самой Конституции, а ст. 2 и 3, будучи реализованными для конкретного конституционно-правового народовластного действия, не применимы для другого случая. С этой точки зрения общероссийское голосование не может рассматриваться как типичная форма народовластия, новое конституционное право граждан. При этом рассматриваемая единичная народовластная акция в своем конституционном сопряжении определенно оживила восприятие российских граждан своего права на участие в управлении делами государства, об изменениях организации и функционирования атрибутов которого они (мы) высказались.

Представляется, что народовластный энтузиазм российских граждан в общероссийском голосовании проявился и потому, что референдумов Российской Федерации (всенародных голосований по вопросам государственного значения) со времен принятия Конституции России не проводилось, и перспективы их туманны. Поэтому, учитывая, что уникальный народовластный феномен – общероссийское голосование – успешно апробирован, он более «бодр» по сравнению с хотя и признанным высшей формой народовластия, но «спящим» референдумом.

Следующий вопрос, который возникает в связи с размышлениями о неизвестном ранее общероссийском голосовании, касается его соотношения с весьма детально проработанным с научных конституционно-правовых позиций и нормативно прописанным в материальном и процессуальном отношениях институтом референдума. Последний, как следует из федерального конституционного закона о нем, предполагает голосование российских граждан, имеющих на это право, по вопросам государственного

значения. Общероссийское голосование также опиралось на волю российских граждан, обладающих правом голосовать, а вопрос внесения изменений в Конституцию страны априори принадлежит к вопросам государственного значения. Следовательно, можно говорить о субъектной и объектной общности рассматриваемых народовластных институтов.

Корректным представляется сопоставление всенародного и общероссийского голосования с позиции принципов их организации и проведения. Принципами проведения референдума, как следует из ст. 2 федерального конституционного закона о референдуме, является всеобщее равное прямое и свободное волеизъявление российских граждан при тайном голосовании (ч. 1). Подчеркнуто также, что «участие гражданина Российской Федерации ... в референдуме является свободным и добровольным» (ч. 5). Для проведения общероссийского голосования были предусмотрены аналогичные принципы, которые изложены в п. 7 и 8 ст. 2 Закона о поправке к Конституции России от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ. Следовательно, общность каталога и содержания демократических принципов организации и проведения роднит сопоставляемые формы волеизъявления российских граждан.

Следующим критерием для сравнения всенародного и общероссийского голосования предлагаем субъекта-инициатора их проведения. Инициатива проведения референдума Российской Федерации, согласно ст. 14 федерального конституционного закона о референдуме, принадлежит трем субъектам, в числе которых универсальный коллективный социальный субъект (не менее чем 2 млн российских граждан, которые вправе участвовать в референдуме, при условии соблюдения «региональной ограничительной квоты» по месту жительства не более 50 тыс. человек) и два организационных публичных субъекта для специальных случаев – Конституционное Собрание и федеральный орган государственной власти.

Инициатива проведения общероссийского голосования принадлежала исключительно Президенту Российской Федерации, что оформлено было его указом. Таковой был принят 17 марта 2020 г.: № 188 «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации».

При различии субъекта-инициатора исследуемых народовластных феноменов их единит субъект назначения: в обоих случаях это указная прерогатива главы Российского государства.

Отличительной чертой рассматриваемых форм волеизъявления граждан являются также правила определения их результатов. Так, судя по ч. 5 ст. 80 федерального конституционного закона о референдуме, «Центральная избирательная комиссия Российской Федерации признает референдум состоявшимся, если в голосовании приняло участие более половины участников референдума, внесенных в списки...». Для общероссийского голосования достаточно поддержки большинства из принявших участие в нем российских граждан. Поскольку референдумов Российской Федерации более четверти века не проводилось, иллюстрация волеизъявления российских граждан возможна только на примере общероссийского голосования. Согласно официальным данным Центральной избирательной комиссии, изложенным в ее Постановлении от 3 июля 2020 г. № 256/1888-7 «О результатах общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации», утвердительно ответили 77,92 % от числа российских граждан, принявших участие в общероссийском голосовании [Вестник ЦИК России. 2020. № 5].

Отличительной чертой сравниваемых институтов прямого волеизъявления является и роль Конституционного Суда Российской Федерации. Если Конституционный Суд для

проведения референдума должен ответить на запрос Президента Российской Федерации «о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума по предложенному вопросу ... референдума» (ч. 1 ст. 23), то для общероссийского голосования перед ним была поставлена нетипичная задача – дать заключение о соответствии/несоответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и о соответствии ей порядка вступления в силу ст. 1 указанного Закона. При этом и ответ на запрос, и заключение Конституционного Суда Российской Федерации по сути определяют перспективы проведения рассматриваемых форм прямого народовластия.

Реализацию любых народовластных форм сопровождает система гарантий, в числе которых организационные (институциональные). Организационной гарантией проведения всенародного голосования выступает система избирательных комиссий, возглавляемая Центральной избирательной комиссией Российской Федерации. На нее же Распоряжением Президента от 14 февраля 2020 г. № 32-рп была возложена организация подготовки проведения общероссийского голосования. Был сделан акцент и на том, что в этом процессе участвуют также избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, территориальные и участковые избирательные комиссии. Можно утверждать, что именно на общероссийском голосовании ЦИК и подчиненная ей система избирательных комиссий приобрели первый свой опыт неэлекторального толка.

Общей чертой референдума и общероссийского голосования является предусмотренный для них институт наблюдателей. При этом для общероссийского голосования в качестве таковых определены исключительно Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты субъектов Федерации, в то время как для референдума – более широкий их круг, включая представителей от политических партий, иностранных (международных) наблюдателей и представителей средств массовой информации.

Подытоживая, подчеркнем, что наличие общих и особенных черт референдума и общероссийского голосования позволяет убедиться в народовластных признаках последнего, а также оценить перспективы его применения не в качестве разовой акции по поправочному процессу Конституции России, а и для решения иных вопросов государственного значения.

Выводы

Общероссийское голосование по поправкам к Конституции Российской Федерации явилось первым событием плебисцитарного уровня. Учрежденное распоряжением главы государства и конкретизированное Законом Российской Федерации о поправках к Конституции общероссийское голосование проявило себя в качестве нового экспериментального механизма привлечения российских граждан к управлению делами государства путем участия в конституционном «поправочном» процессе. Поскольку данный эксперимент себя оправдал, целесообразно его дальнейшее использование и за пределами процесса внесения изменений в российскую Конституцию.

Формальные критерии сопоставления в народовластных целях всенародного и общероссийского голосования, как то: субъекты-участники; объект (вопрос государственного значения); субъект-инициатор; субъект, принимающий решение о проведении голосования; принципы организации и проведения голосования; организационные гарантии; правила подведения итогов; последствия – позволили выявить, что они имеют больше общего, чем различного.

Всенародное голосование (референдум) как авторитетный, признанный, демократически атрибутивный, конституционно и законодательно формализованный институт, достаточно успешно разработанный конституционно-правовой наукой, ни разу не прошел проверку практикой. При этом общероссийское голосование сначала ворвалось в конституционно-правовую практику и теперь осмысливается конституционно-правовой доктриной, в том числе с народовластных позиций.

Общероссийскому голосованию свойственны все народовластные признаки, характерные для референдума, но перспективы его приложения к решению аналогичных былым и иных вопросов государственного значения призрачны. Скорее всего общероссийское голосование так и останется народовластным уникалом 2020 года.

Список литературы

1. Безруков А.В. 2020. Стабильность Конституции Российской Федерации и современные конституционные преобразования: сочетание и балансирование возможностей. Проблемы права, 2 (76): 7–15.
2. Булгакова А.В. 2020. Институционализация общественного наблюдения. Избирательное законодательство и практика, 2: 8–10.
3. Виноградова Е.В. 2020. Референдум или общероссийское голосование: к вопросу о форме одобрения поправок 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Евразийская адвокатура, 4 (47): 75–78.
4. Дзидзоев Р.М. 2020. Конституционные поправки 2020 г.: процессуальные вопросы. Международный журнал конституционного и государственного права, 3: 17–20.
5. Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. 2020. Общенародное голосование как институт прямой демократии. Закон и право, 12: 38–41.
6. Журавлёв В.П. 2020. Общероссийское голосование по изменениям в конституцию: социальные смыслы и процедуры. Избирательное законодательство и практика, 2: 3–7.
7. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. 2020. Деятельность органов публичной власти в рамках предстоящей конституционной реформы в современной России. Международный журнал конституционного и государственного права, 3: 38–42.
8. Игнатов А.В. 2020. Общероссийское голосование в конституционном измерении. Избирательное законодательство и практика, 2: 11–17.
9. Куксин И.Н., Шухов Ф.Г. 2020. Поправки к Конституции России в фокусе общественных объединений. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 5 (120): 65–69.
10. Ларина Л.Ю., Пантюхина И.В. 2020. О защите процесса всероссийского голосования по одобрению поправок в Конституцию России уголовно-правовыми средствами. Выборы: теория и практика, 1 (53): 18–21.
11. Мархгейм М.В. 2020. Обновление Конституции России: думы о былом и грядущем. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 6 (121): 51–55.
12. Михеева Т.Н. 2020. Обновление Конституции России: что ожидать государству и обществу. Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. Т. 6. № 3 (23): 277–285.
13. Надин А.Н. 2020. Роль общественного мнения в принятии поправок к Конституции Российской Федерации. Вопросы российской юстиции, 7: 44–54.
14. Нестерчук О.А., Дьячковский С.Н., Арутюнов А.Г., Сизов В.О. 2020. Общероссийское голосование по поправкам к Конституции России 2020: агитация, ход голосования, итоги, региональные особенности. The Newman in Foreign Policy. Т. 4. № 55 (99): 15–21.
15. Рыбакова С.В. 2020. Новеллы конституционной реформы в Российской Федерации. Устойчивое развитие науки и образования, 6 (45): 69–76.
16. Смирнов К.В. 2020. Наблюдение и волонтерство как средство обеспечения легитимности выборов и общероссийского голосования. Вопросы российской юстиции, 8: 8–18.
17. Старостина И.А. 2020. Общероссийское голосование в контексте конституционных поправок 2020 г. Конституционное и муниципальное право, 8: 18–23.

18. Тюков Н.А., Песков А.В. 2020. Поправки к Конституции Российской Федерации: мнения зарубежных экспертов. Избирательное законодательство и практика, 2: 45–48.
19. Хорунжий С.Н. 2020. Общероссийское голосование как субсидиарная форма реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства. Мониторинг правоприменения, 3 (36): 9–15.
20. Христофорова Е.И., Соколова Е.А. 2020. Перспективы развития института плебисцитарной демократии в Российской Федерации. Выборы: теория и практика, 1 (53): 14–18.
21. Хурматуллина А.М. 2020. Поправки к Конституции Российской Федерации 2020: особенности правового регулирования вносимых изменений. Евразийский юридический журнал, 6 (145): 167–169.
22. Чеботарев Г.Н. 2020. Конституционное право граждан на внесение изменений в Конституцию Российской Федерации. Государство и право, 12: 7–15.
23. Черепанов В.А. 2020. О необходимости и целесообразности конституционных изменений. Российская юстиция, 8: 35–38.

References

1. Bezrukov A.V. 2020. Stabil'nost' Konstitucii Rossijskoj Federacii i sovremennye konstitucionnye preobrazovaniya: sochetanie i balansirovanie vozmozhnostej [Stability of the Constitution of the Russian Federation and Modern Constitutional transformations: combination and balancing of possibilities]. Problemy prava, 2 (76): 7–15.
2. Bulgakova A.V. 2020. Institucionalizaciya obshchestvennogo nablyudeniya [Institutionalization of public surveillance]. Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika, 2: 8–10.
3. Vinogradova E.V. 2020. Referendum ili obshcherossijskoe golosovanie: k voprosu o forme odobreniya popravok 2020 goda v Konstituciyu Rossijskoj Federacii [A referendum or an all-Russian vote: on the form of approval of the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation]. Evrazijskaya advokatura, 4 (47): 75–78.
4. Dzidzoev R.M. 2020. Konstitucionnye popravki 2020 g.: processual'nye voprosy [Constitutional amendments of 2020: procedural issues.]. Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava, 3: 17–20.
5. Dzidzoev R.M., Lolaeva A.S. 2020. Obshchenarodnoe golosovanie kak institut pryamoj demokratii [Public voting as an institution of direct democracy]. Zakon i pravo, 12: 38–41.
6. ZHuravlyov V.P. 2020. Obshcherossijskoe golosovanie po izmeneniyam v konstituciyu: social'nye smysly i procedury [The All-Russian vote on amendments to the Constitution: social meanings and procedures]. Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika, 2: 3–7.
7. Zinchenko E.YU., Hazov E.N. 2020. Deyatel'nost' organov publichnoj vlasti v ramkah predstoyashchej konstitucionnoj reformy v sovremennoj Rossii [The activities of public authorities in the framework of the upcoming constitutional reform in modern Russia]. Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava, 3: 38–42.
8. Ignatov A.V. 2020. Obshcherossijskoe golosovanie v konstitucionnom izmerenii [The all-Russian vote in the constitutional dimension]. Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika, 2: 11–17.
9. Kuksin I.N., SHuhov F.G. 2020. Popravki k Konstitucii Rossii v fokuse obshchestvennyh ob"edinenij [Amendments to the Constitution of Russia in the focus of public associations]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 5 (120): 65–69.
10. Larina L.YU., Pantyuhina I.V. 2020. O zashchite processa vserossijskogo golosovaniya po odobreniyu popravok v Konstituciyu Rossii ugovovno-pravovymi sredstvami [On the protection of the process of the All-Russian vote on the approval of amendments to the Constitution of Russia by criminal legal means]. Vyборы: teoriya i praktika, 1 (53): 18–21.
11. Marhgejm M.V. 2020. Obnovlenie Konstitucii Rossii: dumy o bylom i gryadushchem [Updating the Constitution of Russia: thoughts about the past and the future]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 6 (121): 51–55.
12. Miheeva T.N. 2020. Obnovlenie Konstitucii Rossii: chto ozhidat' gosudarstvu i obshchestvu. [Updating the Russian Constitution: what to expect for the state and society.]. Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. YUridicheskie nauki. Vol. 6. No. 3 (23): 277–285.

13. Nadin A.N. 2020. Rol' obshchestvennogo mneniya v prinyatii popravok k Konstitucii Rossijskoj Federacii [The role of public opinion in the adoption of amendments to the Constitution of the Russian Federation]. *Voprosy rossijskoj yusticii*, 7: 44–54.

14. Nesterchuk O.A., D'yachkovskij S.N., Arutyunov A.G., Sizov V.O. 2020. Obshcherossijskoe golosovanie po popravkam k Konstitucii Rossii 2020: agitaciya, hod golosovaniya, itogi, regional'nye osobennosti [The All-Russian vote on amendments to the Constitution of Russia 2020: campaigning, voting progress, results, regional features]. *The Newman in Foreign Policy*. Vol. 4. No. 55 (99): 15–21.

15. Rybakova S.V. 2020. Novelty konstitucionnoj reformy v Rossijskoj Federacii [Novelties of Constitutional Reform in the Russian Federation]. *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya*, 6 (45): 69–76.

16. Smirnov K.V. 2020. Nablyudenie i volonterstvo kak sredstvo obespecheniya legitimnosti vyborov i obshcherossijskogo golosovaniya [Observation and volunteerism as a means of ensuring the legitimacy of elections and the all-Russian vote]. *Voprosy rossijskoj yusticii*, 8: 8–18.

17. Starostina I.A. 2020. Obshcherossijskoe golosovanie v kontekste konstitucionnyh popravok 2020 g. [All-Russian voting in the context of the Constitutional Amendments of 2020]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 8: 18–23.

18. Tyukov N.A., Peskov A.V. 2020. Popravki k Konstitucii Rossijskoj Federacii: mneniya zarubezhnyh ekspertov [Amendments to the Constitution of the Russian Federation: opinions of foreign experts]. *Izбирatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, 2: 45–48.

19. Horunzhij S.N. 2020. Obshcherossijskoe golosovanie kak subsidiarnaya forma realizacii konstitucionnogo prava grazhdan na uchastie v upravlenii delami gosudarstva [All-Russian voting as a subsidiary form of realization of the constitutional right of citizens to participate in the management of state affairs]. *Monitoring pravoprimeneniya*, 3 (36): 9–15.

20. Hristoforova E.I., Sokolova E.A. 2020. Perspektivy razvitiya instituta plebiscitarnoj demokratii v Rossijskoj Federacii [Prospects for the development of the Institute of plebiscite democracy in the Russian Federation]. *Vybory: teoriya i praktika*, 1 (53): 14–18.

21. Hurmatullina A.M. 2020. Popravki k Konstitucii Rossijskoj Federacii 2020: osobennosti pravovogo regulirovaniya vnosimyh izmenenij [Amendments to the Constitution of the Russian Federation 2020: features of the legal regulation of the amendments]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*, 6 (145): 167–169.

22. Shebotarev G.N. 2020. Konstitucionnoe pravo grazhdan na vnesenie izmenenij v Konstituciyu Rossijskoj Federacii [The constitutional right of citizens to amend the Constitution of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo*, 12: 7–15.

23. Cherepanov V.A. 2020. O neobходимosti i celesoobraznosti konstitucionnyh izmenenij [On the necessity and expediency of constitutional changes]. *Rossijskaya yusticiya*, 8: 35–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мархгейм Марина Васильевна, заведующая кафедрой конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, профессор, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Markheym, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of the National Research University «BelSU», Doctor of Law, Professor, Belgorod, Russia

УДК 347.6

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-155-162

О влиянии нравственных ценностей на принципы и нормы семейного права

Рыженков А.Я.

Калмыцкий государственный университет,
Россия, 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: 4077778@list.ru

Аннотация. Нравственные принципы и нормы оказывают влияние на содержание основных принципов и норм семейного законодательства, закладывая базу для его дальнейшего развития и совершенствования. Происходит правовое закрепление основных семейных (традиционных) ценностей, формулировка их правовым языком, а также последующая реализация посредством норм семейного права. Автор доказывает, что применительно к большинству нравственных правил, опосредованных в нормах семейного права, собственно право выполняет охранительную роль, защищая членов семьи от опасных для их жизни или здоровья воздействий со стороны других членов семьи или третьих лиц, в то время как нормы морали выполняют регулируемую функцию, определяя повседневную жизнь семьи. Именно нравственные ценности, отображенные в нормах семейного права, позволяют реализовать воспитательную функцию семейного права, направленную на сохранение семьи, обеспечение права ребенка жить и воспитываться в семье, гарантируют материальную основу жизни семьи.

Ключевые слова: мораль, семейное право, брак, алименты, принципы, права ребенка.

Для цитирования: Рыженков А.Я. 2021. О влиянии нравственных ценностей на принципы и нормы семейного права. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 46 (1): 155–162. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-155-162

On the influence of moral values on the principles and norms of family law

Anatoly J. Ryzhenkov

Kalmyk State University,
11 Pushkin St, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia
E-mail: 4077778@list.ru

Abstract. The article substantiates the conclusion that moral principles and norms are quite widely in demand in family legislation and actually influence the content of its basic principles and norms, thereby laying the basis for its further development and improvement. Due to this influence, the basic family (traditional) values are legally fixed, formulated in legal language, and then implemented through the norms of family law. The author proves that in relation to the majority of moral rules mediated in the norms of family law, the law itself performs a protective role, protecting family members from dangerous influences on their life or health from other family members or third parties. In turn, the norms of morality perform a regulating function, determining the daily life of the family. It is the moral values reflected in the norms of family law that make it possible to implement the educational function of family law, aimed at preserving the family, ensuring the right of the child to live and be raised in a family, and guarantee the material basis of family life.

Keyword: morality, family law, marriage, alimony, principles, rights of the child.

For citation: Ryzhenkov A.J. 2021. On the influence of moral values on the principles and norms of family law. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series*. 46 (1): 155–162 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-155-162

Введение

Вопрос о соотношении норм морали и права может быть отнесен к категории вечных. Его дискуссионность и окончательная неразрешимость тем более очевидны, что нравственные установки отдельных социальных групп даже в одном государстве в различные исторические эпохи не совпадают. В этих условиях перед законодателем стоит непростая задача сформулировать нормы права таким образом, чтобы отобразить в них моральные ценности, разделяемые большинством членов общества. Безусловно, перед правом не стоит задача поглотить моральные нормы и ценности, отразить все существующие в обществе нравственные представления. Традиционно эта задача формулируется иначе – построить систему права, отражающую базовые моральные нормы и ценности конкретного общества; урегулировать нормами права не все существующие виды общественных отношений, а только наиболее важные и значимые. Последняя тенденция наиболее ярко видна на примере принципов семейного права, в рамках которых была предпринята попытка установить определенный баланс между моральными ценностями и необходимостью их отображения в нормах семейного права.

Попробуем рассмотреть этот вопрос на примере принципа «необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию», сформулированного в ст. 1 СК РФ.

Результаты и их анализ

Исследуемый принцип был включен в СК РФ под сильным влиянием норм международного права. В частности, в преамбуле Конвенции о правах ребенка 1989 г. указывается, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в атмосфере счастья, любви и понимания». Схожим является и принцип 6 Декларации ООН о правах ребенка от 20 ноября 1959 г. Нравственные начала в семейном праве мы можем встретить и в большинстве конституций и законов зарубежных стран. Так, согласно ст. 212 Гражданского кодекса Наполеона, «супруги обязаны уважать друг друга, хранить верность, оказывать помощь и поддержку»¹. Семейный кодекс Молдовы (п. 3 ст. 2) упоминает в числе принципов семейного права «оказание взаимной моральной и материальной поддержки», «хранение супружеской верности», «разрешение внутрисемейных проблем по взаимному согласию». В числе задач семейного законодательства Туркменистана (ст. 3 СК Туркменистана) упоминается построение семейных отношений на «чувствах взаимной любви и уважения, взаимопонимания, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, укрепление семьи на принципах общечеловеческой морали» [Саенко, 2015, с. 42–43].

В научной литературе данный принцип часто воспринимается скептически. Так, Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «к семейным правам не должны быть причислены устанавливаемые законом права на взаимную любовь, уважение, почтение, потому что это мнимые права – право имеет дело только с внешним миром, но не с душевным» [Шершеневич, 1995, с. 407]. В том же ключе высказываются и современные авторы. Так, Б.М. Гонгало считает, что включение подобных норм в СК РФ нельзя рассматривать отрицательно, но при этом очевидно, что перевести на юридический язык такие понятия, «как любовь и уважение (в семье), еще никогда не удавалось и вряд ли когда-нибудь удастся. Невозможно принудить к исполнению в натуре "обязательства" любить и уважать других членов семьи, как невозможно обеспечить данное обязательство санкциями или создать (придумать) обязанности (и соответствующие права), исполнение которых (реализация которых) приведет к цели – взаимной любви и уважению. Практически в

¹ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. В.Н. Захватаева. 2012. Москва: Инфотропик Медиа. С. 81

данном случае мы имеем дело с призывом, лишенным правового содержания» [Гонгало, 2016, с. 13–14].

Сходную позицию по данному вопросу занимают А.Н. Левушкин и Е.В. Ершова. Указанные авторы полагают, что, с одной стороны, включение в СК РФ рассматриваемых положений вполне логично и оправдано. С другой стороны, они обращают внимание на то, что в нормативном акте невозможно закрепить четкое определение таких оценочных категорий, как любовь, уважение, забота или взаимопонимание. Невозможно заставить кого-то любить другого, равно как и воспользоваться гражданско-правовыми средствами защиты при нарушении такой нормы. Невозможно также реализовать принцип «ответственности перед семьей ее членов», поскольку закон не считает семью участником правовых отношений [Левушкин, Ершова, 2016, с. 81–82].

Совершенно другую позицию высказывает Е.В. Косенко, отмечая, что основным вектором познания в семейном праве «могут служить только нормы морали и нравственности, духовные начала, которыми без преувеличения "дышит" семейное отношение. Это критерии лишь относительно достижимые, но единственно правильные» [Косенко, 2014, с. 12]. Компромиссную позицию по этому вопросу занимал дореволюционный юрист В.А. Умнов, указывая, что право устанавливает лишь внешние границы семейно-правовых состояний: брака, родства, усыновления и т.д., но не регулирует их внутренней природы, лежащей во внеправовой сфере. Поэтому правом устанавливаются лишь условия, при которых личные семейные отношения возникают и прекращаются, существа же этих отношений оно не касается [Умнов, 1873, с. 6].

По данному вопросу существует и официальная точка зрения Российского государства. В частности, как отмечалось в Распоряжении Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», приоритетами государственной семейной политики на современном этапе «являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи». Таким образом, государство (в том числе посредством правовых норм) должно регулировать семейные отношения, основываясь на своем собственном понимании моральных (традиционных) норм и ценностей, создавать необходимые условия для их реализации в Российской Федерации.

О важности закрепления в СК РФ нравственных начал семейного права, которые, на наш взгляд, не являются декларативными, часто упоминают и высшие судебные инстанции. Так, в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ отмечалось, что судам «необходимо иметь в виду, что семейные отношения характеризуются, в частности, взаимным уважением и взаимной заботой членов семьи, их личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, общими интересами, ответственностью друг перед другом, ведением общего хозяйства» (п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»).

Есть и более конкретные примеры применения данного принципа. Так, Сбербанк обратился 21.02.2019 в Арбитражный суд Свердловской области с заявлением о привлечении Елкиной Е.Н. к субсидиарной ответственности по обязательствам умершего супруга-должника (далее Должник). Рассмотрев дело, суд указал, что утверждение Сбербанка о том, что контроль Елкиной Е.Н. над Должником вытекает из положений семейного законодательства, необоснованно, поскольку в силу ст. 2 СК РФ семейное законодательство, в частности, устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав и регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между супругами, при этом брачно-семейные отношения, как указано в ст. 1 СК РФ, строятся на чувствах взаимной любви и уважения, принципах взаимопомощи и ответственности перед

семьей всех ее членов, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и т.п.

Таким образом, СК РФ не содержит в себе положений, допускающих построение брачно-семейных отношений на основе подконтрольности одних его участников другим, поскольку такое регулирование указанной сферы отношений не отвечало бы основным и руководящим началам, заложенным в ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации и явившимся основанием к принятию и введению в действие Семейного кодекса Российской Федерации. В удовлетворении заявления было отказано (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.12.2019 № Ф09-1951/17 по делу № А60-52847/2015).

Из приведенного примера следует, что для обеспечения гибкости правового регулирования законодатель часто прибегает к использованию такого приема юридической техники, как упоминание в семейно-правовых нормах оценочных категорий. Их использование позволяет правоприменителю реагировать на сложившиеся изменения семейных отношений в обществе и государстве, позволяет учитывать при применении правовых норм особенности конкретных ситуаций. При этом использование оценочных категорий представляет определенную сложность на практике, и потому в семейном праве эта проблема остается одной из центральных в ходе применения семейного законодательства. Следует заметить, что в исследуемом принципе используются оценочные категории, которые не имеют четкого правового толкования.

Попытки восполнить этот пробел уже неоднократно предпринимались в семейно-правовой науке. Так, А.В. Фиошин отмечает, что применительно к семейному законодательству понятие «любовь» целесообразно охарактеризовать как такое самоотверженное чувство члена семьи, которое направлено на достижение блага других членов семьи, имеющее неперенное внешнее выражение. Что же касается взаимной любви, то ее следует понимать, как обоюдную, касающуюся обеих сторон. В свою очередь, уважение человеческого достоинства в семье можно определить как почтительное отношение к членам семьи, основанное на их внутренней самооценке. Наконец, с правовой точки зрения, говорить об ответственности перед семьей всех ее членов целесообразно в контексте позитивной юридической ответственности (в смысле ответственного отношения членов семьи к обязанностям, предусмотренным семейным законодательством). При этом ретроспективная ответственность членов семьи друг перед другом вряд ли возможна [Фиошин, 2016].

Между тем, при всей привлекательности данной позиции, следует все же отметить нецелесообразность отображения в законе таких понятий, как «любовь», «уважение» и т.д. Далеко не случайно СК РФ (в отличие, например, от Градостроительного кодекса РФ или Федерального закона «Об охране окружающей среды») не содержит статьи, раскрывающей термины семейного права. Такое решение законодателя, вероятно, было вызвано тем, что многие семейно-правовые категории слишком далеки от собственно юриспруденции, носят оценочный характер, и их четкая нормативная фиксация невозможна.

Вместе с тем данное обстоятельство не должно являться препятствием для выяснения механизма учета нравственных принципов и норм в семейном законодательстве, уточнения правовых последствий их нарушения. В связи с этим попробуем обнаружить в тексте СК РФ примеры таких последствий.

1) Безусловно, право (в том числе и семейное) не может регулировать «чувство взаимной любви и уважения», и в этом смысле формулировка рассматриваемого принципа семейного права (и конкретизирующего его п.3 ст. 31 СК РФ в части «взаимовзаимности и взаимопомощи») выглядит, на первый взгляд, чистой декларацией. Однако учитывая, что право регулирует лишь самую важную часть семейных отношений, защищает членов семьи от произвола со стороны как государства, так и самих членов семьи, их родственников и третьих лиц, можно выделить пять правовых гарантий, направленных на реализацию данного принципа ст. 1 СК РФ в отношениях супругов:

а) если право не может регулировать отношения любви между супругами, то оно может защищать их права в случае, если чувство любви по тем или иным причинам исчезло.

Если говорить о крайних формах домашнего насилия, то ответственность за такие правонарушения предусмотрена в ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст.115 УК РФ. Однако более мирной формой защиты прав супругов в ситуации, когда любви между ними больше нет, являются нормы СК РФ, посвященные вопросам развода. В частности, расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны. При рассмотрении дела о расторжении брака при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака суд вправе принять меры к примирению супругов и вправе отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах трех месяцев. Расторжение брака производится, если меры по примирению супругов оказались безрезультатными и супруги (один из них) настаивают на расторжении брака (ст. 22 СК РФ). Как видно из этого примера, государство заинтересовано в сохранении семьи, основанной на чувстве взаимной любви и уважения, для чего предусматривается специальный 3-х месячный срок для супругов, позволяющий еще раз подумать и сохранить брак;

б) согласно ст. 27 СК РФ в случае заключения фиктивного брака, то есть если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью, такой брак может быть признан недействительным. Нравственная основа этой нормы очевидна – законодатель считает недопустимым создание семьи без чувства взаимной любви и уважения, а только основанной на корыстном интересе. Однако и тут мы видим нормы-гарантии, направленные на сохранение семьи. В силу п. 3 ст. 29 СК РФ суд не может признать брак фиктивным, если лица, зарегистрировавшие такой брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью. Это означает, что, если в ходе семейной ссоры один из супругов обвинил другого в корыстных мотивах создания семьи (не основанной на чувстве любви и взаимного уважения), однако совместное проживание и другие проявления семейной жизни все-таки имелись в наличии, суд должен отказать в признании брака недействительным с момента заключения. В этом случае супруги должны расторгнуть брак в общем порядке;

в) семейное законодательство прямо не называет в качестве основания расторжения брака факт супружеской измены, однако данная нравственная категория часто обретает правовое значение в судебной практике. Можно привести ряд решений судов, в которых один из супругов требует расторжения брака именно по причине супружеской измены (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2020 № 88-13393/2020). Ввиду отсутствия специального указания закона, взыскание компенсации морального вреда при супружеской измене будет затруднительно, но необходимость такого дополнения семейного законодательства не вызывает сомнений;

г) любовь и взаимопонимание в семье имеет в качестве своего проявления еще и заботу друг о друге, имеющую материальную основу. В предусмотренных законом случаях отсутствие такой материальной заботы (причем, как между супругами, так и бывшими супругами) может повлечь установление в судебном порядке взыскание алиментов на содержание другого супруга. При этом суд вправе освободить супруга от алиментной обязанности перед другим супругом или ограничить ее определенным сроком в случае «недостойного поведения супруга, требующего выплаты алиментов» (ст. 92 СК РФ).

д) по общему правилу, реализация принципа «взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию» проявляется в том, что при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга. Вместе с тем п. 2 ст. 35 СК РФ предусматривает и последствия отсутствия такого «взаимного согласия»: сделка, совершенная одним из супругов, по распоряжению общим имуществом супругов может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки;

2) принцип взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов также можно рассматривать не только в контексте взаимоотношений супругов, но и в контексте взаимоотношений родителей и детей;

а) в случае, если родители не желают добровольно содержать своих несовершеннолетних детей (или, наоборот, совершеннолетние дети не хотят добровольно содержать своих нетрудоспособных нуждающихся родителей), СК РФ предусматривает порядок принудительного взыскания алиментов;

б) если морально-правовой принцип любви, взаимопомощи, ответственности не срабатывает и один из родителей, например, применяет к ребенку физическое и психическое насилие, злоупотребляет родительскими правами и т.д., такой родитель может быть лишен родительских прав (ст. 69 СК РФ).

в) на моральных принципах построена семейно-правовая процедура добровольного признания отцом внебрачного ребенка (п. 3 ст. 48 СК РФ), равно как и установление судом факта признания отцовства (ст. 50 СК РФ).

Данный перечень можно продолжить, однако уже из приведенных примеров следуют несколько выводов о соотношении моральных и правовых принципов и норм. Представляется, что в сфере семейного права они имеют много общего, отображая конкретно-исторический уровень развития правовых и моральных представлений общества и государства в сфере семейных отношений, в том числе уровень культуры и духовные ценности, сложившиеся в российском обществе. Нормы морали и права имеют общую цель, связанную с упорядочением общественных отношений, хотя ее достижение предполагается разными средствами: авторитетом (мораль) и государственным принуждением (право). В свою очередь, к числу их основных отличительных признаков следует отнести происхождение, форму выражения и фиксации, методы обеспечения, уровень требований к поведению человека, сферу действия, характер и порядок ответственности за нарушение права и морали. Указанные различия между правом и моралью «не исключают их широкого взаимодействия в социальной жизни. Тесная взаимосвязь этих явлений наблюдается как на стадии формирования права, правотворчества, так и на последующих ступенях действия права. Существуют такие основные формы взаимодействия морали и права: влияние морали на формирование права; влияние права на формирование нравственных норм; охрана правом моральных норм; использование нравственных норм при различных формах реализации права: применении, соблюдении, использовании и исполнении права» [Шидловская, 2005, с. 12].

В настоящий момент во многих странах мира наблюдается конфликт между правом и моралью в сфере семейных отношений. Проявлением такого конфликта являются новые брачные союзы в виде однополых браков, осуждаемые традиционной частью общества, которые находят свое разрешение через законодательное закрепление в отдельных европейских странах (Голландии, Дании, Испании и др.), несмотря на сложившуюся судебную практику и имеющиеся нормативные акты, регулирующие семейные отношения, а также позицию Европейского суда по правам человека, заявившего в 1990 г. по делу Косей против Соединенного Королевства, что под браком следует понимать «традиционный брак между лицами разного пола» [Аюпов, 2009, с. 11].

В условиях падения авторитета брака и семьи, усиления меркантильных начал в семейных отношениях органам законодательной власти России следует более внимательно присмотреться к предложениям о расширении законодательной поддержки традиционных семейных ценностей с включением их упоминания в перечень основных начал (принципов) семейного законодательства, закрепленных в ст. 1 Семейного кодекса РФ. В научной литературе под традиционными ценностями понимаются «исторически сформированные в обществе нормативные модели должного в семейных отношениях, поддерживаемые большинством членов общества и обеспечивающие выполнение семьей основных функций: демографической, воспитательной, экономической, социально-культурной, хозяйственно-бытовой, первичного социального контроля, социально-статусной, духовной, эмоциональной,

досуговой и др. Традиционные семейные ценности обеспечивают социальное благополучие семьи, личности и стратегическую безопасность государства» [Якушев, 2019, с. 18].

Вместе с тем работа по укоренению традиционных семейных ценностей не должна вестись лишь путем запретов и усиления императивных предписаний. Например, у молодежи весьма популярной сейчас является модель фактических брачных отношений (гражданского брака), когда мужчина и женщина проживают вместе без регистрации брака, что считается нормальным. Это говорит о том, что моральные ценности в обществе изменились и не отображаются правом. Многие представители семейно-правовой науки предлагают принять законодательные меры по частичному распространению на такие «фактические браки» норм и требований СК РФ, относящихся сегодня только к супругам, официально зарегистрировавшим свои семейные отношения [Смышляева, 2020, с. 151]. Однако едва ли это можно считать перспективным путем. Представляется, что устранение кризиса брака и снижения его популярности невозможно посредством применения к молодежи одних только мер принуждения, скорее речь тут должна идти об организации широкой просветительской компании в СМИ и органах власти, школах и вузах с расширением перечня мер государственной материальной поддержки семьи.

Вышеупомянутый перечень точек соприкосновения моральных и правовых норм и принципов далеко не является исчерпывающим. Так, например, до сих пор не имеет простого ответа (с моральной точки зрения) целесообразность установления минимального брачного возраста в ряде субъектов РФ с 14 лет. С одной стороны, общественная мораль осуждает ранние половые связи и ранние браки. С другой стороны, законодатель пошел на установление такой нормы (ст. 13 СК РФ), переложив ответственность на субъекты РФ.

Требует обсуждения и целесообразность возрождения церковных браков (наряду с органами ЗАГС, с уведомлением последних при церковной регистрации брака), а также возрождение традиционного института помолвки, что усилит ценность даваемых обещаний, честность и доверие между будущими супругами. Важную роль в продвижении традиционных семейных ценностей мог бы сыграть институт семейных медиаторов, разрешающих споры не только с позиций норм семейного права, но и морали в случаях, если спор между супругами или иными членами семьи выходит за рамки права.

Выводы

Существует достаточно доказательств того, что нравственные принципы и нормы широко востребованы в семейном законодательстве, реально оказывают влияние на содержание его основных принципов и норм, закладывая тем самым базу для его дальнейшего развития и совершенствования. Благодаря такому влиянию происходит правовое закрепление основных семейных (традиционных) ценностей, формулировка их правовым языком, а также последующая реализация посредством норм семейного права.

Применительно к большинству нравственных правил, опосредованных в нормах семейного права, собственно право выполняет охранительную роль, защищая членов семьи от опасных для их жизни или здоровья воздействий со стороны других членов семьи или третьих лиц. В свою очередь нормы морали выполняют регулирующую функцию, определяя повседневную жизнь семьи. Именно нравственные ценности, отраженные в принципах и нормах семейного права, позволяют реализовать воспитательную функцию семейного права, направленную на сохранение семьи, обеспечение права ребенка жить и воспитываться в семье, гарантирование материальной основы жизни семьи.

Список литературы

1. Аюпов В.Ш. 2019. Право и мораль в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 21 с.
2. Гонгало Б.М. 2016. Объективное и субъективное в праве и правовой доктрине. Шестой Пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы. Пермь: 13–20.
3. Косенко Е.В. 2014. Методология семейного права. Саратов, Наука, 88 с.

4. Левушкин А.Н., Ершова Е.В. 2016. Реализация нравственных начал в принципах российского семейного права при компенсации морального вреда. Вестник Саратовской государственной юридической академии, 3: 80–85.
5. Саенко Л.В. 2015. Основные положения семейного законодательства стран-участниц СНГ: опыт сравнительного правоведения. Вестник ПАГС, 1: 41–48.
6. Смышляева О.В. 2020. Нравственные начала в правовом регулировании брачно-семейных отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 191 с.
7. Фиошин А.В. 2016. К вопросу об оценочных понятиях в нормах-принципах семейного законодательства. Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Пермь: 210–212.
8. Шидловская Т.Ю. 2005. Соотношение права и морали в правотворческом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 23 с.
9. Якушев П.А. 2019. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 49 с.

References

1. Ayupov V.SH. 2019. Pravo i moral' v usloviyah globalizacii [Law and morality in the context of globalization]: abstract. dissertation of the candidate of Legal Sciences. M., 21 p.
2. Gongalo B.M. 2016. Ob"ektivnoe i sub"ektivnoe v prave i pravovoj doctrine [Objective and subjective in law and legal doctrine]. The sixth Congress of the Perm scientists-lawyers. Selected materials. Perm': 13–20.
3. Kosenko E.V. 2014. Metodologiya semejnogo prava [Methodology of family law]. Saratov. Publ. Nauka, 88 p.
4. Levushkin A.N., Ershova E.V. 2016. Realizaciya npravstvennyh nachal v principah rossijskogo semejnogo prava pri kompensacii moral'nogo vreda [Implementation of moral principles in the principles of Russian family law in compensation for moral damage]. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii, 3: 80–85.
5. Saenko L.V. 2015. Osnovnye polozheniya semejnogo zakonodatel'stva stran-uchastnic SNG: opyt sravnitel'nogo pravovedeniya [The main provisions of the family legislation of the CIS member states: the experience of comparative law]. Vestnik PAGS, 1: 41–48.
6. Smyshlyayeva O.V. 2020. Npravstvennye nachala v pravovom regulirovanii brachno-semejnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii [Moral principles in the legal regulation of marriage and family relations in the Russian Federation]: dissertation of the candidate of Legal Sciences. M., 191 p.
7. Fioшин A.V. 2016. K voprosu ob ocenochnyh ponyatiyah v normah-principah se-mejnogo zakonodatel'stva. Sed'moj Permskij kongress uchenyh-yuristov [On the question of evaluative concepts in the norms and principles of the family legislation. Seventh Perm Congress of Legal Scientists: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Ed. by V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. Perm': 210–212.
8. SHidlovskaya T.YU. 2005. Sootnoshenie prava i morali v pravotvorcheskom pro-cesse [Correlation of law and morality in the law-making process]: abstract. dissertation of the candidate of Legal Sciences. M., 23 p.
9. YAkushev P.A. 2019. Tradicionnye cennosti v mekhanizme pravovogo regulirovaniya semejnyh otnoshenij v Rossii i stranah Evropy [Traditional values in the mechanism of legal regulation of family relations in Russia and European countries]: abstract. dissertation of the candidate of Legal Sciences. M., 49 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыженков Анатолий Яковлевич, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Элиста, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly J. Ryzenkov, professor, Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Doctor of Law, Professor, Elista, Russia

УДК 340; 342

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-163-169

Государственный суверенитет в период правовой глобализации

Тонков Е.Е., Макогон Б.В., Пожарова Л.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, makogon@bsu.edu.ru, pozharova@bsu.edu.ru

Аннотация. На основе анализа широкого круга источников представлена авторская позиция относительно оценки качеств, следствий и рисков для отечественного государственного суверенитета участия России в процессах правовой глобализации. Авторами выстроена логическая цепь рассуждений, включающая в себя общую характеристику процесса глобализации, ее правового измерения, определение соответствующих позитивных и негативных следствий на основе диалектической методологии. Сделаны выводы о корреляции последних, их соотношении и выраженной взаимозависимости с учетом понимания глобализации как магистрального пути развития современного мира, обозначающего приоритеты и непосредственно либо опосредованно определяющего векторы эволюции национальной государственности. Одновременно обоснована авторская позиция, что пространство для функционирования публичной власти может сознательно ограничиваться в других странах лидерами процесса глобализации, которые обладают соответствующим инструментарием для навязывания своих требований к законодательству. Это может представлять существенную проблему для государственности в целом, так как членство в международных организациях и участие в международных договорах самого различного рода могут в ближайшем будущем стать обязательным условием существования в мире глобализации.

Ключевые слова: глобализация, государство создающее, законодательство, государственный суверенитет, юридический процесс, кризис, ребилдинг, имплементация.

Для цитирования: Тонков Е.Е., Макогон Б.В., Пожарова Л.А. 2021. Государственный суверенитет в период правовой глобализации. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 46 (1): 163–169. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-163-169

State sovereignty in the period of the legal globalization

Evgeniy E. Tonkov, Boris V. Makogon, Lyubov A. Pozharova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russian Federation

E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, makogon@bsu.edu.ru, pozharova@bsu.edu.ru

Abstract. Based on the analysis of a wide range of sources, the article presents the author's position on the assessment of the qualities, consequences and risks for the national state sovereignty of Russia's entry into the processes of legal globalization. The authors build a logical chain of reasoning that includes a general description of the process of globalization, its legal dimension, and the definition of the corresponding positive and negative consequences on the basis of dialectical methodology. Conclusions are drawn about the correlation of the latter, their correlation and pronounced interdependence, taking into account the understanding of globalization as the main path of development of the modern world, indicating priorities and directly or indirectly determining the vectors of the evolution of national statehood. At the same time, the author's position is substantiated that the space for the functioning of public authorities can be deliberately limited in other countries by the leaders of the globalization process, who have the appropriate tools to impose their requirements on legislation. This can pose a significant

problem for statehood as a whole, since membership in international organizations and participation in international treaties of various kinds may in the near future become a prerequisite for the existence in the world of globalization.

Keywords: globalization, creating state, legislation, state sovereignty, legal process, crisis, rebuilding, implementation.

For citation: Tonkov E.E., Makogon B.V., Pozharova L.A. 2021. State sovereignty in the period of the legal globalization. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 163–169 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-163-169

Введение

Россия, как и целый ряд других государств мира, в начале XXI века становится вольным или невольным участником объективного процесса глобализации. Не является исключением и правовая сфера, которая пережила и продолжает переживать заметные трансформации. Кардинальный характер преобразований характеризует особенность отечественного реформирования в рамках правовой глобализации как магистрального пути движения мирового сообщества.

Российская Федерация традиционно проводит суверенные поиски оптимума в противостоянии глобализационным процессам конвергенции [Кулизаде, 2018] и дивергенции, формируя логичный ответ системы на внешние воздействия и интеграцию органически несвойственных элементов. Кризис, ставший во многом следствием данного противостояния, до сих пор находит отклик, хотя, конечно же, с оглядкой на современные реалии и расстановку приоритетов, в том числе правозащитных [Мархгейм и др., 2004, 2008], а также на долгосрочные государственные стратегии.

Глобализация, суверенитет, риски

Вследствие достаточно резких государственно-правовых трансформаций Россия пока отстает от локомотивов глобализации, однако уверенно сокращает такой отрыв. Как суверенный член мирового сообщества, она вынуждена пройти период становления, генезиса, чтобы занять достойное и заслуженное место в глобальной системе отношений, приняв бремя лидирующего элемента.

Несмотря на все сложности и помехи как объективного, так и сугубо субъективного характера, отмеченному выше кризису все же не удалось пройти точку невозврата и безальтернативно утвердиться в качестве некой национальной идеи. Декларации (государственные) о правах и свободах, важнейших демократических институтах именно в общепризнанном понимании (к примеру институт политического убежища [Новикова, Жорник, 2013] и многие другие) гармонизировались и нашли реализацию во всех отраслях права. Прозрачность законодательства, принципы рыночных отношений, свобода предпринимательской деятельности, развитие института частной собственности, основополагающие начала и идеи современного избирательного процесса, свобода вероисповедания вполне вероятно могли бы стать средствами обеспечения эволюции Советского Союза вне «шокового» поля. Все это логично было в конечном итоге поддержано населением, определило возможности для самореализации.

Право призвано ограничивать власть в государстве и способно это выполнить только при условии высокого уровня демократического развития общества [Макогон, 2013]. В России продолжает совершенствоваться система права, к настоящему времени не только вобравшая в себя опыт западных демократий через призму международного права, но и успевшая определиться с характеристиками суверенной идентичности, прочувствовав роль, важность и значение отстаивания (в первую очередь, конечно,

наличия и понимания) на мировой арене национальных интересов. Последнее мы расцениваем как достижение, определяющее для цивилизации, и, без сомнения, рубеж современности.

Вместе с тем, вследствие нахождения российской правовой системы юридической доктрины в периоде ребилдинга, правовая глобализация также несет риски системной коррупции, деформаций правосознания, в частности, развития как правового нигилизма, так и правового идеализма, формалистских устремлений и ошибок управления, завышенных ожиданий и чрезмерного рвения в постановке целей и их достижении. Процесс восстановления суверенной идентичности, признания просчетов и несовершенств неизбежно наполнен элементами сопротивления, латентными и открытыми протестными настроениями. Отойдя от большинства советских государственно-правовых принципов, реформаторские подвижки определили положение страны как действующего субъекта, в результате чего продекларированные на высшем уровне принципы примата человека, его прав и свобод длительное время расценивались в качестве своеобразного пропуска в миро-вые сообщества. На практике они нередко игнорировались, не имея базисной воли к реализации и развитию с учетом национальных особенностей и требований суверенитета.

Как и любой фундаментальной и образующий государственность, институт прав человека, их признания и защиты невозможно внедрить в правовую систему безболезненно, в том числе для населения. Изменения должны сформироваться в сознании людей на уровне общественных отношений (не правоотношений), что мы считаем традиционным процессом формирования права. И только после этого на философской, экономической и аналитической основах, на базе оценки потребностей и возможностей следует оформлять сложившиеся отношения и воззрения в нормативное правовое внешнее выражение.

Деформации процесса обеспечения прав и свобод граждан существуют и в других демократических государствах, однако это не может отменять того факта, что в российской политической модели место аутсайдера досталось населению. Такой характер развития страны не в последнюю очередь стал причиной «зависания» России в очередном переходном периоде, которые с завидной периодичностью сменяют друг друга и обладают признаками постоянства и стабильности юридического процесса в широкой его трактовке. Это определенным образом повлияло на понимание суверенитета в массовом сознании и отодвинуло выход страны на арену глобализации.

В теоретическом идеале государства стремятся к культурному обмену, гармонизации либо унификации правового регулирования во взаимовыгодных целях. В действительности же такого масштаба партнерство никогда не может быть равноправным. Уступки, на которые приходится идти государствам, не входящим в лидерский пул глобализации, компромиссы и следования доминирующим, определяющим правила и эталоны условиям взаимодействия и обмена значительно укрепляют глобальное неравенство. Инициация процесса перераспределения ролей при этом представляется результатом уникальных стечений обстоятельств и качеств.

Как подчеркнул Президент России В.В. Путин, выступая после 12-летнего перерыва на Всемирном экономическом форуме в Давосе, наблюдается «кризис прежних моделей и инструментов экономического развития. Усиление социального расслоения: как на глобальном уровне, так и в отдельных странах. Об этом мы и раньше говорили. Но это в свою очередь сегодня вызывает резкую поляризацию общественных взглядов, провоцирует рост популизма, правого и левого радикализма, других крайностей, обострение и ожесточение внутривнутриполитических процессов, в том числе в ведущих странах». По мнению Президента, с которым трудно не согласиться, «всё это неизбежно сказывается и на характере международных отношений, не добавляет им стабильности и

предсказуемости. Происходит ослабление международных институтов, множатся региональные конфликты, деградирует и система глобальной безопасности»¹.

Это выразилось и в акцентах международного сотрудничества России, в котором ярко и неприкрыто проявилось отношение драйверов глобализации к нашей стране. Диссонансом выглядит то, что выгодоприобретатель в этом процессе – далеко не население, являющееся ценнейшим ресурсом государства в долгосрочной политике, источником государственной, публичной власти и, если провести параллели далее, – источником права. Солидаризируемся с позицией, в соответствии с которой, «когда говорят о глобализации в праве, по сути, речь ведется о формировании с учетом юридического опыта и государственно-правовой практики всех участников международного сообщества общей нормативной системы, охватывающей правовым регулированием либо оказывающей деятельное влияние не только на отношения государств между собой, но и на отношения государств со своими гражданами» [Тихомиров, Пиголкин, 2004].

Если вести речь об исключительно отечественных особенностях существования в мире глобализации, то нельзя не отметить федеративную форму государственного устройства в совокупности с фактором огромной и разнообразной территории, что не способствует гармоничному и равномерному, в том числе в темпоральном понимании, распространению глобализационных тенденций. Демография, логистика, исторически сложившиеся культурные особенности, экономика, удаленность от федеральных органов государственной власти затрудняют процесс управления, согласования и внедрения в жизнь правовых позиций.

Территория, природные богатства, культурные различия обрамляют исторический опыт и свидетельствуют о перспективном потенциале России в занятии признанно лидирующих позиций в новом мире глобализации. Этому способствуют высокие темпы современного экономического роста (конечно, относительно и при рассмотрении вопроса в комплексе), развитие системы законодательства, технологий, фундаментальной и узко прикладной науки, укрепления обновленного государства. Затянувшуюся кризисную ситуацию, мы расцениваем как нормальное (этот термин здесь применим) негативное следствие процесса адаптации страны к новым условиям, реалиям и ее созревания как государства созидającego на универсальном уровне. Именно «государство должно взять на себя ответственность за формирование реальных, а не декларативных предпосылок для создания новых отношений с гражданским обществом, преодоления кризиса и стабилизации экономического положения» [Тонков, 2019].

В противном случае Россию ожидает очевидная опасность превращения в авторитарное государство, в котором отсутствуют институты гражданского общества, а все его декорации (профессиональные и творческие союзы, некоммерческие и религиозные организации и др.) функционируют формально, балансируя между общественным мнением и тотальным государственным контролем. В отличие от такой удручающей перспективы государство созидające обладает своей политической религией, которую олицетворяет уважение к закону, обязательное не только для населения, но и для представителей органов власти, включая их высший эшелон [Полухин и др., 2016].

Действительно, вопросы, возникающие при выделении и анализе негативных для государственного суверенитета глобализационных тенденций, представляются определяющими современность. Мы полагаем их неоднозначность, коррелятивную взаимосвязь, взаимообусловленность и придерживаемся диалектической методологии как

¹ Путин В.В. 2021. Выступление на Всемирном экономическом форуме: ria.ru/20210127/davos-1594798218.html.

основополагающей. Несомненно, глобализация создает риски для нерушимости российского государственного суверенитета. Это связано с агрессивным воздействием на национальную правовую систему, на внешние и внутренние компоненты независимости и самостоятельности государственной власти, на правовое сознание и правовую культуру вот уже нескольких поколений.

Пространство для функционирования публичной власти может значительно как темпорально, так и содержательно-деятельностно ограничиваться, к примеру, при опосредовании международными организациями, обладающие инструментарием для диктовки требований к законодательству, которые в своей реализации носят системообразующий характер. Это может составлять существенную проблему для государственности в целом, так как членство в международных организациях, участие в международных договорах самого различного рода являются обязательным условием существования в мире глобализации, в какой-то мере формально наравне с его архитекторами для собственных целей. Как итог признания де-факто интернационализации национального права, учитывая своеобразный вес на международной арене – автоматическая зависимость.

Направляя и интенсифицируя правовое и экономическое измерение, глобализация тем самым выдвигает требования к интеграции в союзы также экономико-юридического характера. Традиционным условием вступления в них является имплементация новых правовых норм и других изменений в национальное законодательство, реализация которых с высокой долей вероятности будет затруднена ввиду преждевременности и недостаточной развитости социальной и материально-технической базы. Экологические нормы – яркое тому подтверждение (вспомним, к примеру, этапы и качество практической реализации в России экологических стандартов, определяющих содержание вредных веществ в выхлопных газах).

В рамках заявленной проблематики представляется целесообразным еще раз обратить внимание на институт прав человека, который в современном мире превратился в знамя правовой глобализации. Безусловно, что в некоторой степени распространение соответствующих норм имеет несомненные достоинства, связанные с обменом позитивным правовым опытом. Однако при этом также формируются условия для воздействия на внутреннюю государственную политику со стороны все тех же проводников глобализации. Аналогичными были бы и рассуждения о трактовках норм международной безопасности, противодействия международному терроризму и прочих.

Вместе с тем имплементация в российское право западных стандартов в сфере прав человека может быть оценена нами положительно с оговоркой на строгую необходимость учета в государственной правовой политике указанных рисков, а также на особую сосредоточенность на вопросах правореализации, что для многих стран крайне непросто, что очевидно из анализа российской и зарубежной литературы [Перкинс, 2005].

Непосредственно же позитивную характеристику юридического процесса правовой глобализации в актуальной ипостаси мы определяем через качественный сдвиг в подходе к осмыслению самой сущности суверенитета государства. «В современный период ученые и политики исходят из того, что государство может считаться суверенным лишь тогда, когда оно через свои органы реализует волю народа, когда его система управления демократична. С середины XX века понятие суверенитета связывается с официальным признанием приоритета прав человека и гражданина...» [Тихомиров, Пиголкин, 2004].

Заключение

Таким образом, в актуальных реалиях именно правовая глобализация создает конкретные предпосылки к признанию российского государства суверенным субъектом, определила вызовы, требующие комплексного реагирования. Иными словами, ключевые

негативные следствия правовой глобализации для суверенитета России можно систематизировать в группу характеризующих силу страны в международных отношениях, а по этому направлению Российская Федерация прочно встала на рельсы политической воли, объективности видения ситуации и успеха.

Соглашаясь, что глобализация в отдаленной перспективе – это магистральный путь развития мировой цивилизации, Россия идет по нему в традиционном за последние двадцать лет стиле обоснованного и осознанного ребилдинга в целях обозначения, занятия и укрепления своих лидирующих позиций.

Список литературы

1. Глобализация и развитие законодательства: Очерки 2004. Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. М.: Издательский дом «Городец», 464 с.
2. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. 2016. Под ред. О.Н. Полухина. М., Юрлитинформ, 416 с.
3. Делягин М.Г. 2003. Мировой кризис: общая теория глобализации. М., 768 с.
4. Кулизаде Т.А. 2018. Правовая глобализация: понятие и содержание. Международный научно-исследовательский журнал, 1–2(67): 158–160.
5. Новикова А.Е., Жорник А.М. 2013. Генезис и содержание института политического убежища в Российской Федерации. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 2 (145): 163–169.
6. Макогон Б.В. 2013. Юридическая природа и ограничительная сущность процессуального права. Пробелы в российском законодательстве, 5: 48–53.
7. Мархгейм М.В. 2004. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России. М., 312 с.
8. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. 2008. Правозащитные приоритеты в воззрениях отечественных представителей либеральной и консервативной научных школ. История государства и права, 6: 38–40.
9. Перкинс Д. 2005. Исповедь экономического убийцы. Предисловие и научная редакция русского издания Л.Л. Фитуни. М., 319 с.
10. Тонков Е.Е. 2019. Государство созидающее как вектор развития современной России. М., Юрлитинформ, 392 с.

References

1. Globalizaciya i razvitie zakonodatel'stva [Globalization and the development of legislation: Essays 2004]. Ed. by Yu. A. Tikhomirov, A. S. Pigolkin. M., Publishing house "Gorodets", 464 p.
2. Gosudarstvo sozidayushchee: yuridicheskaya model' i sovremennye riski [The creative state: a legal model and modern risks]. 2016. Edited by O. N. Polukhin. M., Yurlitinform, 416 p.
3. Delyagin M.G. 2003. Mirovoj krizis: obshchaya teoriya globalizacii [The World Crisis: a general theory of globalization]. Moscow, 768 p.
4. Kulizade T.A. 2018. Pravovaya globalizaciya: ponyatie i sodержanie [Legal globalization: concept and content. Legal globalization: concept and content. International Research Journal]. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal, 1–2(67): 158–160.
5. Novikova A.E., Zhornik A.M. 2013. Genezis i sodержanie instituta politicheskogo ubezhishcha v Rossijskoj Federacii [The genesis and content of the institution of Political asylum in the Russian Federation]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 2 (145): 163–169.
6. Makogon B.V. 2013. Yuridicheskaya priroda i ogranichitel'naya sushchnost' processual'nogo prava [The legal nature and restrictive nature of procedural law]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve, 5: 48–53.
7. Marhgejm M.V. 2004. Konstitucionnaya sistema zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii [The Constitutional system for the protection of Human and Civil Rights and Freedoms in Russia]. M., 312 p.
8. Marhgejm M.V., Novikova A.E. 2008. Pravozaщitnye prioritety v vozzreniyah otechestvennyh predstavitelej liberal'noj i konservativnoj nauchnyh shkol [Human rights priorities in the

views of Russian representatives of liberal and conservative scientific schools]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 6: 38–40.

9. Perkins D. 2005. *Ispoved' ekonomicheskogo ubijcy* [Confessions of an economic killer]. Preface and scientific edition of the Russian edition by L. L. Fituni. M., 319 p.

10. Tonkov E.E. 2019. *Gosudarstvo sozidayushchee kak vektor razvitiya sovremennoj Rossii* [The state of creation as a vector of development of modern Russia]. M., YUrlitinform, 392 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тонков Евгений Евгеньевич, директор юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Белгород, Россия

Макогон Борис Валерьевич, профессор кафедры административного права и процесса юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, доцент, г. Белгород, Россия

Пожарова Любовь Анатольевна, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института НИУ «БелГУ», кандидат юридических наук, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy E. Tonkov, Director of the Law Institute of the National Research University "BelSU", doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, Belgorod, Russia

Boris V. Makogon, Professor of the Department of Administrative Law and Process of the Law Institute of the National Research University "BelSU", doctor of Law, associate Professor, Belgorod, Russia

Lyubov A. Pozharova, associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of the National Research University "BelSU", candidate of lawyer Sciences, Belgorod, Russia

УДК 342.5

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-170-178

К вопросу о конституционно-правовом совершенствовании публичной власти

Чепунов О.И., Болдырева Е.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1
E-mail: chepunovoleg@yandex.ru, Boldyreva555@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены положения российских конституционных изменений, их значение в современных реалиях государственного развития и самобытной социальной организации русской цивилизации в мировом пространстве. Уделено внимание интерпретационному наполнению понятий «публичная власть» и «система публичной власти» в контексте основ их конституционного закрепления. Осуществлен анализ поправок к Конституции России, направленных на совершенствование системы разделения властей, сдержек и противовесов в организации публичной власти, в том числе в судебной власти. Сделан резolutивный вывод о развитии конституционных норм в законодательных актах через призму стабилизирующей правовой обеспеченности системы публичной власти, законных интересов субъектов конституционных правоотношений, наилучшего правового гарантирования признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: система, эффективность, конституционные поправки, судебная система, независимость суда.

Для цитирования: Чепунов О.И., Болдырева Е.В. 2021. К вопросу о конституционно-правовом совершенствовании публичной власти. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (1): 170–178. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-170-178

On the issue of constitutional and legal improvement of public power

Oleg I. Chepunov, Elena V. Boldyreva

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
82 Vernadsky Avenue, p. 1, 119571, Moscow, Russian Federation
E-mail: chepunovoleg@yandex.ru, Boldyreva555@mail.ru

Abstract. The article considers the provisions of the Russian constitutional amendments, their significance in the modern realities of state development and the original social organization of the Russian civilization in the world space. Attention is paid to the interpretative content of the concepts of "public power" and "system of public power" in the context of the foundations of their constitutional consolidation. The authors analyze the amendments to the Constitution of the Russian Federation aimed at improving the system of separation of powers, checks and balances in the organization of public power, including the judiciary. A resolute conclusion is made about the development of constitutional norms in legislative acts through the prism of the stabilizing legal security of the system of public power, the legitimate interests of the subjects of constitutional legal relations, the best legal guarantee of the recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms.

Key words: public power system, efficiency of the constitutional amendments, the judicial system, the independence of the court.

For citation: Chepunov O.I., Boldyreva E.V. 2021. On the issue of constitutional and legal improvement of public power. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 170–178 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-170-178

Введение

В современных мировых реалиях российское общество требует построения сильного социального государства на основе собственных национальных традиций и исторической универсальности самобытной социальной организации своего эпохального существования как особой русской цивилизации в мировом пространстве. Величие и мощь России неотделимы от благополучия и духовности ее народа, каждого отдельного человека и гражданина. Сегодняшняя социальная, военно-политическая и экономическая ситуация в мире неблагоприятны и несут значительный потенциал опасностей и угроз для Российской Федерации. Так, взаимоотношения России и Запада по многим позициям обрели форму практически открытого военного противостояния. Как ответ на мировые вызовы, стоящие перед Россией и будущим ее развитием, были выработаны, внесены и приняты в 2020 году поправки в Конституцию Российской Федерации, несмотря на большое сопротивление поправкам небольшой части либерально настроенных граждан и международных институтов.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» содержит комплекс взаимосвязанных изменений конституционного текста, имеющих как бесспорное и своевременное содержание, так и дискуссионное. Но при этом следует отметить, что поправки к Конституции РФ приняты должным образом, внесены в текст и являются правовыми нормами, по которым можно и нужно вести полемику о состоявшемся факте, требующем дальнейшего нормативно-правового развития.

В позитивном плане можно отметить положения в нормах Конституции РФ, касающихся социальной справедливости при назначении и определении размера пенсий; памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога; патриотизма, гражданственности и уважения к старшим; общероссийской культурной идентичности; институту брака «как союза мужчины и женщины» и др. Эти положения представляют собой идеологические конструкции на конституционном уровне, развитие которых вполне может создать идеологическую систему русского мира, что само по себе является основой для дальнейшей проработки идеалов развития российского общества.

Закрепление в главе 3 Конституции РФ предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов позволило конституционному законодателю в рамках поправок уточнить компетенцию федерации и субъектов на основе сложившейся системы разграничения предметов ведения и полномочий, а также появления новых, не упомянутых в Конституции РФ предметов ведения. Так, установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования, отнесено к предметам ведения Российской Федерации (пункт «е» статьи 71 Конституции РФ).

В сфере образования Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает единую правовую основу образования, определяет правовое положение участников отношений в сфере образования. Законами субъектов Российской Федерации могут быть урегулированы

только некоторые вопросы, касающиеся, как правило, мер обеспечения и социальной поддержки обучающихся (порядок и случаи полного государственного обеспечения, обеспечение питанием, компенсации расходов учредителя на организацию бесплатной перевозки обучающихся (ч. 2 ст. 34 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ) и другие.

В сфере образования субъекты РФ имеют полномочия в основном исполнительного характера (к примеру, обеспечение государственных гарантий реализации прав на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования, дополнительного образования детей (ст. 8 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ).

Таким образом, закрепление предмета ведения «образование» в статьях 71 и 72 Конституции России фактически привело к возникновению двух видов предметов ведения: правовое регулирование вопросов образования и исполнение законодательства об образовании.

В качестве негативных фактов в отношении поправок к Конституции России 2020 г. учеными и политиками высказываются недостатки: редакция конституционного текста и формулировок конституционных поправок, разночтения в конституционных нормах, а также отсутствие полноты норм конституционного регулирования и др.¹ Вместе с тем очевидно, что конституционные нормы приняты, и их реализация будет сопровождаться немалыми трудностями по достижению баланса интересов в конституционно-правовых актах. Это и является первостепенной задачей для науки конституционного права: разработка нормативных правовых актов с минимизацией негативных факторов в их текстах.

Несомненно, принятые конституционные поправки существенно изменили конституционную властную архитектуру в Российской Федерации как по формированию, так и по взаимодействию органов публичной власти между собой, что и анализируется конституционалистами и политиками в общем тренде обсуждений конституционных поправок с высказыванием различных мнений и суждений². Направленные на упорядочение конституционно-правовых норм доводы могут лечь в основу конструктивных дискуссий, а с тенденциозно политизированными мнениями трудно вести диалог, да и нужно ли?

Публичная власть и ее единая система в России

Если касаться властных отношений, то отметим, что в тексте Конституции России (ч. 1 ст. 67; п. «г» ст. 71; ч. 2 ст. 80; п. «е. 5» ст. 83; ч. 3 ст. 131) сконструированы и закреплены термины «федеральные территории», «публичная власть», а также «единая система публичной власти». Конституционно (ч. 3 ст. 132) установлено, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей

¹ XXI Ежегодная международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) и XVIII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки». Электронный ресурс. URL: <https://youtu.be/xqrWUZngn4U> (дата обращения 25.11.2020).

² Там же.

территории»¹. Эти конституционные положения требуют более глубокого научного осмысления в целях выработки обоснованных теоретических положений и на их основе конкретных предложений по совершенствованию законодательства по вопросам деятельности публичной власти. При этом несомненно то, что во властной системе государства должен быть сформирован механизм властной системной целостности, устанавливающий степень взаимосвязи между органами публичной власти, указывающий на индикатор уровня функциональной эффективности системы публичной власти. По нашему мнению, именно эту цель – повышение эффективности системы публичной власти – и преследует вектор конституционных изменений в организации и функционировании публичной власти, совершенствовании основ российского федерализма и местного самоуправления.

Понятие публичной власти давно и прочно вошло в отечественный юридический лексикон («муниципальная публичная власть» «государственная публичная власть», «уровни публичной власти», «органы публичной власти» и т.д.) и не является новым в отечественной правовой доктрине. Также понятие публичной власти нашло свое отражение в мотивировочной части судебных решений и тем самым оказывает влияние на отечественную правотворческую и правоприменительную практику, находясь в поле зрения юридической науки [Малый, 2020].

В научной литературе существует ряд определений публичной власти [Малютин, 2021; Малый, 2020], используемых в контекстах с разной смысловой коннотацией: «публичная власть осуществляется народом территориального публичного образования непосредственно (выборы, референдум и др.) и через создаваемые им органы публичной власти» [Чиркин, 2015, с. 216]. По нашему мнению, публичную власть можно определить как самоорганизационную властно-правовую форму социальных отношений по управлению делами общества посредством правовых механизмов и процедур как непосредственно населением, так и через формируемую систему органов публичной власти.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» «под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства»².

Во второй части той же статьи установлено, что «координация деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти, представляет собой систему действий и решений, которые направлены на обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, осуществляются и принимаются в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации, а также в пределах своей компетенции

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² Российская газета. 2020, 11 декабря.

Правительством Российской Федерации, Государственным Советом, другими органами публичной власти»¹.

Необходимо констатировать, что конституционные поправки, касающиеся властных отношений, призваны произвести институциональные изменения, повышающие уровень эффективности системы публичной власти как «категории, характеризующей высокий уровень «качественных показателей конституционно-правовых свойств системы по достижению целей в заданном объективно-субъективном аттракторе государственного развития» [Чепунов, 2010, с. 83].

Статусные аспекты органов единой системы публичной власти

Уровень эффективности публичной власти зависит от ее системных качеств и может определяться различными индикативными оценками.

Системные качества публичной власти в первую очередь зависят от «системы разделения властей» и «сдержек и противовесов». В этом аспекте конституционно-правовыми средствами следует решить ряд системных проблем в деятельности публичной власти, из которых основополагающей является оптимизация системы разделения властей, напрямую определяющей взаимосвязи и статусы элементов публичной власти. Перекосы во властной разделенности ведут к ухудшению уровня управляемости публичной власти, а в случае их противостояния происходят особые негативные политико-правовые и социальные последствия, что необходимо изначально предупредить. При этом в конституционной теории и практике особое значение концепции разделения ветвей государственной власти преувеличивать не следует, но отвергать ее нельзя. Реализация данного принципа как по горизонтали на властных уровнях, так и по вертикали всей системы публичной власти имеет собственное «своеобразие» в каждой стране по достижению властного баланса полномочий и зависящих от многих факторов историко-правового развития государства. Отметим, что конституционные поправки в российской конституционной системе разделения властей подвигли к существенным изменениям.

На федеральном уровне изменились статусы Правительства РФ, судебной власти (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ), а также Совета Федерации Федерального Собрания РФ; установлены новые требования к Президенту РФ, чиновникам, депутатам и судьям. Главным требованием является недопустимость наличия иностранного гражданства или вида на жительство у лиц, занимающих государственные должности.

На уровне российских субъектов усилен контроль со стороны Федерации за их законотворчеством. Конституционно в России запрещены любые действия, направленные на отчуждение своих территорий, а также призывы к таким действиям. Запрет касается не только граждан России, но и граждан других стран, находящихся на территории России.

Установлены федеральные территории (ч. 1 ст. 67 Конституции РФ), режим которых предопределяет прямое подчинение органам и должностным лицам федерального центра. Статус данных территорий будет прописан в отдельном законе, но некоторые версии уже предложены [Мархгейм, 2020].

На уровне муниципалитетов установлено участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления; особенности законодательного осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на

¹ Там же.

других территориях. Можно констатировать, что муниципальные властные органы находятся в неразрывной связи с органами государственной власти и зависимы от них. В этих конституционно-правовых условиях муниципальная власть входит в единую систему публичной власти страны.

Нет сомнения, что направленность правовой аксиомы в конституционных поправках на организацию и взаимодействие системы публичной власти в целом влечет за собой укрепление российской государственности, институтов власти как таковых, усиление независимости государства, обеспечение потребного уровня их эффективности и обеспечения социального достоинства российским гражданам.

Подстройка системы публичной власти происходит при помощи изменений полномочий органов публичной власти, сближения государственного и муниципального уровней власти, тем самым укрепляется властное единство и консолидация уровней публичной власти. Воплощение норм конституционных поправок будет развиваться в текущем конституционно-правовом законодательстве, обеспечивающем системное развитие публичной власти, и от них зависит эффективность системы публичной власти и доверие к ней гражданского общества и граждан России. В этой связи основной задачей конституционно-правовой науки является своевременное прогнозирование и выявление вариативности конституционных рисков [Новикова, 2019; Korniyushkina et. al., 2017; Новикова А.Е., Анисимов А.П., 2008] при разработке и внедрении нормативных правовых актов, включая те, которые направлены на эффективность системы публичной власти. Несомненно, это повлечет за собой кардинальную перестройку российского законодательства, масштабы изменений пока сложно спрогнозировать. Но эту важнейшую законотворческую работу необходимо провести в кратчайшие сроки.

Особо следует остановиться на том, что в научной литературе высказываются определенные сомнения в необходимости конституционных поправок, касающихся судебной власти, с точки зрения конституционных принципов разделения властей и независимости судебной власти. Суть указанных поправок заключается во вменении Совету Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом по представлению Президента РФ возможности прекращения полномочий председателей, заместителей председателей и судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий [Безруков, 2020]. Аргументируются эти сомнения тем, что это «очевидно не способствует как укреплению единства судебной системы, так и обеспечению независимости судебной власти» [Безруков, 2020, с. 3]. Несомненно, что независимость суда является конституционным принципом обеспечения верховенства права при осуществлении правосудия, условием беспристрастности и основной гарантией справедливого судебного разбирательства как независимого арбитра, пользующегося доверием народа. Отметим, что власть едина и независимость какой-то части или ветви власти в теории разделения властей не предполагается. Независимым может быть только суд. Судейская неприкосновенность, усложненный порядок возбуждения уголовного дела в отношении судей и привлечения их к ответственности обусловлены тем, что общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего осуществления функции отправления правосудия при условии исполнения судьями добросовестно, на основе закона своих обязанностей.

За постсоветское время в России сформировались тенденции неприкасаемости и независимости от носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации – ее многонационального народа закрытой от него вертикальной корпоративной структурной системы судебной власти. В ее внутренней корпоративной деятельности административными методами нарушаются принципы «независимости» суда и «справедливого судебного разбирательства». В ходе проведения судебной реформы появились тенденции российских судей ориентироваться на интересы и приоритеты тех, кто обеспечивает им высокий уровень благосостояния, а не на законное выполнение своих функций, что ни в коей мере не может соответствовать принципам демократии в системе публичной власти, да и в обществе в целом. Человеческий фактор, уровень профессионализма и возможности внешнего коррупционного и административного влияния на судей, в том числе и через обособленный и прошедший специальный отбор корпус председателей судов, а также их окружение и доверенных лиц способствуют деформации судебной системы. Наиболее уязвимым лицом в отношении коррупции является председатель суда, административный ресурс которого позволяет создавать или встроиться в коррупционную группировку, что говорит о недостаточности контроля за судебной системой со стороны высших судебных органов. Как свидетельствует практика отдельных судов общей юрисдикции, после ухода председателей за ними «тянется шлейф» дел коррупционной направленности, рассмотрение которых блокировалось под любым предлогом. И только уход председателей таких судов «на заслуженный отдых» и настойчивость заинтересованных лиц позволяют (с учетом сроков исковой давности) вернуться к их рассмотрению и вынести справедливые приговоры за содеянное [Гущина, 2015]. Нет сомнений, что вскрываются далеко не все факты. Неприкосновенность и корпоративная закрытость в деятельности судей позволяет избежать ответственности, что порождает уверенность в своей безнаказанности. Несмотря на сложность получения всей подобной информации можно привести множество примеров судебных ошибок и столько же примеров их «неблагоприятного» решения. Наведение порядка в судебной системе – прерогатива Верховного Суда. Несомненно, коррупционный уровень в судебной системе медленно снижается, темпы снижения не удовлетворяют российских граждан, в российском обществе сформировалось твердое мнение о недоверии судам.

Значительная часть российской экономики по-прежнему находится в чёрной или серой зоне, что по большому счету тормозит эффективность многих процессов, связанных с бюджетными и иными расходами, порождает предпосылки неэффективности и компрометации авторитета публичной власти государства.

Заключение

По нашему мнению, конституционные поправки, касающиеся судебной власти, с точки зрения конституционных принципов разделения властей и независимости судебной власти корректируют принцип единства власти, не нарушая независимость суда при осуществлении правосудия и усиливают через форму представительной демократии контроль за деятельностью системы судебной власти. Без эффективной и авторитетной у граждан судебной системы провести результативные преобразования в других областях государственной и общественной жизни невозможно, в том числе по обеспечению необходимых темпов социально-экономического развития страны.

Поправки к Конституции были необходимы и приняты в ответ на политические, экономические и социальные вызовы в целях правового обеспечения поставленных Президентом Российской Федерации перед обществом и государством масштабных задач по социально-экономическому развитию страны в существующих реалиях мирового развития. Однако развитие конституционных норм в законодательных актах должно идти через призму стабилизирующей правовой обеспеченности системы публичной власти,

законных интересов субъектов конституционных правоотношений, наилучшее правовое гарантирование признания, соблюдения и защиты и прав, и свобод личности.

Список источников

1. Авакьян С.А. 2014. Конституционное право России: учебный курс. В 2-х т. Т. 1. М., Норма, 864 с.
2. Малютин Н.С. 2021. Публичная власть. СПС КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=130831#07361017514485984>

Список литературы

1. Безруков А.В. 2020. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России. Конституционное и муниципальное право, 6: 3–9.
2. Гущина Н.А. 2015. Независимость судей и проблемы коррупции в судах. Современное право, 11: 82–88.
3. Ежукова О.А. 2020. Об оценке эффективности органов публичной власти в новых конституционно-правовых и социально-экономических условиях. Конституционное и муниципальное право, 7: 7–12.
4. Малый А.Ф. 2020. О правовом содержании понятия «публичная власть». Государственная власть и местное самоуправление, 7: 8–12.
5. Новикова А.Е., Анисимов А.П. 2008. Экологические правозащитные риски: проблемы теории и практики. Адвокатская практика, 4: 5–7.
6. Новикова А.Е. 2019. Риск как объект конституционно-правовой науки. М., Издательский дом «Юр-ВАК», 98 с.
7. Поветкина Н.А. 2016. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения. М., ИЗиСП, КОНТРАКТ, 344 с.
8. Чепунов О.И. 2010. Система органов государственной власти в Российской Федерации: теоретические и конституционно-правовые аспекты. М., Социум, 292 с.
9. Чиркин В.Е. 2016. Конституционная терминология. М., Норма; ИНФРА-М, 269 с.
10. Korniyushkina, A.Y., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Doronina, O.N., Zajcev, S.Y. 2017. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. Turkish online journal of design art and communication. Vol. 7, No. S-APRLSPCL: 352–356.

References

1. Bezrukov A.V. 2020. Konstitucionnaya reforma: osnovnyye napravleniya i puti sovershenstvovaniya konfiguracii publichnoy vlasti v Rossii [Constitutional reform: the main directions and ways to improve the configuration of public power in Russia]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 6: 3–9.
2. Gushchina N.A. 2015. Nezavisimost' sudej i problemy korrupcii v sudah [Independence of judges and problems of corruption in the courts]. Sovremennoe pravo, 11: 82–88.
3. Ezhukova O.A. 2020. Ob ocenke effektivnosti organov publichnoy vlasti v novyh konstitucionno-pravovyh i social'no-ekonomicheskikh usloviyah [On the assessment of the effectiveness of public authorities in the new constitutional, legal and socio-economic conditions]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 7: 7–12.
4. Malyj A.F. 2020. O pravovom soderzhanii ponyatiya «publichnaya vlast'» [On the legal content of the concept of "public authority"]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 7: 8–12.
5. Novikova A.E., Anisimov A.P. 2008. Ekologicheskie pravozashchitnye riski: problemy teorii i praktiki [Environmental human rights risks: problems of theory and practice]. Advokatskaya praktika, 4: 5–7.
6. Novikova A.E. 2019. Risk kak ob"ekt konstitucionno-pravovoj nauki [Risk as an object of constitutional and legal science]. M., Publishing House "YUr-VAK", 98 p.
7. Povetkina N.A. 2016. Finansovaya ustojchivost' Rossijskoj Federacii. Pravovaya doktrina i praktika obespecheniya [Financial stability of the Russian Federation. Legal doctrine and practice of ensuring: monograph]. M., Publ. IZiSP, KONTRAKT, 344 p.

8. СЧепунов О.И. 2010. Sistema organov gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii: teoreticheskie i konstitucionno-pravovye aspekty [System of state authorities in the Russian Federation: theoretical and constitutional-legal aspects]. M., Publ. Socium, 292 p.

9. СHиркин В.Е. 2016. Konstitucionnaya terminologiya: monografiya [Constitutional terminology. M., Publ. Norma; INFRA-M, 269 p.

10. Kornuushkina, A.Y., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Doronina, O.N., Zajcev, S.Y. 2017. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. Turkish online journal of design art and communication. Vol. 7, No. S–APRLSPCL: 352–356.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чепунов Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Конституционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Болдырева Елена Владимировна, кандидат юридических наук, действительный государственный советник РФ 3 класса, доцент кафедры Конституционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg I. Chepunov, doctor of law, Professor, head of the Department Constitutional Law M.M. Speransky faculty of law Institute of law and national Security Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Elena V. Boldyreva, candidate of juridical science, associate of professor of the Department Constitutional Law M.M. Speransky faculty of law Institute of law and national Security Russian Presidential Academy, Moscow, Russian Federation

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 1 (075.8)

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-179-184

Китайская музыкальная культура в государственной образовательной политике КНР

Аотгенхуар, Сум Бэр, Калинина Г.Н.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308000, Белгород, ул. Королева, 7

E-mail: galakalinina@inbox.ru; 阿丹 <our.story-adafeng@qq.com>

Аннотация. Музыкальная культура Китая с древности впитывала в себя базовые культурные концепты и культурные универсалии (время и пространство, познание и вера, жизнь и смерть, семья и власть, добро и зло и др.), связанные с трактовкой миссии человека в мире. Все эти концепты и образы воплощают национальную парадигму бытия человека и общества, в том числе и в многонациональном пространстве современного Китая, включая область Внутренней Монголии, вобравшую древнюю культуру степных кочевников. В статье отмечается, что пристальное внимание к национальной музыкальной культуре в ее народных формах будет плодотворно для межкультурного диалога, поддержания тона и творческого интереса современных китайских и монгольских музыкантов к народным традициям, которые в форме чувственных образов воплощены в музыке.

Ключевые слова: творчество, традиция, новация, китайская музыка, китайская исполнительская культура.

Для цитирования: Аотгенхуар, Сум Бэр, Калинина Г.Н. 2021. Китайская музыкальная культура в государственной образовательной политике КНР. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 46 (1): 179–184. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-179-184

Chinese music culture in the state educational policy of the people's Republic of China

Aotgenhuar, Sum Baer, Kalinina G.N.

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva str., Belgorod, 308000, Russia

E-mail: galakalinina@inbox.ru; 阿丹 <our.story-adafeng@qq.com>

Abstract. Since ancient times, the musical culture of China has absorbed the basic cultural concepts and cultural universals (time and space, knowledge and faith, life and death, family and power, good and evil, etc.) associated with the interpretation of the human mission in the world. All these concepts and images embody the national paradigm of human and social existence, including in the multinational space of modern China, including the region of Inner Mongolia, which has absorbed the ancient culture of steppe nomads. The article notes that close attention to the national musical culture in its folk forms will be fruitful for cross-cultural dialogue, maintaining the tone and creative interest of modern Chinese and Mongolian musicians in folk traditions, which are embodied in music in the form of sensual images.

Keywords: creativity, tradition, innovation, Chinese music, Chinese performing culture.

For citation: Aotgenhuar, Sum Baer, Kalinina G.N. 2021. Chinese music culture in the state educational policy of the people's Republic of China. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 179–184 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-179-184

Собственно исследованию специфики китайской культуры и цивилизации в современной российской философии и культурологии посвящено не так уж много текстов. Здесь следует назвать энциклопедии «Духовная культура Китая»¹ и «Китайская цивилизация» [Малявин, 2000]. При рассмотрении китайской музыкальной культуры как важной составляющей основных направлений государственной образовательной политики КНР необходимо раскрыть смысловые значения музыкально-исполнительского творчества. Феномен исполнительской культуры (и музыкально-исполнительского творчества) располагается на пересечении междисциплинарных линий и выступает объектом внимания целого комплекса отраслей знания, в ряду которых заметно выделяются психология, музыковедение, педагогика музыкального образования и др. При этом ощутим дефицит трудов в этих научных дисциплинах. С точки зрения генезиса и культурно-исторической идентификации феномена «исполнительской культуры» следует отметить, что в массиве литературы присутствует конкретизация отдельных составляющих исполнительской культуры [Файзрахманова, 2013; Рахимбаева, 2005; Бенюмов, 1985] и др. Также в последнее время появились специальные исследования в области психологии музыкально-исполнительского творчества [Бочкарев, 1997; Готсдинер, 1993; Цыпин, 1994; Петрушина, 2008] и по теории исполнительства [Алексеев, 1969; Баренбойма, 1989; Когана, 2004; Малинковская, 1990; Савшинский, 2002; Каузова, 1997; Живов, 2003] и др., на которые мы опираемся в интерпретации китайской музыкальной культуры.

Важно заметить, что музыкальная культура изначально входила в основания жизненного мира древней китайской цивилизации, но вобрала в себя и музыкальные традиции других культур, «постепенно ассимилировавшихся в Китайской империи, а также соседних народов, в частности Центральной Азии, и народов Индии, Греции, Ирана. В свою очередь китайская национальная музыка, за более чем двухтысячелетнюю историю генезиса не утратившая своей самобытности, оказала существенное влияние на музыкальную культуру и музыкально-теоретическую мысль стран Дальнего Востока – Кореи» [Ван Дон Мэй, 2004, с. 15]. Современный молодой китайский учёный пишет также и о связи музыки, философии и целостной китайской культуры: «Слово "юэ" (музыка) в Древнем Китае, как и в других странах Древнего мира, выражало довольно широкое по содержанию понятие, включающее поэзию и танцы, живопись, гравюру, архитектуру и даже церемониал, охоту и сервировку стола. Для музыкальной эстетики Китая и других цивилизаций в целом характерна тесная связь философских идей с мифологией, эпосом, поэзией... Помимо того, в древнем Китае музыка составляла важнейший элемент воспитания и входила в число наук, обязательных для изучения. Она непосредственно вытекала из ритуала, была неотделима от этики и всего того, что мы называем внутренней красотой или благородством. Благородство души воспитывалось прежде всего музыкой» [Ван Дон Мэй, 2004, с. 9]. Таким образом, правомерно говорить о специфическом понимании и значении музыки и музыкальной культуры в философии конфуцианства и древнем китайском государстве (официальная концепция «правильной музыки», юэ, неотрывно связана с древними космологическими представлениями и китайской

¹ См.: Духовная культура Китая. 2006. Под ред. Кобзева А.И. Энциклопедия В 5 т. Т. 1. Философия. Москва: 262–264.

«картиной мира»). Китайская музыкальная культура несла в себе специфическую качественную характеристику китайской культурно-цивилизационной системы, что сохраняется и в современной КНР.

В одном из своих определений исполнительская культура высокого уровня, мирового музыкального стандарта понимается как мера освоения музыкантом эмоционально-образного содержания образцов искусства. Ее фундамент базируется на трех основаниях: 1) качественная техническая база; 2) яркое исполнительское мастерство; 3) «соразмерность всех музыкальных элементов и качественных характеристик, соединенных в художественную целостность». Поэтому вполне логично при оценке уровня китайского исполнительства (и самого музыканта) пытаться объективно и адекватно исходить из приведенного нами понимания музыкальной исполнительской сферы и ее критериев-стандартов. М.И. Бенюмов пишет: «Музыкальное исполнение отличается от любых других видов исполнения прежде всего особой – звуковой, или, точнее, интонационной – предметностью, в которой осуществляется деятельность. Но как деятельность в интонационной предметности музыкальное исполнение есть вид интонирования и нуждается в дополнительном определении также и с этой стороны» [Beniumov, 2014, p. 467]. Обозначив ключевые посылки наших рассуждений, отметим, что основу основ классической китайской педагогики составила конфуцианская школа, которая намного предвосхитила базовые основания современной музыкально-образовательной системы Китая.

В XX в. развитие китайской образовательной системы претерпело ряд реформ, наиболее трагичной из которых было десятилетие «культурной революции» (1966–1976). В последние годы в связи с модернизацией всей социально-экономической и культурной системы КНР произошли существенные изменения и в музыкальном образовании. Во-первых, были расширены учебные программы с включением в них музыки различных стилей и форм, отражающей культурное и национальное многообразие Китая с множеством «малых культур». Во-вторых, введен единый государственный язык – пугунхуа, призванный объединить все многочисленные народности Китая в единую культурную целостность. И, наконец, с целью объединения различных культур на территории Китая было (помимо языковой реформы) обращено особое дополнительное внимание на высокую роль в жизни китайского общества и в образовательной системе общей для всех народностей традиционного искусства и философии.

Все эти мероприятия, с одной стороны, вне сомнения, имели положительный эффект для развития музыкального образования. Однако главное традиционное предназначение музыки продолжало декларироваться как функциональное, которое заключается в том, что она рассматривается преимущественно именно как средство обучения, что обедняет сам процесс музыкального образования и не дает полноценно подготовленного профессионала в музыкальной области. На наш взгляд, такой крен со стороны государства в «музыкальный функционализм» во многом объясняется тем, что в китайском обществе сегодня музыка служит не только достижению совершенства (по Конфуцию), но и политическим, прагматическим целям.

Каковы же особенности и основные проблемные зоны сегодняшнего школьного музыкального образования с учетом провозглашенного государственного курса, основные направления которого в музыкальной сфере мы обозначили выше? Е.А. Бодина пишет: «Именно восприятие музыки традиционно составляло основу обучения, и только в последнее время в уроки стали включаться элементы творчества. Характерно, что китайские педагоги придают решающее значение творческому процессу, хотя и не отрицают значение результата. Именно процесс позволяет развить творческий дух учеников, мотивировать их к активному обучению музыке» [Бодина, 2014, с. 102]. Исследователи, изучающие зарубежный опыт музыкального образования отмечают:

«Весьма показательна позиция китайских педагогов-музыкантов, которые считают, что «если мастерство не будет достигнуто рано, то оно может не быть достигнуто вообще»¹.

К определенным недостаткам в профессиональной сфере китайской музыкальной исполнительской культуры исследователи относят, прежде всего, некоторые типические пробелы, характерные в том числе и для сегодняшнего репертуара, в ряду которых назовем следующее:

ограниченный музыкальный фонд и недостаточная, можно сказать скудная, представленность полифонических сочинений, особенно опусов И.С. Баха, на общем фоне программного обучающего фортепианного репертуара (особенно это характерно для начальной стадии обучения исполнительской культуре в китайских музыкально-образовательных учреждениях;

технический крен обучения, то есть ориентация национальной методической базы на выработку, оттачивание и совершенствование игровой, исполнительской техники, включая отработку технических навыков при разучивании упражнений и этюдов, что, во-первых, уже само по себе носило ограниченный характер, поскольку ориентировало исполнителя не на полифонию (как это принято в мировых исполнительских техниках обучения), а формировало гомофонно-гармонический склад исполнения; и, во-вторых, наносило ущерб методикам, отдающим в обучающих практиках приоритеты художественному репертуару, фортепианной литературе, отодвигая комплексные мировые методики на периферию обучения (они обычно заменялись штудированием различных Школ экзерсисов, например, «Фортепианный учебник» С. Томпсона и столь же обязательный учебник Ф. Бейера; со временем к ним подключались этюды К. Черни).

Одним из негативных следствий такой технически-ориентированной, «узкой» обучающей установки, несомненно обедняющей общий кругозор музыканта, становился 1) слабый уровень погружения в историю, теорию музыки; 2) отсутствие целевого интереса (и заинтересованной мотивации) к получению самостоятельного объема знаний, дополняющих и расширяющих музыкальный кругозор; 3) невысокий уровень знания мировой классической музыкальной литературы с точки зрения ее художественной важности в области музыкального исполнения; 4) глубокое знакомство с мировым классическим наследием становилось прерогативой более зрелого возрастного контингента. Разумеется, все это не способствует постижению музыкальной полифоничности, выработке дисциплины музыкального мышления и исполнительской манеры китайских музыкантов, на что указывают многие китайские исследователи [Ван Бинжао, Юань Гохуа. 1994; Сун Эньжун. 1995; Хэ Дунчан. 1996; Чэнь Сюэсюнь. 1986].

Резюмируя изложенное, отметим, что указанные противоречия позволяют нам пока еще предварительно указать на не вполне удовлетворительные условия для развития исполнительской культуры, отсутствие современных эффективных способов и методик ее повышения и развития, а также на слабое внедрение инновационных организационных форм развития исполнительской культуры среди обучающейся молодежи.

Список литературы

1. Алексеев А.Д. 1969. Русская фортепианная музыка. Конец XIX – начало XX в. М.: Наука. 391 с.
2. Баренбойм Л.А. 1989. За полвека: Очерки, статьи, материалы. Ленинград, Советский композитор. 365 с.
3. Бенюмов М.И. 1985. Функции художественных средств музыканта-исполнителя. Красноярск, [б. и.]. 79 с.

¹ См.: Как учат музыке за рубежом. 2009. Сост., авт. предисл. Д. Дж. Харгривз, А.К. Норт. Москва. с. 74.

4. Бодина Е.А. 2014. Проблема результативности музыкального образования в современной зарубежной педагогике. Известия ВГПУ, 3 (264): 102–105.
5. Бочкарев Л.Л. 1997. Психология музыкальной деятельности. М., ИПРАН, 350 с.
6. Ван Дон Мэй. 2004. Великий шелковый путь в истории китайской музыкальной культуры. Автореферат дис. ... канд. Искусствоведения. 17.00.02: музыкальное искусство. СПб. 27 с.
7. Готсдинер А.Л. 1993. Музыкальная психология. М., Малое изд. предприятие NB Магистр, 190 с.
8. Живов В.Л. 2003. Хоровое исполнительство: Теория. Методика. Практика. М., ВЛАДОС. 270 с.
9. Каузова А.Г. 1997. Развитие полифонического слуха учащегося-пианиста в процессе работы над современным репертуаром. М., Прометей. 63 с.
10. Коган Г. М. 2004. У врат мастерства. М., Классика-XXI, 133 с.
11. Малинковская А.В. 1990. Фортепианно-исполнительское интонирование. М., Музыка. 186 с.
12. Малявин В.В. 2000. Китайская цивилизация. М., Издательство Апрель, ООО «Издательство АСТ». 632 с.
13. Малявин В.В. 2005. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М., Европа, 304 с.
14. Петрушин В.И. 2008. Музыкальная психология. Москва: Трикта: Академический проект. 398 с.
15. Рахимбаева И.Э. 2005. Художественная культура. Саратов, Научная книга. 87 с.
16. Савшинский С.И. 2002. Пианист и его работа. М., Классика-XXI, 239 с.
17. Файзрахманова Л.Т. 2013. Становление и развитие музыкально-педагогического образования в Татарстане: XIX-XX вв.: автореферат дис. ... доктора педагогических наук Какзань, Изд-во: Ин-т педагогики и психологии профессионального образования РАО. 38 с.
18. Цыпин Г.М. 1994. Психология музыкальной деятельности: проблемы, суждения, мнения. М., Интерпракс. 373 с.
19. Chen Xuexun. 1986. Materials for teaching the modern history of education in China. In: 3 t. Beijing. People's Pedagogical Publishing House. (in Chinese)
20. He Dongchang. 1996. Education in modern China. In: 2 t. Beijing: Modern China Publishing House. (in Chinese)
21. Mikhail I. Beniumov. 2014. On the Concept of Musical Performance. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 3. (in English)
22. Sun Enjun. 1995. Essays on the study of modern teachers in China. In: 25 T. Shenyang. Pedagogical Publishing House of Liaoning Province. (in Chinese)
23. Wang Bingzhao, Yuan Guohua. 1994. General History of Pedagogical Thought in China. In: 8-mi T. Changsha. Educational Publishing House of Hunan Province. (in Chinese)

References

1. Alekseyev A.D. 1969. Russkaya fortepiannaya muzyka. Konets XIX – nachalo XX v. [Russian piano music. Late 19th – early 20th century]. М., Publ. Nauka. 391 p. (in Russian)
2. Barenboym L.A. 1989. Za polveka: Ocherki, stat'i, materialy [For half a century: Essays, articles, materials]. Leningrad, Sovetskiy kompozitor. 365 p. (in Russian)
3. Benyumov M.I. 1985. Funktsii khudozhestvennykh sredstv muzykanta-ispolnitelya [Functions of the artistic means of the musician-performer]. Krasnoyarsk, [b.i.]. 79 p. (in Russian)
4. Bodina E.A. 2014. Problema rezul'tativnosti muzykal'nogo obrazovaniya v sovremennoy zarubezhnoy pedagogike [The problem of the effectiveness of music education in modern foreign pedagogy]. Izvestiya VSPU. No. 3 (264): 102–105 (in Russian)
5. Bochkarev L.L. 1997. Psikhologiya muzykal'noy deyatelnosti [Psychology of Musical Activity]. М., Publ. IPРАН. 350 p. (in Russian)
6. Wang Dong Mei. 2004. The Great Silk Road in the history of Chinese musical culture. Abstract of the dis. ... cand. art criticism / 17.00.02 musical art. St. Petersburg. 27 p. (in Russian)
7. Gotsdiner A.L. 1993. Muzykal'naya psikhologiya [Musical Psychology]. М., Publ. NB Магистр, 190 p. (in Russian)

8. Zhivov V.L. 2003. Khorovoye ispolnitel'stvo: Teoriya. Metodika. Praktika [Choral Performance: Theory. Methodology. Practice]. M., Publ. VLADOS. 270 p. (in Russian)
9. Kauzova A.G. 1997. Razvitiye polifonicheskogo slukha uchashchegosya-pianista v protsesse raboty nad sovremennym reperturom [Development of the polyphonic ear of a student-pianist in the process of working on a modern repertoire]. M., Publ. Prometey. 63 p. (in Russian)
10. Kogan G. M. 2004. U vrat masterstva [At the gates of mastery]. M., Publ. Klassika- XXI. 133 p. (in Russian)
11. Malinkovskaya A.V. 1990. Fortepianno-ispolnitel'skoye intonirovaniye [Piano-performing intonation]. M., Publ. Muzyka. 186 p. (in Russian)
12. Malyavin V.V. 2000. Kitayskaya tsivilizatsiya [Chinese civilization]. M., Publ. Aprel', AST. 632 p. (in Russian)
13. Malyavin V.V. 2005. Kitay upravlyayemyy. Staryy dobryy menedzhment [China is managed. Good old management]. M., Publ. Yevropa, 304 p. (in Russian)
14. Petrushin V.I. 2008. Muzykal'naya psikhologiya [Musical Psychology]. Moskva: Publ. Triksa: Akademicheskiiy proyekt. 398 p. (in Russian)
15. Rakhimbayeva I.E. 2005. Khudozhestvennaya kul'tura [Artistic Culture]. Saratov Publ. N auchnaya kniga. 87 p. (in Russian)
16. Savshinskiy S.I. 2002. Pianist i yego rabota [The pianist and his work]. M., Publ. Klassika- XXI. 239 p. (in Russian)
17. Fayzrakhmanova L.T. 2013. Stanovleniye i razvitiye muzykal'no-pedagogicheskogo obrazovaniya v Tatarstane: XIX–XX vv.: avtoreferat dis. ... doktora pedagogicheskikh nauk [Formation and development of music and pedagogical education in Tatarstan: XIX–XX centuries: abstract of dis. ... Doctors of Pedagogy] Kakzan', Publ. In-t pedagogiki i psikhologii professional'nogo obrazovaniya RAO. 38 p. (in Russian)
18. Tsypin G.M. 1994. Psikhologiya muzykal'noy deyatel'nosti: problemy, suzhdeniya, mneniya [Psychology of Musical Activity: Problems, Judgments, Opinions]. M., Publ. Interpraks, 373 p. (in Russian)
19. Chen Xuexun. 1986. Materials for teaching the modern history of education in China. In: 3 t. Beijing. People's Pedagogical Publishing House (in Chinese)
20. He Dongchang. 1996. Education in modern China. In 2 Vol. Beijing: Modern China Publishing House (in Chinese)
21. Mikhail I. Beniumov. 2014. On the Concept of Musical Performance. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 3 p. (in English)
22. Sun Enjun. 1995. Essays on the study of modern teachers in China. In: 25 T. Shenyang. Pedagogical Publishing House of Liaoning Province (in Chinese)
23. Wang Bingzhao, Yuan Guohua. 1994. General History of Pedagogical Thought in China. In 8 Vol. Changsha. Educational Publishing House of Hunan Province (in Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калинина Галина Николаевна, доктор философских наук, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

Сум Бэр, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

Аотгенхуар, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina N. Kalinina, Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science at the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Sum Baer, Postgraduate student in the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science at the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Aotgenhuar, Postgraduate student in the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science at the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

УДК 177

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-185-194

Философско-антропологический анализ роли женщины в русской культурной традиции

Гудова О.С., Липич Т.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 728461@bsu.edu.ru, lipich@bsu.edu.ru

Аннотация. Трансформация роли женщины в политике позволяет проследить путь получения женской гендерной группой равенства в правах. Но юридическое решение этого вопроса не всегда ведет к его фактическому осуществлению. Сфера политики остается патриархальной. Поэтому авторами поставлена цель проанализировать изменения роли женщины в политической сфере России в разные исторические периоды для выявления причин, мешающих представительницам женской гендерной группы на современном этапе увеличить свое представительство во властных структурах, повысить уровень женского политического участия и женского политического лидерства. В результате выделены общественные стереотипы, которые мешают женщинам массово присутствовать в органах государственной власти на современном этапе, а также занимать лидирующие посты в политической сфере.

Ключевые слова: женщины, власть, политическое лидерство, роль женщин в политике, гендерные стереотипы, равенство, политическое участие.

Для цитирования: Гудова О.С., Липич Т.И. 2021. Философско-антропологический анализ роли женщины в русской культурной традиции. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 46 (1): 185–194. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-185-194

Philosophical and anthropological analysis of the role of women in the Russian cultural tradition

Olga S. Gudova, Tamara I. Lipich

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: 728461@bsu.edu.ru, lipich@bsu.edu.ru

Abstract. The transformation of the role of women in politics allows tracing the difficult path of women's gender group gaining equality in rights. But the solution to this issue in legal terms is not always carried out in fact. The sphere of politics remains patriarchal. Therefore, the purpose of the study was to analyze the changes in the role of women in the political sphere of Russia in different historical periods in order to identify the reasons that prevent the representatives of the female gender group at the present stage from increasing their representation in power structures, increasing the level of female political participation and female political leadership. These changes will lead to general democratization processes and improved functioning of the work of civil society. Thus, the article highlights the social stereotypes that prevent women from massively present in government bodies at the present stage, as well as to occupy leading positions in the political sphere.

Keywords: women, power, political leadership, the role of women in politics, gender stereotypes, equality, political participation.

For citation: Gudova O.S., Lipich T.I. 2021. Philosophical and anthropological analysis of the role of women in the Russian cultural tradition. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 185–194 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-185-194

Введение

Политическая сфера затрагивает все остальные сферы общества. В ее основе лежит управление и власть. Независимо от вовлеченности в политическую жизнь и властные отношения, или напротив, полную абстрагированность, то есть политический абсентеизм, люди ощущают функционирование политической сферы ежедневно, так как решения органов государственной власти могут кардинально изменить жизнь каждого из нас. Увеличивающаяся динамичность жизни в целом также отражается и на политике, мы начинаем ориентироваться не только на события, произошедшие в рамках нашего государства, но и на динамику взаимоотношений с другими странами. Процессы глобализации и информатизации захватывают все больше территорий и населяющих их жителей. Реальность молниеносно фиксируется вездесущими гаджетами и становится обнародованным фактом. И кроме всех общих сложностей и проблем, которые, безусловно, присутствуют в любой политической системе в любой хронологический период развития человеческого общества, нельзя обойти и вопрос вовлеченности и вклада женской гендерной группы в область политики. Данная сфера ассоциируется с лидерством, возможностью проявлять собственную волю, не зависимо от отношения и реакции других людей.

История богата примерами политических лидеров, в большинстве своем это мужчины. Путь женщин в политику и власть всегда был более сложным и имел много преград в силу сложившейся традиции, а также отсутствия равенства прав между гендерными группами. На современном этапе развития политической системы юридически женщины имеют правовое равенство, но их роль как политических лидеров несопоставима с ролью мужчин в этой области.

Целью исследования является актуализация процесса вовлечения женской гендерной группы в политическую сферу, так как в современный период женщины продолжают сталкиваться с многочисленными проблемами при исполнении роли политического лидера. Присутствие женской гендерной группы в структурах власти необходимо, так как это один из индикаторов функционирования правового государства, а развитие женского политического лидерства является следствием искоренения традиционных стереотипов в мышлении общества.

В ходе исследования мы использовали сравнительный метод, дабы рассмотреть присутствие женщины в политической сфере на примере конкретных исторических личностей, а также системный метод, с помощью которого можно проследить эволюцию становления роли женской гендерной группы в разных общественных сферах. Кроме того, мы применяли общетеоретические научные методы, такие как синтез, аналогия, обобщение, анализ.

Наиболее целостно отражают меняющееся со временем положение женщины в обществе и политике следующие исторические документы: «Конвенция о политических правах женщин» от 1952 года [Конвенция..., 1952], «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» от 1979 года [Конвенция..., 1979]. Эти договоры фиксируют результаты борьбы с несправедливыми формами взаимодействия между разными группами людей, которые базировались на приуменьшении определенных слоев из-за существующих отличий. Иерархичность всегда строится на том, что одни группы по тем или иным критериям отличаются от других, будь то сила, деньги или знания, но только современные веяния либеральности возводят эту категорию в положительный контекст.

Разные стороны поднимаемой нами проблемы рассматривают многие исследователи. Мы, в частности, опирались на публикации С.Г. Айвазовой [1998], М.С. Козловой [2006], В.А. Зимина [2013], П. Будье [2010]. Эти труды зачастую носят междисциплинарный характер, так как в зависимости от изучаемого аспекта авторы переносят акценты в необходимую плоскость науки. Например, в философско-

культурологическом направлении роль женщины на политической арене России исследуют С.А. Анисимова [2001], О.В. Хитрова [2006], Г.Ф. Беляева [2008], а также Т.И. Липич и Е.А. Марьясова [2018]. Так, Т.И. Липич и Е.А. Марьясова сопоставляют общественно-политические изменения в виде революций, войн, смены политических режимов и трансформирующееся в связи с этим поведение женщин. Перемены выталкивают данную целевую аудиторию из зоны бытового и психологического комфорта. Образ матери, супруги, хранительницы домашнего очага смешивается или полностью искореняется новыми социальными ролями, проявляющимися в экономической независимости, возросшем запасе властных ресурсов и включенности в политическую жизнь страны [Липич, Марьясова, 2018].

Этапы изменения общественно-политической роли женщин в истории

Наибольшего подъема борьба женской гендерной группы за политическую активность и артикуляцию взглядов относительно своей роли в управленческом секторе достигает ко второй половине XIX века. Значительный вклад в формирование юридического равноправия и выстраивания нового образа женщины вносит феминизм, во многом радикальный на определенных этапах своего развития. К его идеологам относится С. Де Бовуар, ее работа «Второй пол» дает свое видение эволюции роли женщины от начала возникновения цивилизаций до середины XX века, когда ее труд и был опубликован [Бовуар, 1997]. Изменение роли женщины в обществе, в том числе и в политической сфере, исследует наука «феминология». В профессиональном образовании это новый компонент, так как в виде учебной дисциплины эта область знания появляется только в конце 90-х годов XX века. Ее предмет четко показывает весь спектр интересующих нас проблем от психологической закономерности гендерного неравенства, особенностей социально-политической дискриминации женского пола до трансформации социальных ролей в разные исторические периоды и отражении этого процесса на статусе женщин и их функциях [Куслий, 2008].

Огромный вклад в становление роли женщины в политической сфере вносят авторы – идеологи классовой революции. В России именно после свержения монархии женскую гендерную группу уравнивают в правах с мужской половиной общества, и именно тогда женщины получают избирательные права, путь к которым в других странах был гораздо более долгим. Так, наша страна приходит к этому событию в 1917 году, а Франция – лишь на закате Второй мировой войны, в 1944 году. Вопрос о месте женщины в общественной и политической жизни в своих трудах рассматривают Ф. Энгельс [1980], В.И. Ленин [1967], А.М. Коллонтай [1972], И.Ф. Арманд [1975], Н.К. Крупская [1959] и К. Цеткин [1974]. Так, А.М. Коллонтай в своей работе «Положение женщины в эволюции хозяйства» призывает к устранению барьеров, существующих в обществе, на пути женщин к равноправию. Также она отмечает, что ни юридическое равенство, ни вовлеченность женщин в политическую сферу не смогут в полной мере разрешить все составляющие «женского вопроса» [Коллонтай, 1972, с. 84].

М. Дюверже – французский ученый, специализирующийся на политической социологии, относит принадлежность к тому или иному полу как определяющую составляющую политического поведения. В своих работах он анализирует различные аспекты политического участия и факторы, влияющие на него. Так слабую политическую активность женского пола автор соотносит с психологической внушаемостью и консервативной заостренностью видения мира самими женщинами. Женщины гораздо больше привязаны к устоявшимся алгоритмам и традиционным ценностным ориентирам [Duverger, 1955]. Мужчины же, напротив, более охотно идут на риск, особенно, если просчитали вероятность положительного исхода, уверенность и даже агрессивность, которая им свойственна, в политике выражается в положительном ключе в виде умения

отстаивать свои интересы и достигать поставленных задач. Традиционность взглядов мешает женщинам видеть нестандартные выходы из трудных ситуаций, которые регулярно встречаются во властных отношениях и политической сфере. Кроме того, к минусам женской аудитории приписывается гипертрофированная эмоциональность, которая также неблагоприятно сказывается на их присутствии в политике [Duverger, 1955].

В истории нашего государства первым периодом, когда женщины проникают во властные отношения, стало время регентства княгини Ольги. Его специфичность заключается еще и в том, что женщины, вовлеченные в политическую сферу, сразу же были вынуждены выполнять функции политического лидера. Царевна Софья, также ставшая регентом при братьях Иоане и Петре, являет пример женщины, вовлеченной в область политики в качестве фактического правителя. Но и первый, и второй пример не заложили основ новой традиции, их присутствие в политической области случайно и было допущено лишь в качестве временной меры в отсутствии альтернативного варианта, который бы соответствовал общепризнанным условиям. Их роль была завершена, как только привычные обществу лидеры мужского пола смогли вновь выполнять требуемые от них действия. Подобная ситуация проявляется и в дальнейшем [Гудова, 2019, с. 69].

Следующим наиболее значительным периодом, когда представители женской гендерной группы проникают во властные отношения в истории нашей страны, становится XVIII век. Именно этот временной промежуток являет нам плеяду женщин-правительниц. Но ключевой момент в изменении положения женщин вносит император Петр I. Ему принадлежат все новаторства, изменившие облик русского общества. Другое восприятие женщин и изменение их общественного статуса начинается с совместного времяпрепровождения мужской и женской части общества. Это стало осуществимо благодаря указу об ассамблеях, который был создан в 1718 году. Суть документа заключалась в европеизации существовавших правил поведения, разрешалось присутствие женщин в новом виде досуга. Конечно, все эти новшества касались только высших сословий российского социума.

Важность факта присутствия женщины на троне Российской империи огромна, ведь в начале столетия даже социальная сфера для женской гендерной группы имеет ряд жестких ограничений, не говоря уже о наделении женщин властными полномочиями. Самореализация была возможна лишь на поприще религиозных и миссионерских организаций. Образ жизни был сугубо приватный, и функции распространялись преимущественно на ведение домашнего хозяйства и воспитание детей с поправками на принадлежность к определенной категории населения. Но произошедшие преобразования были весьма значительны, «ведь XVIII век знал имена женщин-императриц, женщины – президента Российской Академии наук, женщин-писательниц, артисток, светских дам. А также женщин, поражавших общество своей высокой духовностью, нравственностью и самопожертвованием» [Первушина, 2012, с. 57].

Характеристику данной эпохи оставляют ее современники К.Г. Манштейн [1953] и Б.Х. Миних [1953]. Как и в более ранний период, приход к власти каждой из самодержец сопровождался кризисными явлениями, и именно они сыграли в их проникновении во власть ключевую роль. Так, восшествию на престол Екатерины I поспособствовали сподвижники Петра I, которые не хотели терять обретенное положение и возвращаться к старым порядкам, когда привилегии могли получить только люди, имеющие принадлежность к определенному роду. Отмена местничества открыла путь в высшие страты общества даже для самых ограниченных сословий, главным становились личные качества и идейная преданность. Одним из ярчайших примеров нового мироустройства являлась политическая карьера А.Д. Меншикова, который, вероятнее всего, не имел блестящего происхождения, но, несмотря на это, стал одним из влиятельнейших фаворитов Петра I и поспособствовал возведению на трон императрицы Екатерины I. Таким образом,

появление женщин в политической сфере в данный период все равно происходит по волеизъявлению мужчин.

Общая канва либерализации коснулась и наследственного права. По указу раздельного владения имуществом супругами от 1731 года женщинам в собственность отходили ее приданное, ценности, приобретенные самостоятельно во время брака, наследство от близких родственников. Но все эти блага она могла получить в единоличное владение только после кончины супруга.

Во всех восшествиях женщин на престол имел место быть элемент бунта, который был осуществлен только благодаря поддержке привилегированной части армии – гвардейцами. Е.В. Анисимов описывает период правления дочери Петра I – Елизаветы Петровны [Анисимов, 1998, с. 21]. В его работах мы видим отсылку к причинам получения государственного управления монархом женской гендерной группы. Елизавета делает огромный акцент на своем родстве с императором Петром, красноречиво повествуя о его великих завоеваниях и свершениях, таким образом как бы наследуя его мощь и оправдывая свой захват трона. Кроме того, все императрицы-самодержицы позиционировали себя первоначально как глав государства, выполнявших мужскую роль, а лишь потом как представительниц определенного пола.

Императрица Екатерина II также пришла к власти не легитимным путем. Ее восшествию на престол способствовала гвардия, организованная приближенными фаворитами братьями Орловыми. Вместе они сплотили вокруг себя военную силу и представителей дворянства и свергли императора Петра III. Но все вышеперечисленное не помешало ей закрепиться у власти и приравнять итоги своей политической деятельности к достижениям самых выдающихся правителей в истории не только России, но и мира.

С деятельностью Екатерины II связано множество преобразований. Для нашего исследования наиболее интересны реформы, изменившие социально-политическое положение женщин, к таковым относятся развитие образования. При Смольном монастыре было создано училище для девушек, впоследствии получившее название Смольного Института благородных девиц. Одна из приближенных императрицы – Е. Дашкова возглавила Академию наук, заняв должность президента. При ее руководстве была собрана объемная библиотека, этимологический словарь, а также издан журнал «Собеседник любителей Российского слова». Ее собственному перу принадлежит работа «Записки» в мемуарном жанре. Все это свидетельствует об изменении положения женщины в российском обществе, ведь многие женщины высшего сословия начинают получать образование и даже самовыражаться в таких областях, как искусство, литература, театр. Но это не изменило в общем существовавшую концепцию выполнения женщинами «вторых» ролей [Гудова, 2019].

Таким образом, XVIII век – эпоха матриархата. Как было ранее нами отмечено, все участницы были возведены на царствование представителями мужской гендерной группы, события, приведшие их в политическую сферу, имели революционный характер. Черета женщин – правительниц во многих сферах вывела Россию на новые уровни достижений как во внутренних преобразованиях, касающихся системы управления, культуры, так и внешних, выражающихся в успешном ведении военных действий и приращении территорий. Но глобальных изменений в рамках проблемы политического лидерства совершено не было, даже несмотря на тот факт, что правление женщин продлилось практически столетие.

Причины второстепенного положения женщин в политической сфере

Дж. Милль – английский философ, изучая место женщины в политической системе, одним из ключевых тормозов ее пути в управленческий сектор считал брак. Он настаивал на том, что скрепление индивидов семейными узами имеет вредное моральное воздействие для всех участников, но для женщин – это еще одна форма рабства

[Школьников, 2000]. Автор утверждал, что одна из основных причин, повлекших за собой подчиненное положение женщин, заключается в системе воспитания и образования. Девушки были отлучены от традиционных мужских занятий, а их образование начинает развиваться только после 1870 года. Миль считал такое положение несправедливым и выход видел не только в реформировании образовательной системы, но и в предоставлении возможности женщинам самим определять вектор развития, а для этого необходимо получение ими избирательных прав и вовлечение женщин в сферу политического управления [Школьников, 2000].

Во многом более низкое положение женщины в семье и обществе связано с проблемами женского образования. Мы отметили, что XVIII век вносит определенный прорыв в эту область, но более качественные и всесословные изменения происходят в пореформенный период XIX века. Земская реформа запустила деятельность школ на селе, и работа в них стала осуществляться для обоих полов. Церковно-приходские образовательные учреждения внесли огромный вклад в процесс обучения девочек из крестьянских семей. К концу столетия появились женские гимназии и прогимназии, а также открылись специальные женские профессиональные учебные заведения [Шатохина, 2011].

Развитие женского образования в Российской империи совпало с зачатками женского движения. Это объясняется тем, что возрастающий уровень образованности, а также растущая массовость грамотных представительниц женской гендерной группы привело к снижению социопсихологических и сословных барьеров на пути женщин к организации правового и экономического равенства. Образование – один из ключевых аспектов положительного изменения роли женщины и в области политики.

С началом XX века наступила эпоха перемен. Революции в России принесли сначала ограничение монархии, а потом и окончательное ее свержение. Внесение равенства в общество было закреплено первыми декретами советского правительства. В этот период особенно наглядно предстает эволюция роли женщины во власти, так как две мировые войны заставляют женщин массово приспосабливаться к новой реальности. Замещение мужчин на их традиционных местах ломает складывающуюся из поколения в поколение идентификацию, и обратный процесс возвращения в область исключительной феминности не представляется возможным. Численное же представительство женской гендерной группы в государственных органах продолжает быть не многочисленным. Иллюзорное равенство и привлечение к проблеме женского политического лидерства решаются с помощью специализированных организаций – женских советов, а также системы квотирования. Но при этом квоты создавали негативное отношение общества к женщинам, вовлеченных в эту сферу, так как они представлялись лишь как исполнители уже решенных вопросов, поэтому кандидатуры женщин редко выдвигались на посты политических лидеров.

В постсоветский период политическая пассивность возросла, а соответственно и женское представительство у власти не перешло в развивающуюся фазу, так как нестабильность существующей системы управления страной заставляла решать самые острые проблемы. Для большинства граждан к этой категории относились отсутствие средств к существованию и ограниченность товаров народного потребления. Ворвавшийся политический плюрализм сподвиг к образованию женских партий, но качественных изменений они не принесли. Таким образом, вопрос о несоответствующем представительстве женской гендерной группы на уровне реальных управленческих действий оставался актуальным. Прогресс был достигнут в формировании автономной личности, но количественное представительство женщин во властных структурах остается

минимизированным. В то же время качественное во многом страдает от количественного. Таким образом, современной российской демократии предстоит еще очень серьезный путь развития до прообраза консенсусного демократического подхода в своей деятельности.

Наши выводы подтверждаются статистическими данными исследований Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной. Так, на заре существования новой России, несмотря на законодательно закрепленное равенство всех имеющихся прав между мужской и женской гендерной группой, представительство последней на высших государственных постах равно лишь 1,3 %, более низкие по рангу должности представлены 56 %. Это является определенным показателем преемственности советского периода, в котором существовала система квотирования для преодоления гендерной асимметрии в правительственных и партийных учреждениях. Удельный вес представительства женской гендерной группы в руководящем эшелоне в разных экономических секторах составляет не более 9 % [Здравомыслова, Тёмкина, 2015].

В соседних же странах присутствие женщин в политической сфере в разы выше, нежели в РФ. Наибольшего результата в этой сфере добились страны Скандинавии, но они лидируют не только по показателям вовлеченности женщин во власть, но и в области женского политического участия, что во многом и является причиной высоких показателей по первому критерию. И то и другое – следствие сформированного гражданского общества, развитой политической культуры и устоявшейся правовой грамотности.

Данные прошлого десятилетия с акцентом на руководящие должности анализирует Ю.Л. Шепелева. Так, с 2009 по 2013 год в секторе государственных служащих представлен значительный процент работающих женщин – около 70 %, но с оговоркой, что они выполняют свою деятельность в секторе исполнителей. И здесь действительно сложно представить функционирование органов власти без таких трудовых качеств, которые присущи многим женщинам: усидчивости, терпения, выдержки, отсутствия необдуманных рискованных действий. Но руководящие должности все так же принадлежат мужской составляющей коллективов – они занимают 80 % от всех постов высшего управленческого аппарата. В связи с этим возникает закономерный вопрос о существующих препятствиях в карьерном росте для женской гендерной группы в области государственного управления и политики [Шепелева, 2016]. Во многом это связано с традиционным мышлением большинства граждан, представить в качестве лидера нетипичную фигуру сопрячено с психологическим дискомфортом и определенной незащищенностью. То, что трудно объяснить или смоделировать лишь на основе теоретических данных, не вызывает доверия, так необходимого в политической сфере. Ведь именно на этом элементе строится большинство взаимодействий между лидером, его командой и представителями электората.

В представлении большинства женская кандидатура не подходит на руководящую должность и по другой причине – типичная деятельность женщин связана с огромным количеством обязанностей не профессионального направления, а бытового. Забота о семье и детях отнимает время, которое мужчины могут потратить на развитие необходимых навыков и умений для трудовой деятельности, тем самым объективно обгоняя женщину в ключевой позиции – профессионализме. Возможно, эту проблему можно попытаться решить с помощью формирования демократического типа семей, где бытовые обязанности в равной степени делятся между партнерами, а также все решения носят обсуждаемый и коллективный характер.

Из разницы в статусе при выполнении трудовых обязанностей возникает и экономический дисбаланс. Достижение экономического равенства при выполнении одних и тех же функций осуществимо, но постановка цели в совершенствовании финансового благополучия для женщины так же вызовет трудности все с теми же базовыми составляющими, которые завязаны на уровне образования, профессиональном мастерстве

и соответствующей оплате труда [Козлова, 2006]. То есть все сводится к стереотипному мышлению общества и принятой модели поведения самой женщины. Отсутствие времени на профессиональное развитие и повышение качества образования в связи с выполнением роли жены и матери отражается на компетенциях и навыках, а соответственно, на занимаемой должности и оплате труда.

Не только сфера власти не в равной степени предоставляет свое поприще для обоих полов, экономический аспект благосостояния также очень уязвим для женской гендерной группы. Из экономической нестабильности вытекает вопрос лоббирования интересов и финансирования избирательной кампании. Отсутствие собственного уставного капитала или его ограниченность не могут позволить осуществить процесс баллотирования. Привлечение инвесторов и спонсоров затрудняется уже вышеупомянутыми стереотипами. Получение средств у женской части электората вскрывает еще одну сложность – женская солидарность в политической сфере так же не сформирована, как и элемент доверия. Среди мужчин, напротив, царит определенный корпоративизм.

Заключение

Таким образом, даже на данном этапе развития со всеми веяниями эмансипации и давно существующим юридическим равенством возможностей, и женская и мужская часть избирателей наиболее привлекательной фигурой для работы в сфере политики и государственного управления считает представителей мужской гендерной группы.

Причины этого кроются в существующих общественных стереотипах, сложившейся исторической традиции, а также в ухудшающемся социально-экономическом положении женщин. История России имеет прецеденты женского политического лидерства, но этот факт не меняет положение рядовых членов женской гендерной группы. И опыт пребывания женщин на лидирующих позициях в иерархии властных отношений имеет характер исключения. А ведь усиление роли женщины в общественно-политической сфере может привести к эффективной демократизации всех процессов в государстве. И поэтому обращение к истории эволюции становления роли женщины в политической сфере необходимо для понимания специфики развития данной области, а также для разработки планов и стратегий по вовлечению женской гендерной группы в сферу политики и власти на современном этапе. Причины второстепенного положения женщины в политической системе России также позволяют разработать механизмы для изменения такого статуса представительниц женской гендерной группы, что в свою очередь должно повлиять не только на процессы демократизации, но и на построение гражданского общества, способного лоббировать интересы народа перед представителями органов государственной власти.

Список источников

1. Арманд И. Ф. 1975. Статьи, речи, письма. М., Политиздат, 287 с.
2. Бовуар С. 1997. Второй пол. Перевод Айвазовой С. Г., Аристовой М.В. М., Проспект, 832 с.
3. Записки Манштейна о России. Хрестоматия по истории СССР. 1953. Т. 2., М., Наука, 964 с.
4. Записки фельдмаршала Миниха. Хрестоматия по истории СССР. 1953. Т.2., М., Наука, 964 с.
5. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 2015. 12 лекций по гендерной социологии. СПб., Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 768 с.
6. Коллонтай А.М. 1972. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 430 с.
7. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. 1979. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения 10.12.2020).
8. Конвенция о политических правах женщин. 1952. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politights.shtml (дата обращения: 10. 12.20).

9. Крупская Н.К. 1959. Основы политико-просветительской работы. М., АПН, 751 с.
10. Ленин В.И. 1967. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., Политическая литература, 671 с.
11. Цеткин К. 1974. Заветы Ленина женщинам всего мира. М., Политиздат, 72 с.
12. Энгельс Ф. 1980. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Политиздат, 222 с.
13. Duverger M. 1955. The Political Role of Women. Paris, UNESCO, 221p.

Список литературы

1. Анисимова С.А. 2001. Эволюция роли женщины в политическом процессе России. Диссертация... кандидата политических наук. Москва, 166 с.
2. Айвазова С.Г. 1998. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы, 7: 134–142
3. Беляева Г.Ф. 2008. Политическая активность женщин в России. Вопросы государственного и муниципального управления, 1: 143–164
4. Будье П. 2014. Мужское господство. В кн.: Социальное пространство: поля и практики: перевод с французского языка, составитель Н.А. Шматко. СПб, Алетейя: 284–296.
5. Гудова О.С. 2019. Гендерный аспект власти на примере самодержавных императриц в России. Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 8, 5А: 69–77. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.038
6. Зимин В.А. 2013. Женщины России в политике и структурах власти. Теория и практика общественного развития, 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-rossii-v-politike-i-strukturah-vlasti> (дата обращения: 10. 12.20).
7. Козлова М.С. 2006. Дискриминация женщин на российском рынке труда: региональный аспект. Диссертация... кандидата исторических наук. Саратов, 177 с.
8. Куслий П.С. 2008. Феноменология в контексте современной философии познания. Эпистемология & Философия науки, 4: 195–198.
9. Липич Т.И., Марьясова Е.А. 2018. Роль женщины на политической арене России. Культура. В кн.: Политика. Понимание (Культура, нация, государство – проблемы идентичности в контексте современной политики). Материалы VI Международной научной конференции, Белград, 17–19 мая 2018 года: 190–197.
10. Первушина Е.В. 2012. Петербургские женщины XVIII века. М., Центрполиграф, 444 с.
11. Хитрова О.В. 2006. Участие женщин в политической жизни России в условиях модернизации политической системы. Диссертация... кандидата политических наук. Ярославль, 196 с.
12. Шатохина С.Б. 2011. Эволюция образования женщин в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности: по материалам Воронежской и Курской губерний. Диссертация... кандидата исторических наук. Белгород, 208 с.
13. Шепелева Ю.Л. 2016. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС, 3: 240–245.
14. Школьников И.А. 2000. Теория и практика английского феминизма. Женский вопрос в контексте национальной культуры. Материалы международной научной конференции, 18–19 апреля 2000 года СПб., 12–29.

References

1. Anisimova S.A. 2001. Jevoljucija roli zhenshhiny v politicheskom processe Rossii [Evolution of the role of women in the political process in Russia]. Dis. ... cand. polit. sciences. Moscow, 166 p.
2. Ajvazova S.G. 1998. Russkie zhenshhiny v labirinte ravnopravija [Russian women in the labyrinth of equality]. Ocherki politicheskoy teorii i istorii. Dokumental'nye materialy, 7: 134–142.
3. Beljaeva G. F. 2008. Politicheskaja aktivnost' zhenshhin v Rossii [Political activity of women in Russia]. Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija, 1: 143–164.
4. Bud'e P. 2014. Muzhskoe gospodstvo [Male domination]. In: Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]. Ed. N.A. Shmatko. St. Petersburg, Aleteyua: 284–296.

5. Gudova O.S. 2019. Gendernyy aspekt vlasti na primere samoderzhavnykh imperatrits v Rossii [Gender Aspect of Power on the Example of Autocratic Empresses in Russia]. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke, 8, 5A: 69–77. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.038
6. Zimin V.A. 2013. Zhenshhiny Rossii v politike i strukturah vlasti [Women of Russia in politics and power structures]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 10. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-rossii-v-politike-i-strukturah-vlasti> (accessed: 10 December 2020).
7. Kozlova M.S. 2006. Diskriminatsiya zhenshhin na rossijskom rynke truda: regional'nyj aspect [Discrimination against women in the Russian labor market: a regional aspect]. Dis. ... cand. hist. sciences. Saratov, 177 p.
8. Kuslij P.S. 2008. Fenomenologiya v kontekste sovremennoj filosofii poznaniya [Phenomenology in the context of modern philosophy of knowledge]. Jepistemologiya & Filosofija nauki [Epistemology philosophy of science], 4: 195–198.
9. Lipich T.I., Mar'yasova E.A. 2018. Rol' zhenshhiny na politicheskoy arene Rossii. Kul'tura. In: Politika. Ponimanie (Kul'tura, natsiya, gosudarstvo – problemy identichnosti v kontekste sovremennoy politiki). Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [The role of women in the political arena of Russia. Culture. In the book: Politics. Understanding (Culture, nation, state - problems of identity in the context of modern politics). Materials of the VI International Scientific Conference], Belgrade, 17–19 May 2018: 190–197.
10. Pervushina E V. 2012. Peterburgskie zhenshhiny XVIII veka [Petersburg women of the 18th century]. Moscow, Centrpoligraf, 444 p.
11. Hitrova O.V. 2006. Uchastie zhenshhin v politicheskoy zhizni Rossii v usloviyah modernizatsii politicheskoy sistemy [The participation of women in the political life of Russia in the context of the modernization of the political system]. Dis. ... cand. polit. sciences. Yaroslavl, 196 p.
12. Shatohina S.B. 2011. Jevoljucija obrazovaniya zhenshhin v rossijskoj provincii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX veka v kontekste povsednevnosti: po materialam Voronezhskoj i Kurskoj gubernij [Evolution of the education of women in the Russian province in the second half of the 19th - early 20th centuries in the context of everyday life: based on the materials of the Voronezh and Kursk provinces]. Dis. ... cand. hist. sciences. Belgorod, 208 p.
13. Shepeleva Ju.L. 2016. Politicheskoe liderstvo v sovremennom rossijskom obshchestve: gendernoe izmerenie [Political Leadership in Contemporary Russian Society: Gender Dimension]. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS, 3: 240–245.
14. Shkol'nikov I.A. 2000. Teoriya i praktika angliyskogo feminizma (raboty Dzh.S. Millya, Garriet Teylor i Khelen Teylor). In: Zhenskiy vopros v kontekste natsional'noy kul'tury. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Theory and practice of English feminism (works J.S. Mill, Harriet Taylor and Helen Taylor). Women's issue in the context of national culture. Materials of the international scientific conference], St. Petersburg, 18–19 April 2000: 12–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного университета, Белгород, Россия

Гудова Ольга Сергеевна, аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University, Belgorod, Russia

Olga S. Gudova, PhD student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University, Belgorod, Russia

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

УДК 343.915

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-195-198

Преступление и наказание **Рецензия на монографию В.Н. Пожималина** **«Предупреждение преступности несовершеннолетних и молодежи,** **объединенных спортивным фантизмом»¹**

Кутоманов С.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: kutomanov@bsu.edu.ru

Аннотация. В рецензии представлен анализ основных разделов монографии. Проанализированы и подвергнуты критике некоторые тезисы. Разделены понятия «спортивный» и «околоспортивный» фантизм. Предложен усредненный антропологический и социальный портрет спортивного фаната. Сделан вывод о необходимости исследований в области изучения феномена спортивного фантизма.

Ключевые слова: молодежь, спортивный фантизм, философская антропология, субкультура, философия спорта, преступность.

Для цитирования: Кутоманов С.А. 2021. Преступление и наказание. Рецензия на монографию В.Н. Пожималина «Предупреждение преступности несовершеннолетних и молодежи, объединенных спортивным фантизмом. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (1): 195–198. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-195-198

Crime and punishment **Review of the monograph by V.N. Pozhimalin** **"Crime prevention among minors and youth jointed through sports fanaticism"**

Sergey S. Kutomanov

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: kutomanov@bsu.edu.ru

Abstract. The review provides an analysis of the main sections of the monograph. Some theses are analyzed and criticized. The concepts of "sports" and "near-sports" fanaticism are separated. An average anthropological and social portrait of a sports fan is proposed. The conclusion is made about the need for research in the field of studying the phenomenon of sports fanaticism.

¹ Пожималин В.Н. Предупреждение преступности несовершеннолетних и молодежи, объединенных спортивным фантизмом. – М. : Проспект : Академия ФСИН России, 2020. – 112 с.
Pozhimalin V.N. «Crime prevention among minors and youth jointed through sports fanaticism» Moscow : Prospect : Academy of the Federal penitentiary service of Russia, 2020. 112 p.

Keywords: young people, sports fanaticism, philosophical anthropology, subculture, philosophy of sports, crime.

For citation: Kutomanov S.A. 2021. Crime and punishment Review of the monograph by V.N. Pozhimalin "Crime prevention among minors and youth jointed through sports fanaticism". NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (1): 195–198 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-195-198

Спорт как общественное явление имеет целый комплекс проявлений. Одним из них выступает боление. Будучи неотъемлемой частью соревнований, само по себе боление не несет негативного оттенка, однако впадая в определенные крайности, например, в фанатизм, может нести несомненную угрозу как обществу, так и своим адептам. Спортивный фанатизм – это современное негативное явление, выражающиеся в совершении преступных деяний на основе объединения вокруг спорта. Исторически сложилось, что спортивными фанатами чаще всего выступают подростки либо молодые люди. Объединенные общим увлечением, они совершают противоправные деяния, в том числе преступления, одним из способов борьбы с которыми является предупреждение преступности. Именно данной проблеме посвящена монография В.Н. Пожималина.

Монография адресована курсантам и слушателям учебных заведений МВД и ФСИН России, студентам и преподавателям юридических вузов, а также практическим работникам, ведущим борьбу с преступностью в области спорта. На наш взгляд, эту аудиторию можно расширить философами, антропологами и социологами.

Работа имеет две главы. Первая носит в большей степени теоретический характер, включая в себя элементы философского обобщения таких категорий, как агрессия, насилие, а также социологические данные, включающие в себя социологические опросы несовершеннолетних преступников, отбывающих наказания за преступления в сфере спортивного фанатизма.

Интересным является наблюдение автора о понятии фанатизма применительно к спорту [Пожималин, 2020, с. 11]. Традиционно в литературе термин «спортивный фанатизм» встречается исключительно в негативном контексте и связывается с субкультурой спортивных болельщиков-фанатов. В.Н. Пожималин справедливо, на наш взгляд, отмечает, что спортивный фанатизм может трактоваться как деятельность спортсменов, одержимых спортом, а точнее тренировками и соревнованиями. По нашему мнению, это довольно ценное замечание, хотя сам автор не развивает эту мысль в силу того, что она не входит в предмет его исследования. В этой связи мы предлагаем разделять *спортивный* и *околоспортивный* фанатизм. За первым можно закрепить понимание непосредственно спортивных видов деятельности. Второй термин использовать по отношению к спортивным болельщикам по аналогии с термином «околофутбол». В монографии затрагиваются вопросы исключительно негативно окрашенного понимания спортивного фанатизма [Пожималин, 2020, с. 11]. Под «околоспортивной деятельностью» В.Н. Полежакин понимает посещение спортивных матчей, увлечение отдельными спортсменами, командами, подражание в поведении и т.д. [Пожималин, 2020, с. 22].

Давая криминологическую характеристику преступности несовершеннолетних и молодежи, автор предлагает и довольно подробную характеристику динамики преступлений с 2006 по 2012 гг. В монографии используется классификация преступлений, разработанная органами внутренних дел и представленная 12 видами преступных деяний [Пожималин, 2020, с. 29]. Из работы можно сделать вывод, что основным типом преступлений, совершаемых фанатами, являются преступления,

связанные с насилием (разбой, грабеж, убийство, умышленное причинение вреда здоровью). В исследовании активно используется статистика. При этом представлены данные лишь за 2007–2012 гг., хотя монография вышла в 2020 году.

Характеризуя личность спортивного фаната, ставшего преступником, автором рассмотрен широкий спектр вопросов, касающихся не только возраста, но и факторов развития личности. Данная проблема не была до этого предметом специального изучения, за исключением футбольных фанатов [Пожималин, 2020, с. 42]. Кроме этого, работа не обходит стороной социально-культурные факторы, такие как благополучие семьи, образование, наличие возможности работать или учиться, эскалацию насилия в спорте и др. [Пожималин, 2020, с. 65].

Автором сделана попытка охарактеризовать преступность, касающуюся именно несовершеннолетних болельщиков-фанатов. Привлечены интересные социологические данные, позволяющие сформировать портрет несовершеннолетнего преступника-фаната. Результаты и выводы основаны на опросе осужденных, в том числе и за преступления, совершенные несовершеннолетними и молодежью, объединёнными спортивным фанатизмом. Полученные данные делают это исследование поистине уникальным, так как провести сколь-либо удобоваримые опросы спортивных фанатов довольно сложно. Здесь же мы имеем несомненно ценный материал. При этом автор не отслеживает возможные погрешности, связанные с опросом именно такого качества респондентов. В частности, когда разговор заходит о невысоком социальном статусе болельщиков-фанатов, мы должны понимать, что разговор здесь идет исключительно об осужденных. Вполне допустимо, что фанаты-преступники из семей более высокого социального положения имеют возможности избежать уголовного наказания (например, оплатить услуги дорогого адвоката), поэтому просто не попадают в спектр исследования, что отчасти несколько искажает итоговую картину.

Преступления, совершаемые фанатами, за которые они попадают в места лишения свободы, конечно, носят тяжелый характер, иначе в связи с общей гуманизацией законодательства, они просто не дошли бы до мест лишения свободы, а значит, и до объекта данной работы.

В целом же рисуется такой образ несовершеннолетнего фаната: это юноша, чаще всего житель областного центра, из неблагополучной или близкой к этому положению семьи. Он имеет много свободного времени, так как, скорее всего, не работает или не учится, или, как вариант, имеет социальный статус учащегося формально. Имеет невысокий уровень образования (это некий вызов образу идеального фаната, нарисованного творчеством Д. Лекуха и больше приближенный к картине, представленной Д. Бримсоном). Он физически силен, агрессивен. Скорее всего, занимался каким-либо спортом, связанным с единоборствами. Причем занимался не столько, сколько требуется для достижений в спорте, но достаточно, чтобы применить свои навыки на улице.

Причины преступности представителей молодежи, объединенных спортивным фанатизмом, автор монографии предлагает объединить, на наш взгляд, вполне удачно, в следующие основные группы: социально-психологические, политические, идеологические, социально-экономические, организационно-управленческие, воспитательные, правовые, криминологические. В работе представлен развернутый анализ каждой из этих групп.

Вторая часть монографии носит практический характер и посвящена мерам профилактики преступности среди молодежи, объединенной спортивным фанатизмом. Выделяются следующие направления:

– гуманизация предупредительной политики, т.е. применение мер защитных, наказывающих;

- повышение профессионального уровня воспитательной работы, профессионализма соответствующих должностных лиц;
- привлечение разнообразных специалистов в предупредительный процесс, то есть психологов, социологов, педагогов, специализирующихся в данной области;
- признание семьи в качестве основного института развития и социализации, повышение его роли и значимости в обществе [Пожималин, 2020, с. 82].

Особое место отводится специальным (рейды, постановка на учет, анализ проводимых мероприятий, обмен информацией между подразделениями, создание единой системы учета лиц) [Пожималин, 2020, с. 93] и индивидуальным (криминогенная мотивация, криминогенная ситуация, микросреда жизнедеятельности) [Пожималин, 2020, с. 101] методам профилактики преступности. Также автором особо выделены властные субъекты, которые имеют рычаги воздействия на ситуацию, связанную с преступной деятельностью молодежи в целом и фанатов в частности.

В заключении работы представлены авторские предложения и рекомендации, направленные на предупредительную деятельность преступлений. По мнению автора, возможны два пути решения данной проблемы: ужесточение наказания и профилактика преступности. Вторая носит общекультурный характер, т.к. требует общегосударственного подхода. Это сложнее, но возможно более эффективно.

Все причины вовлечения подростка в преступные действия связаны, по мнению автора, с двумя основными факторами: личностью самого спортивного фаната (комплекс причин, которые так или иначе повлияли на его тягу к преступным действиям) и социальным окружением, которое вынуждают подростка выплескивать энергию в негативных направлениях.

Наличие агрессивных субкультур, скорее всего, будет сопровождать дальнейшую историю человечества. Поэтому приобретение опыта борьбы с агрессивными, в том числе и экстремистскими организациями, связанными с вовлечением в них несовершеннолетних, необходимо приобретать. Особенно это касается полуправильных субкультур, т.к. вопрос сосуществования с ними будет полезен и актуален.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кутоманов Сергей Алексеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey S. Kutomanov, PhD, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University, Belgorod, Russia